

охота

и охотничье хозяйство

10

2007

Возродить дух

В. ПЕТРЕНКО, Сибирский НИИ
охотничьего хозяйства и звероводства, г. Красноярск

Фото Г. Шаульского

промысловой охоты

Охотничье хозяйство России вновь находится на перепутье. С 1 января 2008 г. большая часть функций по охране и использованию охотничьих животных будет передана органам власти субъектов Федерации, что вызывает определенную обеспокоенность. Нужно сделать так, чтобы порядок регулирования промысловой охоты менялся к лучшему, чтобы лучше стало промысловому охотнику — ведь он производительник.

Сейчас, при отсутствии Федерального закона «Об охоте», наличии «беззубых» законов в некоторых субъектах Федерации, несовершенного закона «О животном мире» и Налогового кодекса, можно сказать, что регулирования промысловой охоты не существует.

Например, в Красноярском крае в прошедшем промысловом сезоне лишь благодаря обращению более чем 240 охотников с письмом к Президенту В. В. Путину лимит на добычу соболя был увеличен с 50 до 70 тыс. особей. И это при том, что в крае добывается в среднем не менее 80—90 тыс. соболей. Перестраховщики из Москвы сделали свое черное «дело». Сезон же на большей части края оказался очень удачным. При хорошей обеспеченности кормами популяции соболя, вероятно, имели прирост выше среднего — молодняк в добыче преобладал. Несмотря на теплую, дождливую, с отдельными морозными днями погоду в начале сезона, отрицательно повлиявшую на охоту с собакой, самоловная охота удалась. Охотники края, по экспертным оценкам, добыли не менее 100 тыс. соболей. Лицензий же не хватило.

Внесли лепту в дезорганизацию промысла и закупки пушнины крупнейшие участники этого процесса. До принятия каких-либо поправок в Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральные законы «О животном мире» и «О ветеринарии» Россельхознадзор направил своим региональным службам письмо от 28.12.2005 г. с требованием при выписке ветеринарных свидетельств в «Особых отметках»

указывать номер, дату, место выдачи отрывного талона к именной разовой лицензии на добычу объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты, и название организации, выдавшей талон. Несмотря на отмену упомянутого письма Федеральной антимонопольной службой России, требования его возымели действие на ОАО ВО «Союзпушнина». Руководство фирмы разослало факс в адреса крупных поставщиков пушнины на Санкт-Петербургский аукцион, чтобы они в сезоне 2006—2007 гг. подали заявки и приобрели необходимое количество соответствующих лицензий. Осенью 2006 г. в администрации Красноярского края представители ОАО ВО «Союзпушнина» провели совещание с поставщиками и сообщили им, что шкурки соболя без талонов к именованным разовым лицензиям на добычу не будут приниматься на продажу. Так оно и вышло. На официальном сайте «Союзпушнины» это требование к поставщикам было подтверждено. В Красноярском крае сразу же возник «черный» рынок лицензий (талонов к ним). Их покупали большей частью не охотники. Об этом писала газета «АиФ на Енисее». Стоимость лицензии составляет 120 руб. за добычу одного зверька. В то же время некоторые пушные фирмы платили за талоны к именованным разовым лицензиям до 400 рублей. Такие факты не единичны. Пушные фирмы были вынуждены выкупать лимиты бездействующих охотпользователей, при этом зверьков добывали совершенно на других территориях. Какое уж тут регулирование изъятия? В результате многим охотникам, реально добывающим соболя, досталось по 5—10 лицензий. Да и охотники надеялись, как прежде, продать «нелегальных» соболей.

В Красноярском крае процесс продажи лицензий охотпользователям происходил абсолютно непрозрачно. Было известно, что лимит изъятия соболей повышен на 20 тыс. зверьков. А кому его выделили, осталось загадкой.

Россельхознадзор и «Союзпушнина» объединились также в деле монополизации заготовок пушнины. Например, в Санкт-Петербурге ветеринарные органы выдавали сертификаты международного образца на транспортировку пушнины грузов за границу только «Союзпушнине». Остальным экспортерам под видом того, что их пушнина «браконьерская», отказывали в ветеринарной экспертизе. Образовалась

Федеральному закону «О защите конкуренции».

Негативный результат всех этих действий не преминул ударить по интересам охотников. Если в конце сезона 2005—2006 гг. при свободной конкуренции среди заготовительных фирм Красноярского края средняя закупочная цена шкурки соболя составляла около 3000 рублей, то в начале прошедшего сезона она упала до 2600, в середине зимы была снижена до 1700 рублей, а к весне немного превышала 1000 руб. за соболя светлой окраски. У охотников в таежной глубинке скупщики вообще приобретали шкурку по цене 700—800 руб. Торги же на январском аукционе в Санкт-Петербурге были успешными. По данным сайта «Союзпушнина», средняя цена проданной шкурки соболя составила около 142 долларов США. В российской валюте это около 3700 руб. Таким образом, посредник на каждом соболе получал более 2000 руб. прибыли. Эта прибыль оказалась большей, чем общий доход у доброспорядочного охотника — производителя товара.

Все эти действия (и препоны перезова через границу, и искусственное снижение закупочной цены) осуществлялись якобы в интересах соболя: «не дай Бог, его истребят!» При отсутствии серьезных научных исследований, а также с учетом того, что результаты зимних маршрутных учетов подвержены субъективному влиянию (а нужно полагаться на объективные данные), делать такие выводы (занижать лимит) руководящим органам охотничьего хозяйства непозволительно. Можно лишь сделать вывод, что регулирование добычи соболя с помощью лицензий дискредитировало себя. Фискальную функцию лицензионная система и то выполняет с изрядном.

Что же позволяет соболу сохраниться и даже создавать промысловую численность при значительном охотничьем прессинге?

Самое главное, на наш взгляд, это современное неформальное разделение угодий на охотничьи участки. Устоявшаяся система позволяет обойтись без лицензий на добычу как таковых и сохранить соболя. В жизни так и происходит. Несмотря на небольшое количество лицензий, охотник всегда ведет промысел с приложением максимальных усилий и доступных ему технических средств. Поэтому промысловое изъятие зверьков можно и нужно регулировать с помощью изменения площади участка, включающего

охота

и охотничье хозяйство 10 2007

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала,
Союз охотников и рыболовов РФ.
● Основан в октябре 1955 г.

© «Охота и охотничье хозяйство»

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

научная библиотека
им. И. В. Бабушкина

воспроизводственную зону, количества охотящихся на нем охотников и продолжительности сроков охоты.

В отдельные, порой длительные, исторические периоды, как только утрачивалось территориальное охотпользование с разделением территории на охотничьи участки (ухожья), сразу же приходил в упадок самодовольный промысел, численность ценных животных сокращалась до критически низкой (Наумов, 1934). Примером тому может служить всем известная судьба соболя. И наоборот, когда появлялись права отдельных охотников на свои участки, ресурсы соболя восстанавливались. Диалектика здесь простая — хозяин по обычному праву (совокупность традиционно сложившихся неписаных правил поведения, санкционированных государством) не позволяет охотиться на своих угодьях никому другому. Подавляющее большинство охотников — рачительные хозяева на своих участках. Поэтому организация промысловых хозяйств в советское время, прекращение обезлички и закрепление угодий за конкретными охотниками принесли свои плоды и в деле охраны природы, в частности соболя. В настоящее время система охотничьих участков устоялась на всей площади продуктивных охотничьих угодий Сибири. На территориях бывших и немногих существующих промыслов она не разрушена и поныне. Думающие председатели охотничьих обществ для ведения пушной охоты отдельным охотникам выделяют участки преимущественного пользования. Даже на угодьях общего пользования есть хозяева. Ведь по инструкции лицензия на изъятие животного выдается на конкретный участок, урочище. Во многих промысловых районах местные власти, совместно с органами охотнадзора и лесхозами, на свой страх и риск закрепляют охотничьи участки и сейчас. Примером тому — Эвенкия, где физические лица являются полноправными охотпользователями. Оптимальные нормативы размеров участков в

различных подзонах тайги уже разработаны наукой (Мельников и др., 1987). И они, в большей части, внедрены в практику промысла. Эту систему, на наш взгляд, следует узаконить.

За судьбу соболя, по крайней мере в среднетаяжной зоне Красноярского края, бояться нечего. Если даже предположить, что там в опромышляемых угодьях его истребят, то в биосферном заповеднике «Центральносибирский» (972 тыс. га) и республиканском заказнике «Елогуйский» (747,6 тыс. га) он сохранится. Достаточно будет запретить охоту на соболя, и года через два три он из охраняемых угодий расселится в опустошенные. Ведь пушные животные — ресурс подвижный, быстро восстанавливаемый. Такая же ситуация наблюдается и в горных лесах Саян, где располагается заповедник «Саяно-Шушенский» (390,4 тыс. га). Охотниками замечено, что «подпитка» из заповедников в опромышляемые угодья в годы миграционной активности соболя и во время расселения молодняка ощущается на довольно значительном расстоянии. Такой же эффект ощущается и от сети существующих в крае двадцати шести заказников, расположенных на 1,5 млн. га. Практически в каждом административном районе наряду с имеющимися заказниками в соответствии со схемой развития предполагается создать их еще на дополнительной площади более одного миллиона гектаров.

Как должно быть и что удобно охотнику-промысловому? Охотник на своем участке промысел соболя должен вести свободно, в утвержденные сроки охоты, без ограничений по количеству. Декларировать свою добычу охотник должен после промысла. Затем он оплачивает сбор за пользование животным миром из расчета ставки сбора, умноженной на количество добытых зверьков. Например, охотник, добывший 50 соболей (а это в прошедшем сезоне средний размер добычи промысловиков, охотящихся на Енисейском кряже), оплачивает через

Сбербанк в управление федерального казначейства за их добычу 6000 руб. (50 шт. x 120 руб.). Охотовед осматривает шкурки, определяет их привою принадлежность, устанавливает особо крупных самцов и самок. В качестве дополнительного метода для дифференциации молодых и взрослых можно использовать показатели размера и цвета брюшной железы, обычно остающейся на шкурке. У сеголетков эта железа слабо выражена, имеет бледный цвет и в длину не превышает 28 мм. У взрослых зверьков ее длина 30—35 мм и окрашена в желтый или темно-коричневый цвет (Бакеев, Монахов, Синецын, 2003). Бывают годы, когда взрослых особей в добыче сравнительно много. После таких лет в следующем сезоне следовало бы сократить срок охотничьего промысла, например, до января. При преобладании молодняка промысел на следующий сезон проводят в обычные сроки.

После этого декларированные шкурки должны быть опломбированы (например, за ухо или горло) специальными клеймами. С этой целью следует принять правовой акт на уровне Российской Федерации о порядке клеймения шкурок лицензионных видов пушных зверей. Современный уровень техники, вероятно, позволяет изобрести миниатюрный информационный блок, который мог бы вместить и содержать любую информацию, вплоть до способа добычи, характеризующего «безупречность происхождения» данной шкурки.

И еще замечание, важное для охотника-промысловика. В настоящее время пушной аукцион в Санкт-Петербурге — частная фирма (ОАО), приватизированная в 2003 году, без государственного пакета акций, приносящая доход ограниченному числу своих акционеров. В то же время во всем мире подобного рода учреждения — собственность либо охотников-промысловиков, которые сами являются совладельцами и управляющими («Fur Harvesters Auction Inc», г. Норе Бэй в Канаде), либо звероводов («Korpenhaugen Fur» в Дании) и т. п. Любой лицензированный североамериканский охотник может непосредственно продавать свою добычу на аукционе, а в конце сезона получать бонусное вознаграждение. У нас же «Союзпушнина» работает с угодными только ей «поставщиками». Неудобным ставят всяческие «палки в колеса», чтобы только вытеснить их с рынка пушнины. Лишь единицы охотников-соболятников со всей России выставляют свою добычу на продажу. К ним предъявляют требование — на торги должно быть представлено одновременно не менее 200 шкурок. Редкий промысловик за весь сезон добывает столько соболей...

Было бы замечательно, если бы такой аукцион был создан либо в Иркутске, либо в Красноярске, а учредителями и акционерами его были бы рядовые охотники-промысловики.

Биолог-охотовед Сибири

Генрих Анатольевич Соколов

Председателю комиссии по соболю Териологического общества РАН, Председателю Среднесибирского отделения этого же общества профессору Генриху Анатольевичу Соколову исполнилось 75 лет.

Этот моложавый, энергичный и жизнерадостный человек, несмотря на прожитые годы, полон творческих сил.

С детства он пристрастился к животному миру, окружающей природе, приключенческой и охотничьей литературе. С 14 лет начал охотиться с ружьем. С боеприпасами было трудно, дробь приспособился изготавливать из свинца аккумуляторов американских «студбеккеров», а чтобы получить порох, приходилось промышлять водяную крысу и шкурки ее сдавать в заготконтору.

После окончания школы Генрих Анатольевич поступил в Московский пушно-меховой институт. Здесь его учителями были выдающиеся биологи П. А. Мантейфель и А. М. Колосов. Практику проходил в Баргузинском заповеднике и Бурятмонгольской автономной республике. Здесь он изучал экологию соболя и марала.

Окончив МПМИ, Соколов с радостью поехал в Сибирь, в Красноярское отделение ВНИИОЗ. Вначале занимался пахучими приманками и снотворными препаратами под руководством С. А. Корытина. Несколько позже проводил в Тайшетской тайге испытание нового древесного капкана на белку. Во время этой работы судьба свела его с опытными учеными — оховедами Я. С. Русановым и

А. А. Вершининым, в то время уже известным соболятником. Соколов с Вершининым провели месяц в тайге, испытав капкан, который и был рекомендован к использованию на промысле белки. Общение с А. А. Вершининым еще больше укрепило Соколова в желании заняться экологией соболя. Кроме этого, он проводил выпуски ондатры и американской норки, учеты бобра в Красноярском крае и в Хакасии.

В 1958 г. поступил в аспирантуру на кафедру охотоведения ИСХИ, к профессору Василию Николаевичу Скалону, с которым был знаком с 1953 г., когда был на практике в Баргузинском заповеднике. Будучи в аспирантуре занимался охотпользованием в промысловых хозяйствах потребкооперации. Из Иркутска ездил постоянно в Красноярск, в южные районы, где изучал экологию копытных и пушных видов.

В 1960 г., после окончания аспирантуры, был приглашен академиком А. Б. Жуковым в Институт леса и древесины АН СССР. В это время в Институте создавалось направление, цель исследования которого состояла в комплексном использовании биологических ресурсов горных кедровых лесов Сибири. Работал на Алтае на Телецком озере, на Байкале и в Хакасии. Исследования юбилея состояли в том, чтобы дать теоретическое обоснование уровню лесопользования при выборочных рубках с точки зрения приемлемости их для лесной фауны. Учеными была найдена «золотая середина» — выгода для лесопользования и создание условий для увеличения биомассы кормовых ресурсов соболя, белки, марала и куриных птиц. Все это достигалось при таком уровне вырубki деревьев, когда сомкнутость крон уменьшалась до 0,5—0,6. В 1964 г., уже в Институте леса, защитил кандидатскую диссертацию.

Организация коопзверопромхозов, госпромхозов и лесохозяйничьего хозяйства, каким был Алтайский «Кедроград», подвигли исследователя к выявлению и изучению закономерностей организации структурных построений и динамики популяционных параметров вида и разработке теории интенсивных экологически правомерных технологических приемов использования популяций соболя в процессе промыслового пресса. Для понимания природы этих популяционных процессов было собрано 8975 тушек и черепов соболей. Докторская диссертация «Экологические основы рационального использования соболя в кедровых лесах Сибири» была защищена в 1994 г. в ВСХИЗО.

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. Соколов организовал 5 коопзверопромхозов на юге края и 3 — в Туруханском районе. Для каждого из них (или группы хозяйств) были разработаны принципы их организации и функционирования, комплексы отраслей.

В процессе фаунистических исследований представилось возможным изучить зоокомплекс и сообщество млекопитающих и птиц Приенисейской части Западного Саяна. Было документально и визуально установлено присутствие здесь волка красного, барса снежного, козла горного сибирского, оленя северного лесного, алтайского улара и др. Возникла идея заповедания этой территории и в 1976 г. был создан Саяно-Шушенский государственный заповедник. В настоящее время Г. А. Соколовым разработана ландшафтно-зональная схема организации заповедников в Красноярском крае, в том числе в северных регионах, где увеличивается антропогенная нагрузка на естественные экосистемы.

В начале 1980 гг. соболятники России избрали Г. А. Соколова председателем комиссии по соболю Териологического общества РАН. За это время удалось провести в Красноярске 3 Всероссийских совещания по соболю. Юбилеаром опубликовано 220 научных работ, в том числе 12 книг монографического уровня, написаны очерки по млекопитающим в Красные книги Красноярского края и Республики Хакасии.

Г. А. Соколов любит предпринимать экспедиционные поездки и познавать жизнь млекопитающих в еще мало изученных местах. Является страстным охотником. Для научных исследований добыл 26 медведей, несколько десятков особой косули, марала, лося, оленя северного, козла горного сибирского и около 300 соболей. Им собрана коллекция — около 4 тыс. черепов соболя, 22 черепа медведя, 300 черепов разных видов (сибирских) копытных и хищников.

Последние десятилетия Г. А. Соколов работает в Сибирском федеральном университете, на кафедре охотничьего ресурсоведения и заповедного дела, читая такие дисциплины, как систематика млекопитающих, экология млекопитающих, заповедное дело, охрана природы, общие вопросы охотоведения, охотничье ресурсоведение. Постоянно ездит на практику со студентами и аспирантами, выполняет хозяйственные темы исследований.

Генрих Анатольевич Соколов с большим вниманием трудится над воспитанием нового поколения специалистов в области охотничьего ресурсоведения и заповедного дела, в решении вопросов рационального ресурсопользования и охраны редких видов млекопитающих.

Желаем юбиляру крепкого сибирского здоровья, счастья, уверенности в свершении всего задуманного.

Л. КОЛПАЩИКОВ,
доктор биологических наук,
А. МУХАЧЕВ,

доктор сельскохозяйственных наук,
профессор НИИСХ Крайнего Севера
СО РАСХН

Соболь:

Г. СОКОЛОВ, доктор биологических наук,
Председатель комиссии по соболю Териологического общества РАН

пути рационального использования

Соболь — наиболее ценный пушной вид млекопитающих бореальных лесов России. Соболий мех в государстве остается востребованным на протяжении уже более четырех веков. Вполне понятно, что в настоящее время доход государства от продажи этого меха несравним с тем, каким он был 300 лет назад. Однако значение соболя и в настоящее время велико от Урала до Камчатки — удельный вес шкурок в последние десятилетия в пушных заготовках составлял (в стоимостном выражении) 80—98 % (Соколов, 2001; Даренский, 2005). Продажа шкурок соболя на Международных пушных аукционах почти всегда составляет 100 %. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что для большинства коренных народностей таежной азиатской части страны, а также переселенцев охота на соболя представляет предмет занятости и основную часть дохода. В связи с этим, государство должно быть ответственным за уклад жизни, национальную культуру таежного населения и малочисленных коренных народностей в частности.

История «катастрофы» соболя в конце XIX — первой половине XX столетий

общеизвестна, и нет необходимости вновь упоминать об этом. Однако поучительной она не стала, а ведь потери за годы экстенсивного промысла и запрета охоты составили 7,0—8,0 млн. шкурок соболя. В настоящее время вновь искусственная депрессия численности. Состоявшаяся в 2001 г. в Красноярске научно-практическая конференция отметила крайне неудовлетворительное численное состояние популяций в пределах всего ареала. Причиной перепромысла стало отсутствие количественных учетов численности в течение 30 лет и экологически не обоснованная организация промысла вида.

На Камчатке, по сведениям А. С. Валенцова и др. (2001), ресурсы эксплуатируются нерационально: на близлежащих местообитаниях соболя отмечается перепромысел, на отдаленных участках используется его численность на пределе возможного. Аналогичная ситуация в Хабаровском крае. А. А. Даренский и В. Г. Швец (2001) констатировали, что обилие вида уменьшается, контроль за добычей потерян, фактическая добыча значительно больше выделяемых лимитов. Заготовки в крае,

по данным ученых, в 1990 гг. колебались в пределах 45—52 тыс. особей, в то время как официальные сведения оценивали их в 14,6—25,6 тыс. Уже имеются участки, где собель отсутствует.

В Забайкалье, в частности в Бурятии, отмечается интенсификация промысла соболя в приагистральном районе (Носков и др., 2001). Чрезмерный охотничий пресс в Бурятии наступил уже в конце 1960 гг., а в последнее десятилетие прошлого столетия отмечался в восьми районах из сорокадвяти. С 1988—1990 гг. охота на соболя в некоторых районах отсутствовала, численность была минимальная — менее 0,5 особей на тыс. га, а на 50 % территории собель вообще отсутствовал. Более того, проводились работы по реакклиматизации (Сутула, Носков, 1996). Об увеличении «пресса» охоты на соболя в Иркутской области в 1970 гг. указывал П. П. Наумов (2001).

Численность соболя уменьшилась и в пределах якутской части ареала (Седалищев, 2001). По мнению исследователя, снижение заготовок с 50 до 16 тыс. в первой половине 1990 гг. явилось следствием перепромысла, а также низким уровнем организации хозяйства на соболя. Зверька добывали все, кто имел доступ в тайгу. Охотники не задумывались о нормах отстрела, «вычищали все, что можно», поскольку не были уверены в возможностях охоты на следующий сезон. Потеря контроля за эксплуатацией ресурсов, по мнению В. Т. Седалищева, чревата серьезными последствиями.

На значительной части территории лесов бассейна Енисея обилие популяций соболя также уменьшается (Соколов, 1997, 2001). Численно деградируют популяции подзоны южной тайги и Саян. Так, на части территории Западного и Восточного Саяна численное уменьшение началось еще в середине 1970 гг. и за 20 лет достигло двукратной величины. В Восточном Саяне плотность населения вида в 1993 г. после охоты составляла 2,2 соболя на тыс. га, в 1995 г. — 1,2, а в 1997 г. — уже 0,3; в 2001—2004 — в пределах 0,2—0,5. Аналогичная ситуация отмечается и в подзоне южной тайги на левобережье Енисея и в лесах бассейна Ангары. Анализ состояния популяций свидетельствует, что в указанных регионах Красноярского края в настоящее время численность меньше, естественно адаптированной, в 3—5 и даже в 10 раз. Несмотря на это, популяционные группировки продолжают эксплуатироваться.

Далее на запад ситуация с эксплуатацией популяций соболя также оставляет желать лучшего. Г. Г. Собанский (2001) сообщает, что в 1957—1961 гг. численность соболя на Алтае была в 3—4 раза больше, чем в конце 1990 гг. Подобное отмечается и в Обском бассейне. В. Г. Монахов (2001) указывает на уменьшение численности соболя начиная со второй половины 1970 гг. и на «...разрушение ценных для вида угодий...» Трансформируются местообитания соболя под влиянием нефтегазодобывающего комплекса. В Ханты-Мансийском автономном округе, в частности в Сургутском районе, в 1990 гг. происходила чрезмерная добыча (Монахов, 1995). В некоторых местообитаниях соболь редок, в других плотность его населения в пределах 0,4—1,1 особи на тыс. га. Исследователь отмечает уменьшение продуктивности охотничьих угодий в 2—3,5 раза и необходимость охраны соболя в целом для Среднего Приобья (Монахов, 2001).

В 2005 г. по инициативе ВНИИОЗ, при участии комиссии по соболю Териологического общества РАН, была проведена Интернет-конференция по соболю. Ее материалы подтвердили пониженный уровень численности популяций на большей части ареала. Так, А. С. Валенцев и др. (2006) считают, что на Камчатке потерян контроль за заготовками. Если в 1990 гг. на «черный рынок» уходило 30—50 % шкурок, то в последние годы до 100 % от официальных поступлений. Последнее свидетельствует, что добывается в два раза больше выделяемых квот. Анализируя ситуацию в Восточной Сибири, Б. Г. Пермяков и Г. В. Пономарев (2006) пишут, что основой прогнозных расчетов являются относительные данные о численности, которые дают искаженное представление. В Якутии в Верхнеколымском и Среднеколымском регионах (Сафронов и др., 2006) непрерывно уменьшается обилие вида. В Красноярском крае по этим же причинам ситуация не меняется (Соколов, 2006). На Алтае, по данным Г. Г. Собанского (2006), положение остается прежним.

В 2006 г. в Красноярске состоялась служебное совещание Департамента Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору с присутствием представителей сибирских подразделений. Рассматривались вопросы о состоянии численности соболя, его промысле и обороте продукции в целом по России и в основных соболиных регионах. Совещание констатировало несовершенство нормативно-правовой базы, что усложняет надзор за оборотом шкурок соболя. В результате этого повсеместно наблюдается перепромысел соболя. При этом официальная добыча значительно меньше утвержденных лимитов. В то же время только на пушных аукционах в Санкт-Петербурге ОАО ВО «Союзпуш-

нина» за последние 5 лет продала в 2 раза больше шкурок, чем добыто официально. Совещание сделало вывод, что при такой ситуации не исключен подрыв численности соболя в ближайшие годы.

В настоящее время полностью потерян контроль над численностью вида. Причина всему — отсутствие количественных учетов численности соболя. Свидетельством антинаучного использования популяций соболя является рекомендация Охотдепартамента и его подразделений на местах изымать из популяции ежегодно 25—30 % численности. С экологической точки зрения такой пресс непропорционален, поскольку не соответствует величине прироста. Известно, что природой может изменяться от 120 до 8 % (Карташев, 1983; Соколов, 1989). Поэтому при одинаковом изъятии в отдельные популяционные циклы ограничивается размер добычи, в другие — использование численности происходит за счет воспроизводительной группы особей, в силу чего разрушается структура популяции, уменьшается репродуктивный потенциал, происходит деградация совокупности особей.

Уменьшение численности в популяционных группировках подвидов не только результат перепромысла. Многие популяции соболя уменьшились из-за необоснованного промыслового пресса на разные половые и возрастные группы. Популяции характеризуются только им свойственными определенными структурными построениями, репродуктивным потенциалом особей разных возрастных классов, численностью, динамикой других популяционных параметров (Соколов, 2003). Именно поэтому должно быть постоянное научное слежение за популяциями. А для этого в науку о соболе необходимы постоянные вложения средств. У нас они в последние годы минимальны. Так, в 2003 г. в целом в охотничье хозяйство страны было вложено 704,6 млн. руб. (Саурин, 2004). Для сравнения заметим, что в США «Служба рыбы и дичи», по сведениям В. В. Дёжкина (2004), в 1980 гг. тратила один млрд., а в последние годы несколько миллиардов долларов, при этом на территорию вдвое меньшую по площади.

Такова ситуация с соболем на подавляющей части ареала. Руководящие органы в области охотничьего хозяйства на протяжении нескольких десятилетий не прислушиваются к научным рекомендациям. Создавшееся положение обуславливает необходимость принятия целого ряда кардинальных решений. Следует незамедлительно провести абсолютный учет численности соболя по всем его ареалам. В тех регионах, где численность его находится на крайне низком уровне в результате перепромысла, требуется закрыть ресурсопользование на период, необходимый для восстановления оптимума обилия вида.

Проблема управления численностью охотничьих животных — одна из важнейших в охотоведении. Задача заключается в том, чтобы поддерживать популяции на эксплуатационно-высоком уровне численности. В первую очередь это относится к соболю. В связи с этим крайне необходимо изменить в практику ведения хозяйства на соболя экологически обоснованные нормы изъятия из популяции и экологически приемлемые технологии промыслового пресса. В настоящее время есть научные разработки, которые позволяют более рационально эксплуатировать популяции соболя.

Для сохранения в популяциях высокого репродуктивного потенциала представляется правомерным усиленный промысловый пресс на первый возрастной класс. Целесообразно изымать до 60 % сеголетков. Норма их элиминации в то же время должна быть увязана со структурой возрастных групп, которой предостой формировать следующие репродуктивные циклы. Установлено, что наиболее устойчивый репродуктивный потенциал регистрируется при таком возрастном соотношении самок в воспроизводительной группе, когда особи одного года составляют в ней около 50 %, а последующие возрастные группы в численном отношении представлены половиной предшествующей (Соколов, 1993).

Второе положение, которое следует учитывать, заключается в увеличении интенсивности изъятия из популяции избыточного количества самцов. Исследования показали, что превышение количества половозрелых самцов над самками приводит к конкуренции за самок, что является причиной увеличения числа прохолостовавших и уменьшения потенциальной плодовитости у размножавшихся особей (Соколов, 1993).

Третье условие исходит из необходимости поддерживать экологически оптимальный численный уровень популяции. В чрезмерно разреженной группировке резко возрастает число прохолостовавших самок, поскольку возможность контакта особей и создания половых пар нарушается. Известно, что число таких контактов пропорционально квадратному корню из численности популяции (Кломп, Ван Мортфорт, Тамс, 1964), т. е. по мере уменьшения определенного уровня обилия доля оплодотворенных самок уменьшается со все возрастающей скоростью.

На заседании коллегии Минсельхоза министр сельского хозяйства РФ назвал охотопользование важной отраслью. Это правомерно прежде всего для азиатской части страны и для тех территорий, которые называют соболиными, поскольку охота на соболя составляет основу жизнедеятельности значительной части таежного населения.

Фото С. Маракова

Бобры в Москве

Когда-то давно я работал охотоведом по воспроизводству фауны Тюменской области. Занимался расселением в Западной Сибири баргузинских соболей, американских норок и редких в ту пору бобров. Бобров отлавливали в Воронежском заповеднике, по железной дороге везли в Тюмень. Там клетки перегружали на автомашины и по плохо проходимому в ту пору Тобольскому тракту с немалыми приключениями везли к таежным сибирским речкам.

Не один десяток лет прошло с той поры, когда в стране активно велась работа по восстановлению численности промысловых животных. Теперь, по разным причинам, бобры почти всюду перестали быть редкими. Но встретить их в мегаполисе я не ожидал. В Москве они живут в Строгино по берегам Москва-реки. И далеко не первый год. Это видно по пням от сваленных бобрами деревьев. На некоторых пнях характерные бобровые погрызы давно почернели и даже обросли древесными грибами. Так что бобров, свежие погрызы которых встретил, уже можно считать коренными москвичами.

Большинство людей, отдыхающих у реки, и не догадывается, что рядом живут необычные для города животные. Следы бобровых зубов на ветках кустов, на стволах деревьев принимаются многими за «следы» топора.

Самих бобров редко кто видел. В основном они ведут ночной образ жизни. Но ночи в этом месте Москвы, как видно на фотографии, резко отличаются от ночей на лесных речках. Тем более удивителен выбор бобрами такого необычного места жительства.

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ. Фото автора

Михаил Иванович Давыдов на охоте

и ты слышишь потрескивание веток, и сердце начинает учащенно биться — это и есть страсть охотника. Кабан — зверь мощный и быстрый и, чтобы его добыть, нужно метко и быстро стрелять: сектор обстрела на номере маленкий, и зверь может легко уйти.

Презираю охотников, которые пытаются стрелять, когда зверь выходит на соседа, — это просто неприлично. Не признаю «выщечную» охоту. Лет двадцать назад я сидел на засидке у края овсяного поля, вдруг напротив метрах в пятнадцати от меня вышли кабаны, я добыл зверя, но удовольствия от этого не получил и больше не охочусь с засидки.

Я охочусь практически во всех регионах России, много бывал на охотах

«Охота — мощнейший фактор моей психологической и физической реабилитации»

Интервью с Президентом Российской Академии Медицинских наук
М. И. ДАВЫДОВЫМ корреспондента журнала Анатолия ДИГИЛЕВИЧА

— Михаил Иванович, вы известный хирург-онколог и заядлый охотник. Нашим читателям интересно было бы знать, откуда вы родом и от кого передалась вам любовь к охоте.

— Родился я в городе Конотоп Сумской области — это Украина, замечательные охотничьи места. В роду у нас все охотники: дед, отец, дядя, друзья. Самым заядлым охотником был дед. В свое время он был даже председателем областного общества охотников Гомельской области. Дед и привил мне любовь к охоте. Тогда охотники были настоящие, не то что сейчас: накупили оружие и камуфляжные костюмы и стали считать себя охотниками. Раньше охотники знали свое дело до тонкостей, в совершенстве владели всеми видами охоты и строго следили за правильным выполнением охотничьих законов.

Впервые дед меня взял на охоту в семь лет. Я плакал и не мог понять, почему меня поднимают в три часа ночи. Потом на велосипеде я ехал за дедушкой двадцать километров и затем бегал по камышам, как спаниель, и поднимал дичь; дед стрелял, а я доставал ему трофеи. Я долго привыкал к этому и наконец так втянулся, мне так понравилось, что я уже не мог дожидаться, когда дед снова возьмет меня на охоту. Дед был очень строг. Мне запомнился случай, это было уже после армии, когда я взрослым парнем пошел с дедом на охоту. Дело было весной. Мы разошлись и стали ждать утрянки. Вдруг на меня налетают две

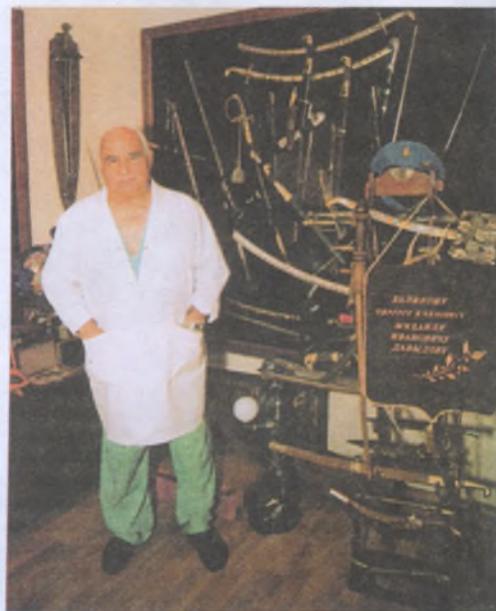
утки, и я вмиг добываю две штуки. Подходит дед и дает мне хорошую затрецину. Я спрашиваю: «За что, дедушка, я ведь добыл дичь?» Он посмотрел на меня строго и сказал: «Весной добывают только селезня, и то на воде, а влет стрелять запрещено». И так мне это запомнилось, что я никогда не позволяю себе и другим, кто со мной охотится, нарушать это правило. В охоте я всю жизнь придерживаюсь тех навыков и правил, которые унаследовал в семье, в которой я воспитывался, и от опытных охотников старой охотничьей школы. Прежде чем меня допустили к охоте и дали ружье в руки, я бегал в загонях, выполнял все поручения охотколлектива и только потом, со всякими оговорками, меня ставили на номер во время загонной охоты.

— И какую же охоту вы сегодня больше всего любите и какие места посещаете часто?

— Я очень люблю охоту на гуся: весной на пролетах, когда сидишь в засаде с профилями в ожидании пролета и дремлешь. Вдруг гусиный гомон — слетает весь сон, появляется охотничья страсть, немного волнуешься и первые выстрелы иногда мажешь. Просто обожаю эту охоту.

Люблю охоту по медведю на овсах с подхода и с лабаза. Я добыл сорок восемь медведей. Мне нравится остро сюжетная загонная охота на кабана, когда зверь прорывается через номера, гонимый собаками и загонщиками,

за рубежом. Мои любимые места — Калужская и Смоленская области, я там бываю очень часто. Там есть высокоорганизованные охотничьи хозяйства с высокой культурой обслуживания, где действительно получаешь удовольствие от охоты и общения с людьми. Люблю охотиться с собакой. У меня

Михаил Иванович в рабочем кабинете

два пойнера, и я с удовольствием охочусь по луговой и болотной дичи.

— Какую охоту, Михаил Иванович, вы предпочитаете — в коллективе или в одиночестве?

— Предпочитаю больше охотиться в коллективе, если это загонная охота. Но если на медведя, то в одиночестве. Последние пятнадцать лет охочусь с друзьями: три-четыре человека, проверенные, хорошо владеют навыками стрельбы, знают мою манеру поведения.

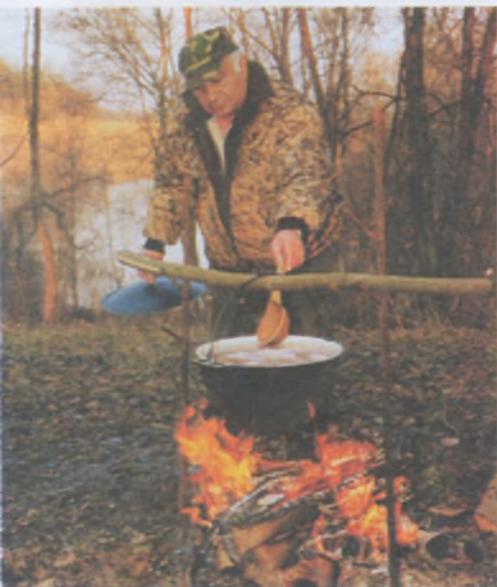
— Я часто бывал с вами на охотах и знаю, что вы любите готовить из дикого мяса всякие вкусные блюда. Можно сказать, это ваше хобби. Откуда такие навыки?

— Это пришло с той закваской от старых охотников. Тогда ведь все охотничьи события отмечали у костра с казаном. Сначала подкладывал дрова в костер и смотрел, как готовят, а потом и сам научился. И теперь очень люблю это дело.

Мясо я не беру, а раздаю охотникам и егерям. Если добыт хороший трофей, то он украшает мой охотничий дом, вы в нем были и видели. Там все виды трофеев, которые я добыл в России и за рубежом: белые и бурые медведи, гиппопотам, горный баран Марко-Поло, благородный олень, волчьи шкуры...

У меня, как вы знаете, Анатолий, большая коллекция ружей и карабинов, почти все они специализированы под разные виды охоты. На гусиной охоте, самой любимой, я использую автомат «Браунинг». Я с ним пристрелялся, бывает, из пяти пять добываю, но иногда случаются и промахи.

— Что вам дает охота? Какое место в жизни академика, профессора, гене-

За приготовлением шулюма

рального директора Онкологического центра она занимает?

— Охота для меня — это особый раздел моей жизни, это, я бы сказал, состояние души и в известном смысле — это моя реабилитация. По роду своей деятельности я очень загружен, и к концу недели накапливаются большая усталость и нервные нагрузки. И, конечно же, мощнейшим фактором восстановления моего психологического и физического статуса становится охота, общение с природой, с замечательными людьми, то, что называется со-

После удачной охоты на волков

циальной и психологической реабилитацией. И не обязательно стрелять, достаточно постоять на номере, побродить в лесу. В период охотничьего сезона я стараюсь каждую пятницу удрать из Москвы на выходные в охотничьи угодья, и, повторяюсь, мне не обязательно стрелять, я с большим удовольствием наблюдаю, как соседний номер готовится поразить зверя. Охота положительным образом отражается на моем состоянии, возможности выполнять свои профессиональные дела, она колоссальный фактор для моего восстановления.

— Любит ли в вашей семье еще кто-то охоту?

— Если честно сказать, то никто. У меня взрослый сын, окончил институт. Раньше я брал его на охоту, он вроде бы увлекся, потом занялся стендовой стрельбой, стал мастером спорта, но охотой по-настоящему не увлекся. Иногда он отвечает на мои призывы поехать на охоту и, чтобы сделать мне приятное, едет со мной. Но я не вижу в нем страсти к охоте. Не знаю, может, со временем она у него появится, но пока — увы.

— Какой случай из охотничьей жизни вам больше всего запомнился?

— Да, был такой случай. В горной местности Чечни я охотился на медведя. В то время там была популярна охота картечью. Иду я один по тропе, и вдруг на меня выскакивает огромный медведь, я вскидываю ружье (охотился я с ружьем егеря) и стреляю. Медведь падает. Мне бы добить его вторым выстрелом, но я пожалничал, потому что заметил второго медведя, бегущего в мою сторону. Я выстрелил в него. Он падает и издает громкий рев. В агонии, услышав рев пестуна (второй оказался пестуном), первый

медведь, а это, как выяснилось, была медведица, бросается в мою сторону. Я выбрасываю металлические гильзы из патронника, досылаю туда два патрона, в волнении закрываю ружье, а патроны вываливаются. Медведица уже рядом. Я за чинару, она за мной. Вот так, как мне показалось, я бегал полчаса, а всего-то прошло меньше минуты. Медведица настигает, и мне не оставалось другого выхода, как прыгнуть с обрыва. Она потеряла меня на мгновение, и я успел перезарядить ружье. А когда она начала спускаться ко мне, я ее дострелил. При прыжке я очень больно ударился копчиком, пришлось боль снимать в холодном ручье сидя на корточках. Через час пришел егеря и, увидев добытых медведей, сказал: «Молодец, джигит! А это заживет» (правда, он выразился немного в другой форме).

Последние два года я не могу добыть крупного медведя, все попадают мелкие, подхожу на выстрел, я не стреляю — хочу добыть крупного. На берлоге последние десять лет я не охочусь. Зарекся стрелять на берлоге, потому что, как правило, крупные самцы делают верховые берлоги и при подходе чувят охотника и уходят, а медведица с медвежатами лежит «глу-

хо». Каждый раз у меня на берлоге выскакивала крупная медведица, сразу стреляешь, но потом слышишь — пищат медвежата. И остается неприятный осадок.

— Как и в каком направлении вы видите развитие охотничьего хозяйства в России?

— Прежде всего нужно наладить охрану животных, потому что сейчас, к сожалению, этот вопрос поставлен очень плохо. При низком социальном уровне населения, прямо скажем, нужде в крестьянских домах, браконьерская добыча становится чуть ли не основным фактором существования их семьи. Нужно грамотное развитие охотничьих хозяйств, содержание зверя с хорошими параметрами кормления. Засевать для него поля и вести хозяйство в таком виде, как это предписано, кстати, все нормативы хорошо разработаны еще до нашего рождения. Я бы отменил такой вид охоты, как коммерческая охота. Идеология на продажу порождает продажную идеологию, когда для заработка денег нерадивые работники охотничьих хозяйств стреляют все подряд, это еще неправильно и с другой точки зрения: зверь является государственным до-стоянием, а не собственностью человека. Вот, скажем, имеет арендатор землю, а зверь на ней государственный.

— Как вы относитесь к образованию частных охотничьих хозяйств?

— Идея хорошая. Если государство не хочет или не может само заниматься охотничьим хозяйством, это прогрессивный шаг. Если, конечно, оно, государство, точно знает, в чьи руки отдает это хозяйство. Если профессиональным людям в этой области, которые ответственно относятся к развитию охотничьего хозяйства, то это очень хорошо, они будут вкладывать туда средства и хозяйство будет развиваться. Но если оно попадет в руки людей, которые для наживы выбьют всю живность в хозяйстве, то это катастрофа для природы. К этому вопросу нужно подходить по-хозяйски и очень осторожно.

Я регулярно читаю ваш журнал, и он мне очень нравится. Желаю всем читателям-охотникам крепкого здоровья и «ни пуха ни пера».

— А журнал «Охота и охотничье хозяйство» поздравляет Вас, уважаемый Михаил Иванович, с 60-летним юбилеем и желает долгих счастливых лет вашей благороднейшей работе и удач на охотничьих тропах.

Фото А. Дигилевича

Зимородок — птица года 2007

Л. МАЛОВИЧКО,
доктор биологических наук

Солнце поднимается из рассеивающегося тумана — и вдруг над рекой показывается необыкновенная птица! Когда первый раз видишь зимородка в полете — больше всего удивляет ярко-голубое оперение верхней части его тела маленькой, компактной формы, с необычными пропорциями клюва и очень коротким хвостом. Его нельзя спутать ни с какой другой птицей! Оперение верхней части тела представляет собой целую серию вариаций в сине-зеленой гамме с великолепной чудесной полоской бирюзового цвета посередине спины и крестца. Удивительный цвет оперения и способность изменять его от голубого до изумрудного объясняются углом преломления света. Оранжево-рыжее оперение груди напоминает осенний листочек. Полный контраст между синим и оранжевым цветом создает покровительственную окраску, и птицу трудно заметить. Легко представить, что оранжевая грудка для рыбы, обычной добычи зимородка, представляется сухим листиком; с другой стороны, сверху — для хищника, который находится в полете, лазурно-голубой цвет скрывает зимородка, делая его незаметным не только на фоне воды, но и среди листьев. Нужно отметить еще и большую внимательность зимородка, с которой он следит за всеми движущимися объектами, а также его способность замарать на присаде.

Идеальные местообитания зимородка — медленная мелкая река, небольшие озера, каналы, ямы, иногда заброшенные карьеры с чистой водой, растительность по берегам. Деревья, кустарники, торчащие корни, свисающие ветви он использует в качестве поста для наблюдения, а также трамплина, с которого ныряет. В сезон размножения зимородку необходимо наличие вертикальных берегов реки, которые он использует для рытья нор. Птицы отдают предпочтение глинистым или песчаным берегам, нависающим прямо над водой. Однако если нет подходящих берегов поблизости, зимородок выбирает менее подходящее место, даже если оно находится на большом расстоянии от воды.

Формирование пары происходит в начале сезона размножения (конец марта — начало апреля). Начинают размножаться в первый год жизни. Спариванию предшествует ритуальное кормление: самец кормит самку. Са-

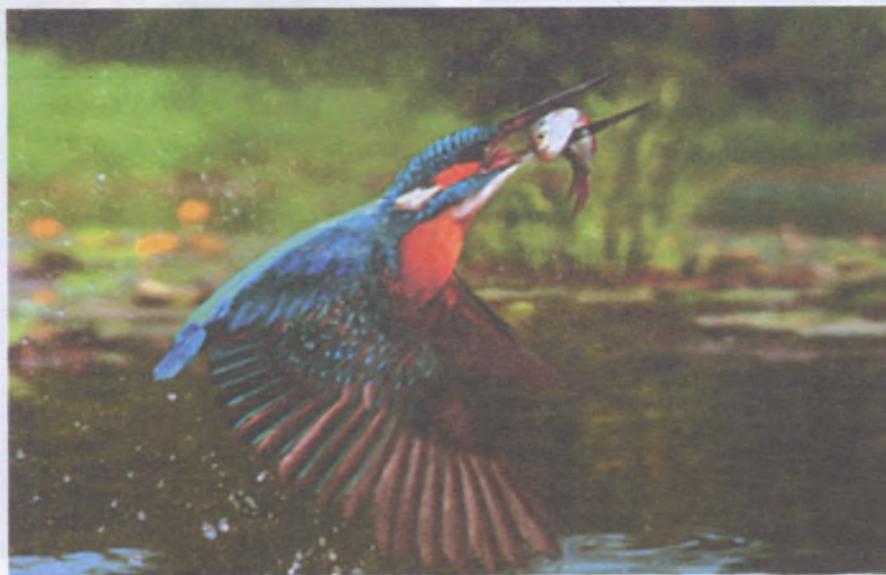
мец оригинально ухаживает за самочкой: он приносит в подарок пойманную свежую рыбку и кладет ее в клюв своей избраннице всегда головой вперед, чтобы она, проглатывая рыбу, не поранилась о ее плавники и чешую.

Птицы прекрасно приспособлены к рытью нор: зимородок подлетает к обрыву, клюет грунт и возвращается на присаду. После каждого клевка он счищает грязь с клюва, трясая головой или потирая клюв о ветку. Работают и самец, и самка. Диаметр вырытого туннеля лишь ненамного больше тела зимородка, который не может там развернуться и выходит назад пятясь. По мере продвижения назад короткий хвост действует как бульдозер, отбрасывая лишнюю почву из норы. Лапы тоже участвуют при выгребании. Когда одна птица копает, вторая отдыхает и охраняет территорию, при этом издает негромкие свисты, сообщая партнеру, что «все в порядке». При малейшей опасности обе птицы скрываются в безопасном месте. Длина туннеля составляет около 60–150 см, а заканчивается он гнездовой камерой. Роят туннель под углом 10°. Наклон имеет важное гигиеническое значение: экскременты насиживающей птицы и птенцов падают вниз по туннелю. Гнездовой подстилки нет. Самка откладывает 5–8 блестяще-белых, почти шаровидной формы яиц на голый субстрат. Белый цвет яиц позволяет взрослым отыскивать их в темноте гнездовой камеры. Некоторые самцы имеют две и даже три самки. Самец равномерно попеременно кормит насиживающую самку, а потом и птенцов во всех гнездах.

Насиживание длится 19–20 дней. Большую часть времени кладку насиживает самка. Птенцы появляются на свет голыми, слепыми, глаза скрыты под кожистыми складками. Выкармливание потомства для зимородков — большая проблема. Взрослые птицы сначала приносят маленьких рыбешек, а когда птенцы подрастут, размеры добычи увеличиваются.

Как только взрослая птица появляется с кормом у входа в туннель, один из птенцов, сидящий ближе всех к входу, раскрывает клюв и получает рыбку. В гнезде птенцы размещаются так: хвосты в центре, головы — по краям гнездовой камеры. После очередного кормления «колесо» птенцов вращается на одного птенца. В темноте норы родители видят птенцов по белым валикам вокруг клюва и белым щечкам. У птенца зимородка при принятии пищи нижняя челюсть выдвигается вперед и он, как черпаком, подхватывает, не роняя, скользкую рыбку.

В течение 26 дней птенцы находятся в гнезде. За это время в гнезде накапливается слой из отбросов пищи (чешуя, кости рыб), которые потом высыпают и рассыпаются. Еще 3–4 дня после вылета родители кормят птенцов, которые сидят на присаде. В конце концов река привлекает их внимание.

Но первые попытки птенцов поймать рыбу опасны, так как не все они могут быстро нырнуть и вынырнуть. Вероятно, только 50 % слетков выживают в первые две недели.

Взрослой птице приходится в среднем нырять в воду до 10 раз, прежде чем удастся наконец изловить рыбу. Молодым (менее опытным) птицам — еще большее число раз. Зимородок употребляет в пищу колюшку, уклейку, пескаря. В гнездовой период значительная часть добычи состоит из маленьких лягушек, головастиков, личинок стрекоз и даже тритонов.

Зимородок обладает способностью рассчитывать траекторию полета при нырянии: на мелководье зимородок держит крылья клинообразно, а на глубоководье — в форме дельты. Перед ударом о поверхность воды глаза зимородка открыты, а клюв закрыт. Под водой специальная мембрана надвигается на глаза, клюв открывается, как пара ножниц, перпендикулярно оси рыбы. Как только жертва схвачена, зимородок отталкивается вертикально к поверхности воды, спиной назад и с прижатым к груди клювом. Сначала из воды появляется голова и часть тела, лишь затем птица отводит клюв от груди, подбрасывает добычу с силой вверх, ловит ее и располагает в клюве таким образом, чтобы легко было проглотить, т. е. головой вперед. Рыбку небольшого размера он проглатывает сразу. Крупную добычу с силой бьет головой о присаду, пока не умертвит. Зимородок зорко видит рыбу в воде, точно определяет расстояние до нее, охотится успешно.

О зимородке сложено много преданий и легенд. Дословный перевод научного названия, которое еще древние греки дали этой прелестной, с блестящим ярким оперением птичке, означает «приносящая потомство в воде». По греческим преданиям, богиня Альциона, узнав, что супруг ее Кейкс — сын Вечерней звезды — утонул, в отчаянии бросилась вслед за ним в пучину вод. Из сострадания боги превратили верную супружескую пару в зимородков. По утверждению Плутарха, самочка зимородка будет повсюду таскать на себе своего постаревшего и ослабевшего супруга, кормить его и заботиться о нем до самой смерти.

Фото В. Мосейкина

Идеальные места обитания — медленная малая река, небольшие озера, каналы и ямы с чистой водой

При уходе самец приносит самке рыбу и кладет ей в клюв головой вперед, чтобы самка не поранилась о плавники

С добычей

Исиубрь

Медведь в кедровом стланике

Уссурийский край

М. КАЛИНИН

После окончания 4 курса лесохозяйственного факультета Ленинградской лесотехнической академии (ЛТА) я получил тему дипломного проекта и отбыл на Дальний Восток. Скорый поезд №№ 3-4 Москва — Владивосток был весьма комфортабельный и ходил 5 дней в неделю во Владивосток, а 2 дня — в Пекин. Я со спутниками, молодыми инженерами-таксаторами, удобно расположились в купе. С нами едет еще и пятый компаньон, правда четвероногий. Это мой английский сеттер, красавец Бой. Наш экспресс идет быстро и редко останавливается. Я каждый раз с нетерпением жду остановки и, надев на собаку намордник, веду ее выгуливать. На первой же станции меня останавливает грозный окрик: «Как не стыдно мучить собаку! Снимите сейчас же намордник! И чтобы я его больше не видела». Оборачиваюсь и вижу высокую даму в форменном белом кителе и фуражке. Это начальник поезда. Таким приятным случаем ознаменовался мой долгий, полувековой путь с собаками по экспедиционным и охотничьим путям-дорогам. Скоро Бой сделался любимцем всего поезда. Красивая, ласковая собака привлекала всеобщее внимание. — «Можно погладить песика? — Девушка, дайте песику пописать!» И так без конца.

Мои спутники очень скоро все полученные деньги оставили в вагоне-ресторане и «щелкали зубами» на полках. Стоял теплый май 1952 года и в вагонах было жарко. Постепенно за Уралом пассажиры стали выходить. Постоянно в дверь стучали: «Собачка здесь едет? Мы выходим, у нас остались продукты, — далее следовало перечисление всякой снеди: пирожков, колбасы,

яиц и т. д. — Ваша собачка будет есть?» С полком слышалось приглушенное ворчание: «Бери, бери, все съедим». Так Бой и кормил ребят до самого Владивостока.

Базой экспедиции был районный центр Чугуевка. Проснувшись рано утром, я услышал незнакомые птичьи голоса, но сразу понял — это «тордокуют» фазаны. Нам предстояло провести лесоустройство Улахинского лесхоза. Две довольно большие реки Улахэ и Даубихэ, сливаясь, образуют Уссури. В их междуречье и расположена Чугуевка. Наша группа нашла временное пристанище в какой-то фанзе. Название этого сооружения, убогого снаружи и клопиного изнутри, мы сразу же стали расшифровывать как Филиал Ада На Земле. Жили мы в нем не долго и скоро переехали в маленький поселочек Табахеза, по имени которого называлось наше лесничество. Там, в дощатом бараке, склоняясь над стереоскопами, мы дешифрировали на аэрофотоснимках свои таксаторские участки. В глазах рябило от всех этих падей, хребтов, ключей. Мы старательно оконтуривали лесные кварталы, пытаясь представить, что ждет нас в натуре.

Муссонный климат Южного Приморья характеризуется дождливым, но теплым летом. Привычные к северным комарам, мы с трудом терпели нападения приморского гнуса. Комар кусает и высасывает кровь, а мокрец своей ядовитой слюной разъедает кожу и слизывает выступающую кровь, оставляя болезненные ранки. Еще большую опасность представляли клещи. Перед отъездом, в Ленинграде, мы были обязаны сделать две противоэнцефалитные прививки. Первая была обычной, зато вторая очень болезненной. Два

Бурндук

сильных санитаров сгибали пациента так, чтобы врачу было удобно ввести шприц между позвонками. Я после этих уколов несколько дней пролежал с высокой температурой. Некоторые после первой прививки на вторую не пошли... и поплатились. Кое-кто заболел, а один умер. И не мудрено! Вернувшись из леса, мы снимали с себя до 45—50 клещей. В свободные часы я отправлялся в пойменные луга тренировать Боя. Птицы было мало, и мои выходы по большей части заканчивались безрезультатно. Хотя, конечно, результат все же был: укреплялся контакт собаки с хозяином; разрабатывался и улучшался поиск; пресекалась работа по птицам; собака получала дополнительный тренинг, укреплялась физически. Все это сказалось в дальнейшем.

Скоро подготовительные работы закончились и я поехал на свой таксаторский участок. Устроился я в малюсенькой избушке 3x4 метра на территории

строительного батальона, который пилил лес и на «студебеккерах» вывозил его из тайги. Так как освоение тайги требовало разнообразных машин, в батальоне было много техники. На крутом склоне над моей избушкой по вечерам после работы ставили огромный трактор С-100, чтобы утром было легче его завести, просто спустив с тормозов. Каждую ночь я ждал, что махина сорвется с места и я погибну вместе со своим жилищем под гусеницами стального монстра. Смертельная угроза поджидала и Боя. При батальной кухне обреталась стая вечно голодных псов. Они набросились на незнакомца и сильно порвали его, так что мне пришлось на руках нести его домой. Больше я его не выпускал одного.

Кругом расстилалась чарующая приморская тайга. Поймы ключей вечерами являли декорации к таинственным мистериям средневековья. Между высоких есей, ильмов и тополей под немолкнущий рокот воды бесшумно порхали совы и летяги. По более высоким местам на сопках стояли торжественные кедрачи, заставляя вспомнить известные слова, что «леса были первыми храмами Господа». Вырубки густо заросли амурским виноградом, элеутерококком, лимонником. И необычно было видеть рябчиков среди пурпурных листьев и виноградных кистей. Еще выше кедр маньчжурский сменялся елью аянской. Единично встречались прекрасные деревья тиса. Внизу часто попадались толстые экземпляры тополя Максимовича. Их дуплистые стволы служат зимними убежищами гималайским медведям. Особенно нравились мне деревья диморфанта. Так как они встречались достаточно редко, их оставляли на вырубках в качестве семенников.

Шла война в Корее. Многие корейцы были эвакуированы в СССР. У меня работали несколько корейцев. Это были рослые, крепкие мужчины, не боявшиеся леса и хорошо владевшие топором. Еще в Табахезе они поразили всех послепаным ритуалом. На поляну перед баней ставили низенький чурбачок, вокруг которого на корточках усаживались распаренные корейцы, на чурбачок — миску, в которую наливали горячую водку. Корейцы, с соломинками во рту, накрывшись одеялом, склонялись над миской и начинали медленно сосать водку. Через какое-то время, напившись, они откидывались на спину, точно бутон ромашки раскрывался. Они часто просили меня: «Нацальник, продай собаку!» — «Зачем она вам, вы же не охотитесь?» — «Как зачем? Кушать будем!» Я не знал тогда, что в Корее собачье мясо — деликатес. По ночам кто-нибудь из них вскакивал и на мой вопрос: «Ты куда?» — отвечал: «Худую воду бросать». Работали они хорошо, старательно, аккуратно и не терялись в тайге. У нас были дружеские отно-

шения, и перед расставанием они подарили мне китайский электрический фонарик, долгие годы верой и правдой служивший мне на охотах.

Нелегко пришлось бы мне в лесах Сихотэ-Алиня, если бы не Парфеныч. Этот немолодой крепкий мужчина работал лесником. Он был хорошим охотником и мастером на все руки. Служа в армии, он принял участие в единственной стокилометровой лыжной гонке на первенство Советского Союза и занял почетное место. Он прекрасно знал тайгу и ее обитателей. В берестяную трубу осенью хорошо манил изюбря. Зимой, выпросив в военкомате трофейную японскую винтовку «арисака», охотился на медведей. Со своими собаками он удачно промыслял кабанов. Пушнину не занимался. Парфеныч был моим Дерсу Узалой.

В те времена было много изюбрей, и собаки Парфеныча загоняли оленя на отстой. Тогда мы, рискуя сломать ноги на камнях и в лесных завалах, что было сил неслись на их призывный лай, и часто оленья украшала наш стол. Большую часть мяса Парфеныч отправлял семье. Нам он делал вкуснейшие котлеты. В корытце, выдолбленном из липового полена, он своим острым топориком мелко рубил мясо, сдабривал его травами, черемшой, чесноком. Иногда мясной рацион я разнообразил рыбой. На ключах перед перекатами образовывались мелководные плесы. Сверху хорошо были видны стоящие в них хариусы. Эти рыбки по 200—300 г были очень вкусны и всегда доставляли нам большое удовольствие.

Однажды мне удалось подстрелить крупного кабана. Он кормился в дубняке. Год был неурожайный, желудей и орехов мало, и кабан упорно ворошил опавшую листву. Зверь был так велик, что я подумал — это секач-одиночка. Мне удалось подкрасться к нему на 100 шагов и притаиться за толстым стволом. Кабан, перерывая листву, медленно приближался ко мне. Я, тщательно прицелившись, выстрелил. Круглая пуля опережила кабана. Он пытался подняться, но после моего второго выстрела пулей Вицлебена замер в неподвижности. Я перезарядил ружье и с опаской, медленно стал подходить к поверженному гиганту. Кабан был мертв: одна из пуль перебила позвоночник, вторая попала в сердце. С помощью стройбата добычу доставили в лагерь. Это оказалась большая свинья. Полный вес ее составил 290 кг.

Через некоторое время в том же дубняке я заметил рябчика. Он странно передвигался по земле. Бросалась в глаза приподнятая задняя часть тела. После долгого преследования мне удалось далекоим выстрелом прервать его перелет. Велико же было мое удивление, когда я обнаружил палку, пропавшую тело птицы. Она глубоко вошла в тело рябчика, была отполирова-

Лисица

Рябчик

Рыбный филин у гнезда

на, что свидетельствовало о ее давнем нахождении в теле птицы. Несмотря на это, рябчик имел здоровый вид и был достаточно упитанным.

Я успешно справился с лесотаксацией моего участка, и меня перебросили в другое лесничество. Нагрузили немудреным экспедиционным имуществом бат — длинную плоскодонную лодку — и начали сплав по реке Сандагоу. Мы бесшумно шли по реке, изредка перетаскиваясь через мели и прорубаясь через завалы из упавших деревьев. В одном месте мы заметили большую сову около гнезда. Это оказался местный эндемик — рыбный филин, позже так замечательно сфотографированный и описанный моим другом Юрием Болеславовичем Пукинским. Иногда из-под нависших деревьев с заводей поднимались утки. Я с ружьем занял выжидательную позицию на носу бата: вскоре мне удалось сделать дуплет по паре уток. Одна упала на отмель, другая — в глубокую заводь, и мне пришлось плыть за ней, благо погода была теплой. Я уже подплывал к птице и тут заметил змею, плывшую к утке с другой стороны. Змея показалась мне огромной, прямо анакондой. Представьте себе мои ощущения в воде наедине с большой змеей! С рекордной скоростью я оказался на берегу. Я знал, что на Дальнем Востоке есть разные змеи. Наибольшей известностью пользуется большая, до 2 м, неядовитая змея — амурский полоз, или полоз Шренка. Есть еще узорчатый полоз длиной до 1 метра, живущий в лесах, и полоз еще меньше — красносписный. Он ведет полуводный образ жизни и встречается очень редко. Добытая мною утка продолжала лежать на воде. Я, прийдя в себя и успокоившись, достал ее. Это

оказалась мандаринка, но в скромном летнем оперении. Позже мне доводилось добывать уток сказочной расцветки: мандаринок и клоктунов. Вечером мы с лодочником разожгли костер на песчаной косе и принялись готовить ужин.

На ноябрьские праздники мы с Парфеньем решили выйти из тайги, помыться в бане, провести несколько дней в домашних условиях. Лесовоз довез нас до полей, и я решил, идя к дому, поохотиться с собакой. Бой веселыми ногами ушел в поиск. Поля подпирались болотистой поймой ручья. Через несколько параллелей собака стала. Я быстро подошел: сразу же поднялась пара фазанов ракетным вертикальным взлетом. Торопливо стреляю. Вроде попал, но фазан летит. Вторая птица планирует над ручьем. Выцеливаю, даю переада, стреляю. Фазан падает, загребая крыльями плывет по воде и скрывается в болотных зарослях противоположного берега. Представьте мою досаду. Второй раз в жизни стреляю по фазанам, делаю дуплет и... ни одной птицы не беру. Бой укоризненно наблюдал за «безобразиями» хозяина.

Я подозвал собаку и, показав рукой направление, послал ее в поиск. Сеттер переплыл ручей и исчез в высокой траве на той стороне. Стоя на берегу, мне ничего не оставалось делать, как криками «ищи», «подай» подбадривать собаку. По колышущейся траве я наблюдал, как Бой уходил все дальше и дальше. Скоро я перестал что-либо видеть и понуро присел на кочку. Сидел и клял себя, что я такой «мазила», неудачник. Но вот среди болотных кочек показался Бой... с фазаном в зубах. Он переплыл ручей, и я взял у него птицу. Сеттер дрожал, но я знал, что

не от холода, а от охотничьей страсти. Мокрое оперение фазана сохраняло свою радужную красоту. Моей радости не было конца. Она еще больше возросла, когда я увидел, что сеттер потянул в сторону первой, уцелевшей птицы и вскоре застыл на стойке. Красавец петух был еще живой, но уже не мог бежать. При дальнейших охотах я многократно наблюдал, что легавая лучше охотника замечает, что улетающая птица ранена. Особенно часто это происходило на охотах по серым куро-паткам. Таким образом, мой первый дуплет по фазанам все-таки состоялся!

Все праздники Парфеньч занимался хозяйством, а я охотился. На окружавших поселок соевых полях фазанов было порядочно. Собака работала превосходно. Стрельба на чистом поле, да еще из-под стойки, не представляла для меня труда, и я приносил домой десятка полтора, а то и два длиннохвостых петухов и куриц. На третий день охоты я заметил, что за мной наблюдают двое мужичин. Они были в военных летних куртках, с ружьями, но... без дичи. Подошли, разговорились. Оказалось, что это военные летчики и им никак не удается подстрелить фазана. Я предложил им пару петухов, которые были с радостью приняты. Узнав, что я из Ленинграда, они тут же стали просить продать собаку, работа которой произвела на них сильное впечатление. Предлагали большие деньги. Я категорически отказался продать Боя. На следующее утро собака пропала, а сарайчик, в котором она ночевала, оказался взломанным. Стало ясно, что собаку украли. Что делать? Где ее искать? Парфеньч утешал меня, как мог, потом отправился на розыски в поселок. Вернувшись, спросил, куп-

лю ли я две бутылки водки. Конечно, с радостью! Я дал ему деньги, и он опять ушел. Вечером он привел Боя и рассказал, что мои знакомые военные предложили своим солдатам за поллитровку украсть собаку, что они и сделали. Парфеныч предложил им две бутылки, и они привели Боя из военного городка.

Лунными ночами с собаками Парфеныча мы ходили за барсуками. Собаки находили барсука, вышедшего из норы на кормежку, облаивали его и держали на месте. Охота была простая и неинтересная. Мы тихонько шли по освещенным луной дорожкам и внимали звукам и ароматам приморской тайги. На ум приходила придуманная поговорка, гласившая, что «на Дальнем Востоке цветы без запаха, птицы без пения, а женщины без страсти». Насчет женщин не знаю, их ближе 100 км от нас не было. А вот летняя тайга дышала разными ароматами. Много интересного пришлось наблюдать во время этих походов. Как писал Юрий Алексеевич Ливеровский в стихотворении, посвященном памяти зоолога Л. Г. Капланова:

*А след за луною
скользящую тенью
По следу оленя,
по гальке,
по глине
пройдут сквозь жасминов
цветущих сплетенье
последние тигры Сихотэ-Алиня.*

Прошла золотая приморская осень. С разнообразными приключениями я отстрелял «на реву» хорошего рогача-изюбря. Настала пора переезжать на новое место — на Синангинский хребет, самое тигриное место, по утверждению местных охотников, в чем я имел возможность скоро убедиться. На этот раз нашим домом стала маленькая избушка промысловика. Мы шли пешком, а таборное имущество везли вьюками на двух лошадях, которых вели на длинных уздечках. В домике было чисто и уютно. Промысловик был рачительный хозяин. Домик стоял в пойме ключа с китайским названием Удалинза. Эти глухие таежные урочища еще до революции китайские корневщики облюбовали для сбора женьшеня. Старые лубодеры подтверждали это. Китайские названия встречались довольно часто, например ключи Табайга, Хуэлянза, Идолинза и так далее. У нашего хозяина рядом с избушкой возвышался лабаз для хранения продуктов, а в пойме был разработан участок для посева овощей. Ночью лошади ржали, проявляя явное беспокойство. Утром я пошел умыться и обнаружил на прибрежном песке следы тигра. Через несколько дней я выронил колбаску зубной пасты, а на следующее утро она оказалась раздавленной тигриной лапой, что дало мне повод утверждать, что мы с тигром используем одну и ту же пасту, только я чищу зубы, а он — когти. Присутствие «амбы» чувствовалось постоянно. После ухода лошадей его, видимо, при-

влекла собака. Уходя на работу, приходилось запирали Боя в зимовье.

Наступил сезон охоты на пушнину. Белки было так много, что и без собаки мы добывали по 20—30 зверьков в день. Вечером, вернувшись с работы, мы снимали шкурки, а тушки складывали в лабаз, где они замораживались. В этот период мы питались одними белками.

Позже, занимаясь животоловом соболей с гольдом Сиванжу — промысловым охотником, мы честно сдавали всех отловленных зверьков. Мне удалось подстрелить дальневосточную куницу — харзу. Ее красивая, но малоценная шкурка долго украшала мой диван в Ленинграде.

Вместо отбывших на родину корейцев мне прислали солдат из стройбата. Это были представители среднеазиатских республик, совершенно не приспособленные ни к лесу, ни к жизни в тайге. Мне пришлось поместить этих южан в зимовье, а самому с собакой перебраться в палатку. Я натаскал в нее сухой травы и листьев, постелил кабаньи и козьи шкуры, хранившиеся в лабазе. Вечером, напившись горячего чая, сняв только обувь, залез в спальный мешок, уложив в ногах сеттера. Дело подходило к новому году, и морозы по ночам доходили до минус 30 °С. Рано утром необходимость «худую воду бросать» выгоняла меня из моей берлоги. Я разжигал костер и принимался за приготовление завтрака. Хитрый Бой сразу же занимал нагретое моим телом место. Сухой паек у солдат был весьма странный: например, им на двоих на обед полагалась баночка крабов. Обычно я, возвращаясь из маршрута, приносил рябчиков и солдатики выменивали рябчика на банку крабов. Рябчика они варили с вермишелью или крупой. Получался питательный кулеш на курином бульоне. Так моя беличья диета сменилась крабовой. Никогда — ни до ни после, я не ел столько крабов. С установлением снежного покрова «мой» тигр куда-то исчез и его следов я больше не видел. По окончании полевого сезона на приемку работ пришел однорукий фронтовик — лесничий Табазеского лесничества. Издалека увидев его, я недоумевал, почему он весь белый. Когда он подошел, я разгадал эту загадку. Его ватник весь был изорван, и клочья ваты делали его белым. Оказалось, он повстречался с тигром и залез, спасаясь, в дупло. Просидев там довольно долго, он начал стрелять в воздух из одностволки, взятой для отстрела белок. Тигр, который был от него на расстоянии нескольких сот метров, не уходил, только нервно колотил хвостом, лежа на снегу. Видя, что «амба» не проявляет агрессивных намерений, лесничий выскочил из дупла и бросился бежать, продираясь через кусты и колючки. Не замерзая же в дупле! Отбежав, он увидел на противоположном склоне сопки тигренка возле туши кабана. Ему стала понятна неуступчивость тигрицы. Она охраня-

Парфеныч

ла трапезу своего детеныша. А тигра я так и не увидел. Кабанов, изюбрей, козуль, бурых и гималайских медведей не только видел, но и успешно охотился на них.

Побывал я и на берегу Тихого океана, точнее Японского моря, по новому автомобильному тракту на Кавалерово и дальше к бухте Тетюхе. Там на прибрежных скалах я добыл редкого зверя — горала, острые рожки которого и сейчас украшают мою стену.

Фото А. Андреева

ЗАПЧАСТИ

К СНЕГОХОДАМ, МОТОТЕХНИКЕ.

КОМПЬЮТЕРЫ И ДР. ТОВАРЫ

ВЫСЫЛАЕМ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ

Адрес: 107258, Москва, а/я 4

Расселение зайцев-беляков

Одна из важнейших задач общественных охотничьих организаций — разведение и воспроизводство охотничье-промысловых животных. В 2007 году Московским ООИР в подмосковных угодьях было расселено более ста зайцев-беляков. Хорошо подготовились к этому мероприятию в Раменском РОИР. Здесь заранее наметили наиболее пригодные участки для вселения зверьков, а после их выпуска наладили постоянный контроль за судьбой новоселов.

Выпуском зайцев руководил старший егерь Раменского общества охотников С. С. Казимирский, а помогал ему энтузиаст-общественник А. И. Штаба.

А. ДИГИЛЕВИЧ, фото автора

Охота на уток с чучелами

В. ЛИТВЕНКО, г. Великий Новгород

Успех охоты на уток, как и любой другой охоты, складывается из профессионального выполнения отдельных составляющих ее элементов, начиная от строительства шалаша, заканчивая удачным выстрелом. Остановимся подробнее на основных этапах утиной охоты с чучелами.

Разведка угодий

Утки, как и большинство другой дичи, имеют свои любимые места кормежки и маршруты перелета. Поэтому, если есть время, нужно не торопиться с постройкой шалаша, а понаблюдать — каким маршрутом идет утка на «вечерке», как летит на «утрянке», куда предпочитает садиться на «ночевку», на «дневку». После разведки и анализа увиденного охотник определяется с примерным местом постройки шалаша. Если этого не сделать, можно оказаться в такой ситуации, когда утка будет беспрестанно летать и садиться, но буквально в 70—100 метрах от охотника, т. е. вне выстрела. Хочешь не хочешь придется перестраивать шалашик, а это — потеря времени, нервов, к тому же хорошее место может быть уже занято другим охотником.

Выбор места для постройки шалаша

«И там утка неплохо летает, и там хорошо... но где же все-таки встать?» Обычно такой вопрос часто встает практически перед каждым охотником. Не хочется прогадать. Удачно выбранное место, это 90 % успешной охоты. Какие же факторы необходимо учитывать при решении данного вопроса?

1. Место должно быть удобным с точки зрения подбора добытой дичи. Если охотник стоит на большом водном пространстве или на берегу глубокой широкой реки, то желательно встать так, чтобы ветер прибивал стреляных уток к шалашу, иначе их унесет на значительное расстояние и без лодки их не взять. Если даже плавсредство под рукой, все равно не гоже во время хорошего лета выплывать за каждой добытой уткой. Поэтому иногда приходится идти на компромисс: вставать на относительно среднее место с точки зрения интенсивности лета уток, но удобное для сбора трофеев. Кроме того, вставать нужно так, чтобы предполагаемая битая дичь падала на чистую воду, где можно легко добыть подранка, а не в заросли кустов или тростник, где без собаки найти трофей очень тяжело.

2. Место должно быть оптимальным с точки зрения кругового обзора, т. е. быть таким, чтобы издалека видеть

подлетающую дичь и вовремя подготовиться к выстрелу. Неудобными являются шалаша, построенные около больших деревьев, крутых берегов, гряды кустов и пр. В этом случае обзор уменьшается и стая чирков, неожиданно выскочившая на большой скорости из «мертвой» зоны, обычно улетает безнаказанно.

3. Место должно быть удобным с точки зрения нахождения охотника относительно солнца. Если предполагается охота на «утрянке», то стрелок должен стоять лицом на восход солнца, чтобы на самой грани рассвета видеть и уток, и мушку (прицельную планку) ружья, и свои чучела. Аналогично на «вечерке» — охотник лицом должен стоять на закат.

4. Необходимо также учитывать, где расположились соседи-охотники. Во-первых, это нужно знать для соблюдения техники безопасности при осуществлении стрельбы. Во-вторых, соседи могут встать на пролете так, что «перекроют вам весь кислород» и ни одна утка до вас не долетит, тогда место нужно кардинально менять.

5. Желательно, чтобы направление ветра было от вас на уток, чтобы они хорошо слышали звук манка и голос подсадной.

Строительство шалаша

1. Шалаш должен хорошо «вписываться» в окружающую местность, не «резать глаза», иначе утка будет облетать его стороной. Можно построить шалаш в тростнике, в другой водной растительности, тогда он не будет так резко выделяться. Материал для постройки шалаша в различных регионах России различный. Новгородские охотники обычно применяют срезанные недалеко от места охоты ветки ивняка. Для прочности возводимого строения гибкие верхушки соседних веток связывают между собой.

2. Применяют при оборудовании шалаша и маскировочные сети. Это удобно и быстро, но есть несколько «но». Во-первых, они занимают определенное место в общем реквизите охотника; во-вторых, тяжелые маскировочные сети не на каждый шалаш повесишь, он просто упадет, к тому же при сильном ветре они сильно увеличат парусность шалаша и его просто завалит; в-третьих, самое главное, по моим наблюдениям, какие бы хорошие по цветовой гамме маскировочные сети ни были, они все равно выделяются на фоне естественной растительности, и иногда осторожная утка побивается таких шалашей.

3. Высота шалаша обычно бывает двух размеров: когда охотник в нем стоит или сидит. В первом случае верх шалаша находится примерно на уровне плеча охотника, из укрытия торчит, как правило, только голова. Когда охотник замечает вдалеке утку, он несколько пригибается, пряча голову внутрь шалаша, только движением глаз наблюдает за направлением полета дичи. Одновременно охотник снимает ружье с предохранителя и при полете утки на оптимальное расстояние резко выпрямляется, целится и стреляет. Отдельно торчащие веточки, сучки верхней части шалаша не должны мешать поводке и выстрелу по утке, летящей низко над водой.

«Сидячий» шалаш, естественно, меньше размером, в нем охотник располагается на специальном стульчике (ящике, чурбане, ведре и пр.). Такой шалаш имеет свои преимущества: он меньше пугает утку, находится длительное время в нем удобнее — не так устают ноги. Есть и определенные недостатки «сидящего» шалаша. В положении «сидя» меньший обзор местности, тратится дополнительно время, чтобы при необходимости встать, принять устойчивое положение и выстрелить. Нередко сиденье мешается под ногами, когда ищешь удобное положение для стрельбы.

4. Если шалаш стоит в воде, не лишним будет внутрь его воткнуть достаточно толстую ветку с сучками, на которые можно повесить патронташ, ружье, бинокль и даже рюкзак. Если дно водоема вязкое, илистое, тогда низ шалаша лучше чем-нибудь забутить: накидать веток или камней, можно положить широкую доску или кусок фанеры, тогда ноги не будут увязать в трясине и легко будет поворачиваться. Чтобы при вскидывании ружья не задевать ремнем за сучки и маскировочную сеть, некоторые охотники предпочитают, находясь в шалаше, отстегивать его.

5. Вход в шалаш можно не маскировать, если утка летает только спереди. Если она может появиться с любой стороны, тогда после захода в шалаш его вход можно замаскировать маскировочной сетью или воткнуть пару густых веток.

6. Чтобы во время охоты не возникло неожиданных причин возвратиться из шалаша в лагерь (стан), необходимо взять с собой все необходимое: запасные патроны, экстрактор, шомпол (на случай заклинивания гильзы), нож, бинокль, плащ, термос с бутербродами и пр. Не обойтись без фонарика при поиске уток, битых на «вечерке». Осенью

и ранней весной на ноги лучше надевать не резиновые сапоги, а валенки с «химзащитой», тогда часами можно спокойно стоять в ледяной воде.

7. Какой формы, размера должен быть шалаш — подскажет личный опыт. «На вкус и цвет товарищей нет» — одному нравятся такой шалаш, второму — другой, но вывод все равно один: шалаш должен устраивать и охотника, и прежде всего утку (гуся).

8. Если вы знаете, что на месте предполагаемой охоты могут возникнуть проблемы со строительством и маскировочным материалом для шалаша, то необходимо заготовить его заранее.

Высадка утиных чучел (чучалок)

В настоящее время в охотничьих магазинах имеется достаточно неплохой выбор утиных чучалок как отечественного, так и импортного производства. Раскраска российских изделий нередко далека от совершенства, но в целом современные пластиковые чучела лучше «застойных», например сделанных из резины. Они не теряют своей формы, не гниют, не переворачиваются от сильного ветра, отверстия в них от случайных попаданий дробью хорошо заглаживаются обычным паяльником. Особенно хороши чучела итальянского производства. При высадке чучел желательно соблюдать некоторые правила:

1. Чучела различных видов уток необходимо сажать отдельно. Группа связей — в одной стороне, морской чернети — в другой. Как правило, утки определенного вида подсаживаются именно к своим собратьям. Можно смешивать близкородственных уток — чирков и широконосик допускается сажать вместе с кряковыми.

2. Чучела лучше высаживать на достаточно близком расстоянии от шалаша, порядка 15—25 метров. Это оптимальная дистанция. Утки подсаживаются обычно непосредственно в чучела или чуть поодаль. На таком расстоянии дичь уже не разбивается дробью, если стрелять по «сидячей», и успеваешь выцелить и выстрелить «влёт», если утка поднялась.

3. Если разбросать чучела равномерно плотно по всей водной акватории, то будет сложно стрелять по «сидячим» уткам, не задев дробью и не повредив чучела, поэтому при их расстановке необходимо оставлять свободное место (своеобразные «окна») для предполагаемой посадки уток.

4. Носы всех плавающих чучел должны смотреть строго на ветер, в противном случае это будет выглядеть неестественно и подлетающие утки могут насторожиться. Причиной неестественного положения чучел может быть неправильно привязанная или запутавшаяся за киль веревка (леска).

5. Высаживать чучалки нужно так, чтобы они хорошо просматривались сверху, и в те места, которые характерны для данного вида уток. Для кря-

ковых — это, как правило, тихие болотистые участки с соответствующей растительностью. Для «северной» утки (чернеть, крохаль) — предпочтительнее большие водные акватории.

6. К сожалению, на ночь приходится чучела убирать и утром выставлять вновь. Времена изменились: если раньше выставленные кем-либо чучела по неписаным охотничьим законам считались неприкосновенными, то сейчас их просто воруют. Есть «воришки» и среди представителей животного мира. В течение только одной охоты на мои чучела трижды покушались хищники из семейства ястребиных, принимая их за настоящих уток.

7. Многие используют подсадных кряковых уток не только весной для охоты на селезня, но и осенью. Одна, две подсадных среди десятка чучел несколько не портят «картину», наоборот усиливают эффект. Любые виды уток с удовольствием подсаживаются в такое сообщество.

Некоторые нюансы стрельбы из шалаша

1. Если утка села в чучела и категорически не хочет из них выплывать, необходимо плавно встать, крикнуть (свистнуть) и стрелять «влёт».

2. Если есть хоть малейшие сомнения, что утка, лежащая на воде, бита не мертва, лучше не пожалеть одного патрона и добить ее, иначе она придет в себя после шока, нырнет — и «поминай, как звали». Делать это нужно и в том случае, если вы видите, что утка после первого выстрела падает явным подранком. Необходимо «добавить» по ней еще при падении в воздухе, иначе подранок в густой траве уйдет.

3. Утки не всегда садятся в чучела. Бывает, пройдут «на бреющем» над чучелами и летят дальше, поэтому не нужно ждать, когда они обязательно сядут, а стрелять «влёт». В целом чучела и предназначены для этих целей — привлечь внимание дичи, заставить ее подлететь поближе, снизить.

4. Необходимо знать позиции, с которых вы часто промахиваетесь, и не допускать таких положений утки относительно стрелка. Например, утки летят низко над водой прямо на шалаш. Если встать, когда они окажутся непосредственно над головой в 3-х метрах, то попасть в них очень тяжело, к тому же дичь может быть напрочь разбита. Поэтому за 20—30 метров до полета уток к шалашу нужно резко встать, напугав их тем самым. Утки повернут в сторону, подставив себя для удачного выстрела. Или же можно

пропустить таких уток через шалаш и стрелять по ним «в угон». Если утки увидели чучела и уже направились к ним, нет смысла усиливать эффект еще и манком. Утки могут услышать фальшь и отвернуть.

5. Если на шалаш налетает пара уток, которые находятся на разном расстоянии до охотника, то необходимо сначала стрелять по дальней, ближняя никуда не денется — ей «гарантирован» второй выстрел. Мы же инстинктивно делаем наоборот: стреляем по той, что ближе, при этом мажем (потому, что маленькая дистанция) или разбиваем дичь. Вторая же — «дальняя» утка успевае в это время отлететь на недосягаемое расстояние. Необходимо многократными тренировками вбить себе в голову это правило: сначала дальняя цель, потом ближняя.

6. Находясь в шалаше, желательно иметь в своем «боекомплекте» патроны различного снаряжения и с разными номерами дроби. Например, сел чирок метрах в 20—25, по нему можно использовать патрон обычного снаряжения с дробью №№ 5—7. Если стайка уток подсела на значительном расстоянии (45—50 метров), по ним лучше стрелять дробью № 3, к тому же снаряженной в контейнере, при этом можно подождать, когда они сплывутся вместе, тогда есть шанс добыть сразу несколько уток одним выстрелом. Само собой разумеется, что в ряде случаев нет возможности поменять патроны в стволах, тогда приходится стрелять тем, что есть.

Охота на уток с небольшой лодки (тузика) практически ничем не отличается от изложенного и имеет ряд преимуществ. Без тузика иногда просто не обойтись: на нем можно заплыть туда, куда пешком не добраться, удобно подбирать дичь, не нужно на плечах таскать весь охотничий багаж (ружья, чучела, маскировочные сети и т. д.). Но есть, конечно, и недостатки. При неосторожном обращении с этим плавсредством можно перевернуться, искупаться и утопить все содержимое. Особенно аккуратным нужно быть во время стрельбы из тузика. Некоторые охотники для придания большей устойчивости привязывают борта тузика к толстым веткам шалаша или специально воткнутым шестам.

В одной статье невозможно описать все особенности утиной охоты, надеюсь, что рассказанное выше в определенной степени поможет молодым охотникам в освоении нашего общего ремесла. Ни пуха им ни пера!

Автор статьи (слева) А. Кузьяев на 10-й юбилейной Всероссийской выставке охотничьих собак

Охота с гончими на зайцев

А. КУЗЬЯЕВ

Фото В. Животченко

В нашей богатой лесами стране как не пристраститься к охоте с гончей, как не заслушаться ее могучим и удивительно музыкальным голосом, который так смело будит лесное эхо и так красиво играет с ним! У истинного охотника-гончатника, захваченного жарким гоним дружного и вязкого смычка, работа гончих вызывает чувство наслаждения, высокого душевного подъема, ощущения близости к природе.
ВАСИЛИЙ КАЗАНСКИЙ

Охота с гончими — интереснейший вид охоты среди других русских охот. Успех ее зависит от многих причин: от состояния тропы, опыта охотника, качества собак, наличия зайцев и лисиц, наконец, от погоды. Главное же заключается в качестве собак, а также в умении охотника выбрать место (лаз) и сделать прицельный выстрел. Мы не случайно выделили два основных момента, определяющих успех охоты, — качество гончей и мастерство охотника. В самом деле, как бы хорошо ни гоняла гончая зайца, она не в состоянии изменить направление его бега. Поэтому нужно уметь выбрать наиболее вероятное место хода зверя, сообразуясь с окружающей обстановкой и характером гона.

Требования, предъявляемые к гончим, — острое чутье, хорошая вязкость, настойчивость, пристрастие к следу, паратость, хороший полаз и добычливость. И все-таки в характеристике работы гончей редкий автор не остановится на описании голосов гончих. Вспомним хотя бы Некрасова, сравнивавшего музыку гончих с волшебством музыки Россини и Бетховена. «Трудно сказать, — пишет известный ученый охотовед-биолог Я. С. Русанов, — в чем завораживающая сила этих звуков. ... Эта страсть заражает, она словно приобщает нас к азарту погони. ... Именно поэтому чем азартнее гон, тем сильнее он нас волнует, доводя порой до полного самозабвения и экстаза».

Подготовка к охоте с гончими должна начинаться задолго до открытия охоты. Необходимо, чтобы гончая собака в течение лета имела физическую нагрузку, а в августе—сентябре продолжить курс нагонки. При невозможности летне-осенней нагонки нужно хотя бы увеличить количество и продолжительность прогулок с собакой. В это время гончая должна находиться в соответствующей кондиции: не быть слишком худой или жирной. Перед началом сезона охоты гончую следует с профилактической целью дегельминтизировать. Полезно еще более закрепить позыв на трубу. Не забывать о ласке и вкусопоощрении явившейся на

трубу гончей. Никак не повредит освежить в памяти гончей и уроки недоверия к посторонним. Назначьте кому-либо из знакомых встречу на месте нагонки и попросите его как следует отстегать вашу гончую прутом, если она подойдет и дастся подловить ее. Прутом здоровью гончей не навредишь, а после 2—3 таких «уроков» ваша гончая к постороннему в лесу не подойдет и подловить себя не позволит.

Для охоты с гончими лучше выбирать дни с влажной безветренной погодой. При повышенной влажности воздуха запах заячьего следа сохраняется дольше. Тропа при этом мягкая, воздух становится застойно-сырым, испарение влаги из почвы замедляется, и это облегчает работу гончей. Возможна охота и в мелкий, слегка морозящий дождь, не сразу смывающий запах заячьего следа. В конце осени тропа может быть пестрой, когда первый снег сходит от поздних осенних дождей не везде. На работу собак влияет и состояние надпочвенного покрова: они луч-

ше гоняют по лесной подстилке, траве, чем по песку, пашне, дорогам и выгонам.

С появлением устойчивого снежного покрова образуется белая тропа, также имеющая свои отличительные особенности. Следует отметить, что даже первая неглубокая пороша обычно затрудняет гон. Самые опытные и чуткие гонцы, еще вчера отлично работавшие по чернотропу, сегодня, на выпавшей с вечера ровной, прекрасной с точки зрения охотника пороше, на первых порах работают плохо.

Собираясь на охоту, гончих надо хорошо кормить с вечера, а утром кормить не следует. Среди некоторых охотников бытует мнение, что якобы в таком состоянии они «жаднее к зверю». Это ошибочное суждение. В таком случае от «жадных» гончих нам бы всегда доставались «рожки да ножки». Согласен, встречаются такие шельмы, которые, словив подранка, стараются незамедлительно унести его и сожрать. Но сколько примеров, когда

Выжлец Бушуй хорошо гонит и по пестрой тропе

Перед началом сезона охоты полезно закрепить у гончей позыв на трубу. На фото: опытный охотник с гончими О. А. Черников

гончая, доработав по следу уже битого из-под гона зайца, лишь обнюхивает его и отходит в сторону. Дело вот в чем. В лаборатории органов чувств АМН под руководством профессора П. Г. Снякина установлено, что анализаторы (органы чувств) действуют по принципу функциональной мобильности: мобилизация-демомобилизация. Функционирование вкусового и обонятельного анализаторов тесно связано с состоянием желудка. При «голодном брюхе» все рецепторы (от лат. *resipere* — возьми) вкусового и обонятельного анализаторов мобилизуются. Весь рецепторный аппарат обонятельного анализатора «готов к бою», именно в этом состоянии гончая и способна проявить максимум чутья. Во время отдыха собаки за ненадобностью большинство анализаторов демобилизуются, то есть тоже отдыхают.

По способу производства охота с гончими делится на ходовую и неподвижную. По времени года (сезону) и характеру тропы различают гон по чернотропу и по белой тропе. С гончими охотятся на зайца-беляка, зайца-русака, лисицу, шакала, волка, рысь, дикую козу (косулю). Иногда с гончими охотятся на кабана и лося. Гончая не обладает той молниеносной реакцией, какой обладает лайка, и нередко ее участие в такой охоте заканчивается печально. Гончая, пристрастившаяся работать по копытным, уже не годится для охоты ни по зайцу, ни по лисце.

Ходовая охота

Она наиболее распространена у охотников-гончатников и основана на том, что заяц или лисица, преследуе-

мые гончими, бегут не напрямик, а ходят «на кругах». Круги могут быть различны как по форме, так и по диаметру. Многое зависит от времени года, погоды, возраста и вида взбудного зверя, паратости и голоса гончей, ее мастерства и т. д. Радиус круга беляка самый небольшой, круги русака значительно шире, лисицы еще шире. В овражистой и гористой местности, а также в сплошных лесных массивах радиус кругов хода зверя меньше, чем на равнине и в небольших островах. Если угодья представляют собой несколько лесных отъемов (небольших участков леса), расположенных не очень далеко один от другого, то зверь непременно побывает во всех. А если отъем, где поднят зверь, достаточно велик, зверь может долго ходить в нем кругами. В ясную морозную погоду, когда акустика усиливается и голоса гончих слышны сильнее, радиус круга бывает больше. Под пешими гончими зверь ходит малыми и менее правильными кругами, под парататыми — широкими, но зато и более правильными.

При ходовой охоте с гончими ее участники почти постоянно находятся в движении. Перемещаясь, надо быть особенно внимательным и осторожным, чтобы не ранить нечаянным выстрелом своего товарища. Вот почему так важно охотиться проверенной и дружной командой. На ходовой охоте нельзя стрелять по прямо идущему на вас зверю, нужно отпустить его и бить в угон, а то велика опасность ранить или убить собаку. Когда зверь будет убит, громко информировать об этом других товарищей: «дошел, дошел!» Многоопытные гончие, услышав выстрел и сигнал «дошел, дошел!», бросают гон и мчатся напрямую на вы-

стрел, другие гончие дорабатывают по следу гонного зверя. Очень полезно дать гончей обнюхать тушку зверя. И обязательно угостить гончую пазанками. Пазанки для гончей — лакомое вкусопоощрение. Никогда не следует давать гончим внутренние органы и кишки зайцев. Как правило, они «нафаршированы» личинками глистов, промежуточным хозяином которых является заяц, а собака является их постоянным хозяином, и в ее кишечнике из личинок вырастают ленточные глисты.

«Тропой» по-охотничьи называется то или иное состояние почвы и ее покров, будь то трава, мхи, опавшие листья или, наконец, снег, на которых зверь оставляет свой след. От состояния тропы, связанного в свою очередь со временем года, в сильной степени зависит большая или меньшая трудность работы гончей как в отношении розыска и подъема зверя, так и в отношении самого гона. Вне сомнения, от состояния тропы зависит и пахучесть следа.

Различают три вида тропы: чернотроп — почва свободна от снега; белая тропа — земля сплошь покрыта снегом настолько, что на нем отчетливо видны следы зверя и гончей; пестрая тропа — снег лежит лишь местами, зверь прокладывает свой след по участкам до черной, то белой тропы. Наиболее благоприятна для охоты черная тропа, которая в нашей средней полосе приходится на октябрь и полностью или частично на ноябрь. Чернотроп отличается наибольшим постоянством условий работы и, по-видимому, во многих случаях создает наилучшую обстановку для чутья гончей. Гон по земле, еще не покрытой снегом, намного легче для гончей, так как ей не приходится тратить много сил на прыжки с постоянными провалами в рыхлый, а иногда и в уплотненный снег. Кроме того, в зимних условиях зверь нередко ходит под гончими по сильно накатанным, иногда даже обледенелым дорогам, где обычно гончая не в состоянии хорошо чутья след. При многодневном отсутствии новых порош зайца и лиса во время своих жировок покрывают местность густой сетью следов и троп. Такой период называется у гончатников «односледец». Еще хуже становятся условия, когда после сильной оттепели ударят морозы и превратят верхний зимний слой снега в ледяную корку, которая выдерживает зайца и лисицу, но, проваливаясь под гончей, режет ей ноги.

Плохой гон по пестрой тропе объясняется тем, что гончей все время приходится работать при меняющихся обстоятельствах и ежеминутно «перестраивать» свое чутье то на черную тропу, то на снег. Только опытные, очень мастеровитые и очень чуткие гончие способны гнать зверя по пестрой тропе настолько, что его можно добыть. Что касается молодых собак, особенно первоосенников, то они в таких условиях теряются, и если некото-

рые из них, наиболее чутьистые и вязкие, еще кое-как держат след, то другие просто путаются и бросают след.

Охота на зайцев

Заяц-беляк — типично лесное животное. Лишь в тундре и местами в южном ареале он обитает на безлесных пространствах, выбирая здесь заросли кустарника или изрезанные и заросшие ивняком берега рек и озер. Беляк избегает сплошных массивов, предпочитает леса, изрезанные вырубками, гарями, лугами и болотами. Особенно не любит он участки хвойных лесов, лишенные листовенного подлеска и травяного покрова. Чисто листовенные насаждения в лесной полосе заселены беляком редко, за исключением осиновых колков. Места жировок могут иногда совпадать с местами дневных лежек.

Осень... Октябрь... Червонное золото опавшей листвы, звенящая тишина лесного воздуха, поседевшая от утреннего инея трава на уютных лесных полянах. С этого момента и начинается в средней полосе России охота с гончими. Пора «чернотропа» — благодатнейшее время для этой охоты. Заканчивается листопад, а сопровождающие его продолжительные осенние дожди насытили опавшие листья влагой, придавили их к земле так, что уже не стало мешающего хруста. Молодых зайцев уже трудно отличить от старых. Беляки, потревоженные листопадом и капелью, перебрались из сплошного леса на открытые сечи и гари, поросшие мелким кустарником и осинником, захлащенные пнями и кучами хвороста. Они выбирают в это время чокчоватые болота, некошенные травяные заросли возле полей, лесные овраги. В очень сухую осень беляка следует искать в пониженных местах, у невысохших болот.

Как уже было сказано выше, для охоты с гончими лучше выбирать дни с влажной безветренной погодой. Охотиться на зайцев лучше дружной и знающей толк в работе гончей компанией в 2—3 человека. Охота начинается с момента, когда охотник, как правило владелец гончей (гончих), отпускает собаку с поводка и, двигаясь в определенном направлении, изредка покрикивает («порскает»). Существует множество манер порсканья... Наиболее характерными являются короткие фразы: «Ах, буди его, буди!», «Добери, добери его!» и т. д. Главная задача при этом — по возможности быстрее поднять зайца, ведь осенний день короток... Поэтому и выходить на охоту надо пораньше, чтобы к рассвету быть на месте. Кроме того, жировочные следы с утра гончей легче принять и доработать до подъема. Если гончая имеет хороший полаз и добычливость, то помогать ей почти не приходится. А если в процессе нагонки были допущены ошибки, тут уже волей-неволей охотнику приходится брать на себя обязанность побудить зайца. Помогать приходится и гончим с недостатком

чутья, и со слабой рассудочной деятельностию.

Лучше всего прочесывать предполагаемые места с шумом. При этом можно наткнуться на свежую лежку или перевидеть поднявшегося зайца. В таком случае надо сразу же подзвать собаку и наставить ее на след.

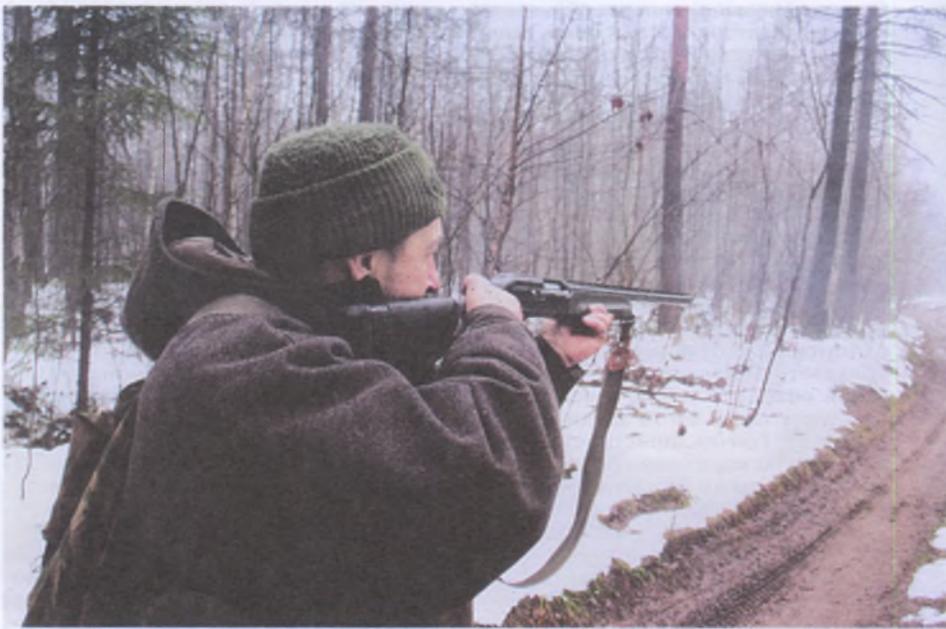
Как только заяц поднят, всякий шум следует прекратить. Теперь главное — определить место, с которого был поднят заяц, так как это самый верный срелковый номер, надежный лаз... Чтобы добыть зверя, с ним надо встретиться. Место, где охотник рассчитывает перехватить зверя, и есть упомянутый выше лаз. Определить лазы можно по ходу гонного зверя. Эти места могут быть самыми разными. Лучше становиться на дорогах, перекрестках, на просеках и в редколесье, на окраинах сеч, небольших полянах, на перемычках, соединяющих два участка чащи, бровок канав и т. д. Общей приметой верного лаза может служить стык двух массивов, лощина между ними, выделяющийся уголок леса и, повторяю, место лежки.

Поднятый гончими, беляк, как правило, имея строго определенные повадки, ходит достаточно выраженными кругами: почти всегда возвращается к месту лежки, неоднократно проходя одними и теми же участками. Правда, эта закономерность не всегда четко выражена. Иногда к лежке он приходит после двух-трех и более кругов, но приходит почти всегда, независимо от хода гона. Беляк не любит ходить полями, поэтому пути его всегда в чаще, в острове. Иногда он залегает где-нибудь в вырубке, но в отличие от своей основной лежки затаивается под каким-нибудь пнем или кустом. Из чащи он особенно любит вылезти на просеку, на дорогу, особенно если она песчаная, и по ней сделать свою из

любленную сдвойку или тройку. Вся его заячья беда в том, что он охотно ходит из острова в остров, не раз своим же следом пролезает через лужайки, поляны, просеки. Эту привычку очень быстро усваивают даже начинающие охотники, тут и встают.

Однако вышесказанное не следует понимать как абсолютную истину. Ход беляка зависит от многих факторов: гон всегда лучше по матерому (взрослому) беляку, который ходит на более или менее правильных широких кругах, и хуже — по прибылому зайчишке: гончие постоянно скальваются, поскольку зверь то и дело западает. Более широкими и правильными кругами зверь ходит под паратыми, голосистыми гончими. Времени на сдвойки, сметки и прочие хитрости почти не остается, и тут уж воистину «зайца ноги спасают».

Как уже сказано выше, во время гона зайцы нередко делают сдвойки, скидки, петли, часто вновь западают, стремясь отделаться от гончей. В этих случаях могут быть и перемолчки и сколы. И если ваша вязкая и верная на отдачу голоса гончая, потеряв след, замолчала, наберитесь терпения и ждите, пока она разберется в заячьих премудростях и снова ярко помкнет. Иной раз и 10, и 15 минут приходится ждать. Когда гончая справит след сматерившего беляка и снова залетится наполненной страстью, торжеством волшебных речитативов песней, оставайтесь на месте и слушайте, слушайте эту музыку. Заяц еще придет сюда. Подпускайте его на верный выстрел и плавно жмите на спусковой крючок. И какая же досада берет, когда на охоте встречаешься с «топтунами», не ведающими, что такое этика охоты. Едва услыша голос гончей, даже не потрудившись определить направление хода

Стрелять зайца надо в меру, не дальше 30—50 шагов

зверя, они со всех ног мчатся на «перехват». У зайца отменный слух. Он издали слышит этот топот, резко сворачивает в сторону. Нарушается стройность гона. Из-за одного неумехи, а вернее «шкурятника», остальным охотникам надо заново подстраиваться под гон. Конечно же, впредь такой «топтун» в компанию на совместную охоту приглашен не будет.

Поведение зайца-русака под гончими несколько иное, чем у зайца-беляка. Под влиянием хозяйственной деятельности человека ареал зайца-русака за последние десятилетия сильно изменился. Кое-где хвойные леса изрядно поредели, особенно в зоне тайги европейской части России. Ушли в небытие тысячи и тысячи деревень, а вместе с тем пришли в запустенье пашни, луга, пастбища. Отчасти эту нишу и заполняет русак. Повсеместным он стал и в Предуралье, и за Уралом, и в Сибири. Русак в еще большей степени травояден, чем беляк. В летнее время основу его питания составляют злаки, бобовые и другие травянистые растения. В зимнее время там, где снег неглубок и есть озимые поля или заросли полыни, злаков и т. п., русак всю зиму питается травянистыми растениями. В многоснежные зимы русак поедает ветки дуба, клена, ясени, ивы, березы.

Охота с гончими на русаков существенно отличается от охоты на беляков. Русак любит места более или менее чистые, а глубины леса, тем более чащи и крепи, всегда избегает. В лесу русак ходит больше дорогами, поэтому, становясь на пересечении дорожек, можно скорее всего наждать на себя бегущего русака. Кроме дорожек, в островах, расположенных на ровном месте, лазами русака бьвают опушки, где поле мысом вдается в лес, поляны и особенно те места, которые приходятся на наименее крепкие части леса. В сплошной лес русак никогда не пойдет, а будет под гончими ходить по опушкам, полянам, вырубкам. Здесь лазы бьвают определеннее и вернее, чем в отъемах.

По пестрому полю и белой тропе, пока пороша неглубока, лазы русака те же, что и по чернотропу, но русак часто переходит по льду ручьи, болота и лужи, особенно если снег с них сдуло. Очень любит он в это время ходить по проселочным наезженным дорогам, почему пересечение их — верный лаз. Надо сказать, что и гнать русака по наезженным, часто обледеневшим дорогам может только чутыстая гончая. В данной ситуации гончая со слабым чутьем и даже с посредственным — бессильна. В связи с этим очень часто большое значение приобретает помощь

собаке со стороны охотника, который в открытой местности далеко видит, где и как идет русак, и имеет возможность поставить собаку на след сматерившего зверя гораздо быстрее, чем она сама разберется. Тут необходимо, чтобы гончая была особенно назывиста и со всех ног подваливала на его наклик к свежему следу. Особое внимание от охотника требуется в том случае, если в зоне охоты есть машинные дороги. Русак любит отделаться от гончих по машинным дорогам, переходя с одной на другую. И много же славных гонцов погибло под колесами автомашин, распутывая зайчьи кроссворды, оставленные на дороге!

Скинувшись, заяц где-то тут недалеко и залегает и внимательно следит за гончей. Как только гончая продвинется несколько вперед, он выскакивает сзади нее на эту же дорогу и, наделав еще раз сдвоек на следу, вернется к месту подъема. Замечено, что неоднократно побывавший под чутыстыми и вязкими гончими и избежавший встречи с охотником, заяц-русак приобретает «профессионализм», кругами уже не ходит, а уходит километров на 5—6 напрямик.

Стрельба по зверю

Первое правило, которого следует держаться, — стрелять зверя в меру, т. е. на расстоянии, когда ружье бьет еще достаточно резко. Обычная дистанция выстрела колеблется от 30 до 50 шагов.

Навык прицельной стрельбы — способность стрелять навскидку, с мгновенным, доведенным до автоматизма определением упреждения — приходит не сразу. Но основные, передающиеся из поколения в поколение советы опытных охотников надо помнить. Уходящего от охотника («угонного») зайца надо бить по кончикам ушей. Встречного зверя — по передним лапам, идущего поперек на близком расстоянии — на ширину ладони впереди головы, а на большом расстоянии — на корпус-полтора вперед на линии груди. Легче всего попасть в зверя, когда он находится в профиль, стараясь целить ему под лопатку, — это самый верный и убойный выстрел. Есть у охотников определение «некорректный выстрел». Это когда стреляют на сомнительном расстоянии, в результате чего остаются искалеченные, обреченные на верную гибель животные. Очень быстро они становятся легкой добычей лисы, ястреба или даже куницы.

У добытого зайца следует прежде всего спустить кровь, для чего нужно перерезать перегородку между ноздрями и подержать его немного головой вниз. Затем отжать мочу: придерживая зайца за голову, надавить на низ его брюшка. В прежние время добытого зайца охотник носил в «тороках», то есть на висящем через плечо широком ремне. Сейчас повсеместно используются рюкзаки. Чтобы рюкзак не пачкать кровью, зайца можно вначале поместить в полиэтиленовый пакет.

Опытные гончие, услышав выстрел и сигнал «дошел, дошел!», мчатся на выстрел. Полезно дать гончей обнюхать тушку зверя

БУХАРСКИЙ УРИАЛ

В сухих горах, расположенных среди каменисто-щебнистых полупустынь, обитает стройный быстроногий тонкокостный баран-уриал. Его называют в научной литературе афганским, или бухарским. Распространен он в Таджикистане, Туркмении, Узбекистане, Афганистане, Иране, Пакистане.

Он — ближайший родственник прародителей домашних овец, которых человек разводит еще с незапамятных времен. Это небольшое животное: высота самца в холке 80 см, самки — еще меньше. В осеннее и зимнее время грудь и шея самца украшены белой гривой с длинным черным подвесом. Интересны рога уриала, в сечении они не круглые, а треугольные и сильно изогнуты.

Животные предпочитают жить в местах, где высокие горы соседствуют с низкими, даже если они разделены широкими долинами. Высокие горы служат уриалам летним местообитанием, низкие — зимним. Сплошных же скал они избегают.

В сухих южных горах источники с водой редки, уриалы вынуждены подолгу оставаться без воды или совершать значительные переходы, чтобы утолить жажду. Пить им приходится и из соленых источников, довольствуясь такой водой, которую не пьет даже домашний скот.

Обычно уриалы держатся небольшими группами в 10—15 голов. В зимнее время группы объединяются в табуны численностью до 100 особей. Самцы держатся отдельно и только в пери-

од размножения (ноябрь—декабрь) присоединяются к группам самок.

Самки начинают размножаться на третьем году жизни и обычно приносят по два детеныша.

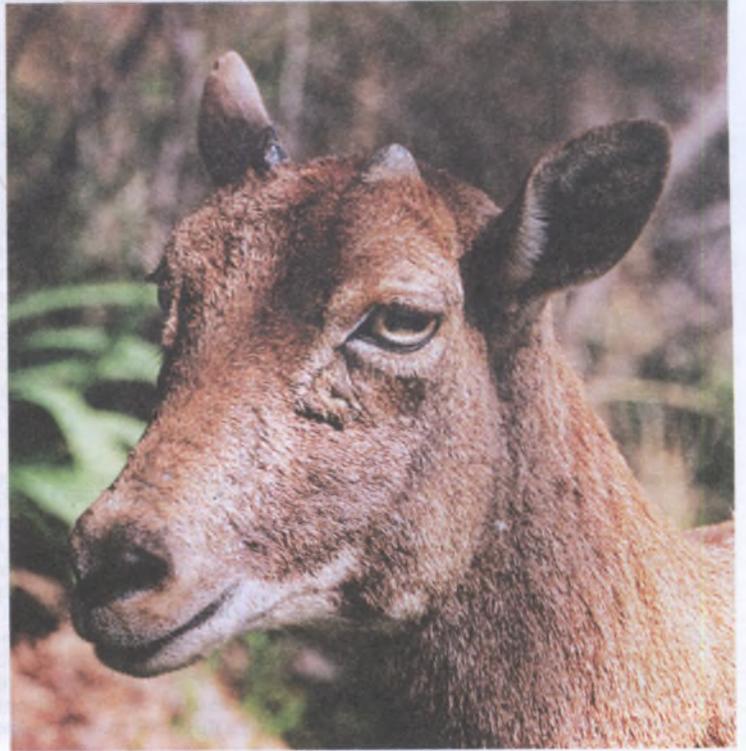
Из-за вкусного мяса уриал всегда активно преследовался человеком. Достается животным и от многочисленных хищников, и от конкуренции с домашними животными при использовании одних и тех же пастбищ. Уриалы очень осторожны и подвижны. В случае малейшей опасности они мгновенно убегают. Зрение у них развито необычайно: на 300 м животные видят малейшее движение. Хорошо развито у них и обоняние, запах человека по ветру уриалы чувствуют более чем за километр.

Везде, где уриал обитает, он считается редким животным, которому грозит опасность исчезновения. Но дело по сохранению этого красивейшего горного барана не стоит на месте. Под контролем природоохранных организаций проводятся работы по восстановлению численности уриалов путем создания питомников, так как эти животные хорошо переносят неволю и даже содержатся в зоопарках, ежегодно принося потомство.

Рожденных в питомниках уриалов выпускают в заказники и национальные парки, они отлично там приживаются.

С. ТИШКЕВИЧ,
фото автора

Мы снова во Фрязево встретились...

Елена ГОРБУНОВА
Фото автора

Алексей Тимофеев из г. Калининска Саратовской обл. приезжает на матчевую встречу все 9 лет

На ежегодную межрегиональную Матчевую встречу норных собак во Фрязево (Ногинский р-н Московской области) я еду уже почти десять лет. «Почти», это потому, что 4–5 ноября 2007 г. как раз и состоится десятая, юбилейная встреча. И хотя последние годы мне выставлать некого (так сам Деле и Биме участвовать уже не позволяет возраст, а Фанечка еще щенок), приезжаю просто посмотреть, пообщаться с друзьями и коллегами из других регионов, ведь со многими у меня есть шанс увидеться только здесь.

И таких преданных фрязевским соревнованиям охотников-норников приезжает немало. Для большинства это настоящий праздник норной охоты, ведь соревнования такого уровня позволяют не только определить степень подготовленности различных пород норных собак, но и дают возможность участникам пообщаться, обменяться опытом охоты и работы с норными собаками не только в различных

Экспертная комиссия в сборе

клубах, но и областях и регионах. В процессе соревнований ярко виден уровень полевой работы и достижения по развитию и совершенствованию охотничьих качеств собак норных пород в работе по зверю. На соревнованиях также определяются лучшие по работе собаки для дальнейшего племенного использования. А лучшие владельцы-собаководы поощряются за успешную работу с собаками.

Вот и ездят охотники на матчевую встречу даже из дальних регионов, несмотря на многочисленные трудности. Алексей Тимофеев из города Калининска Саратовской области приезжал все девять лет. Его жена Светлана ездит с мужем, помогает с собаками: супруги обычно привозят 3–4 собаки. В их комнате постоянно шумно и весело, и не только потому, что Светлана отличная хозяйка. Все эти годы Алексей сочиняет песни про охоту, собак и, конечно же, про состязания. Именно строчка из одной его песни стала заголовком этой статьи. А еще он написал гимн Матчевой встречи, который вот уже несколько лет наизусть знают почти все участники соревнований.

О последних состязаниях мне особенно приятно писать, поскольку победителями на этот раз впервые стали... таксы. Но, наверное, лучше рассказать все по порядку.

Участие в матче — командное. К состязаниям допускаются собаки с сертифицированными родословными РКФ, с родословными стран — членов ФЦИ или с документами на охотничью собаку. Запись на состязания проводится заранее. Желающие принять участие подают заявку, к которой прилагается список команды из 4-х собак и имена 1–2 собак-дублеров. Чтобы не превратить матчевую встречу в состязания ягдтерьеров, в состав команды могут войти только две собаки этой породы, а остальные (фокстерьеры, вельштерьеры, таксы и др.) подбираются по усмотрению клуба. Однако в командном зачете учитываются результаты только четырех лучших собак.

В состязаниях приняло участие 60 собак — 12 команд из Москвы и Московской области, Тулы и Белгорода, Саратова и Саратовской области, Новгорода и Нижнего Новгорода. А фокстерьера Артеса (вл. А. Кучин) привезли аж из Воркуты.

Все матчевые встречи норных проводятся на П-образной норе в соответствии с «Правилами испытаний охотничьих собак по лисице» в течение двух дней. Испытания проводят по ли-

Самые серьезные участники состязаний — немецкие охотничьи терьеры, их в команду допускают не более двух

сицам клеточного разведения любого окраса. Время работы собаки в первый день — 10 минут, во второй день — 7 минут. Очередность работы собак (общая на два дня), а также нумерацию лисиц разыгрывают.

Оценивать работу собак на девятой матчевой встрече пригласили экспертную комиссию. Председатель — эксперт Всероссийской и Международной категории Е. Гусева, эксперт Второй категории — Г. Тарасова и эксперт Третьей категории — А. Крыжова. Оба дня бригада экспертов работала быстро и слаженно. За сменой лис следи-

Команда победителей МГО «Динамо»

ли независимые наблюдатели, а нор-мастера А. Очередыко, В. Иванов и С. Казимерский приложили все усилия, чтобы собаки показали максимум мастерства и умения, а лисы получили минимум ран.

Собаки показали великолепную работу. За оба дня диплом I степени получили 32 собаки, и это при том, что снято было всего 9 собак. Шесть собак сработали на два диплома I степени.

К сожалению, на этой встрече были представлены собаки только семи пород. Помимо такс, фокстерьеров и ягдтерьеров в соревнованиях приняли участие бордертерьеры.

Очень порадовало выступление такс. В борьбе за титул чемпиона приняли участие пять ветеранов (собаки старше восьми лет) — все они показали четкую, стабильную работу, доказав, что возраст для настоящего «охотника» особой роли не играет.

Командное и личное первенство определялось по результатам работы собаки в двух запусках. Победителя в личном зачете выбирали по наименьшей сумме дипломов при наибольшем количестве баллов (суммировались

баллы, начисленные за дипломы I степени — 30 баллов, II степени — 20 баллов, III степени — 10 баллов). При равенстве этих показателей преимущественно предоставляли собаке, сработавшей хватками, учитывая качество хватки. Затем сравнивали время от начала контакта до хватки. При определении первенства в командном зачете к сумме зачетных баллов добавляли призовые баллы за I, II, III места, а также за «лучшую молодую собаку» состязаний, за «лучшую суку», за каждого породного победителя.

И вот результаты:

I место заняла команда такс МГО «Динамо» (768 б), в очередной раз доказав, что таксы — одни из лучших охотничьих собак.

II место досталось прошлогодним победителям встречи — команде Раменского РООиР (727 б), III место заняла команда ВОО (720 б).

Абсолютным чемпионом встречи стала гладкошерстная такса Вжик (вл. С. Реброва), оба дня работавший на дипломы I степени (188 б), он же стал и породным победителем. Второе место заняла НОТ Тина (182 б) (вл. И. Ру-

мянцев), ставшая одновременно и породным победителем и лучшей сукой состязаний. Всего несколько секунд проиграл Тине НОТ И-Забар, также сработавший на два диплома I степени (182 б), и получил почетное третье место.

Среди пород победителями стали:

Ж/ш фокстерьер Тимофей, I, I д. (185 б) вл. Бондарева, г/ш фокстерьер Чум-II, I, II д. (185 б) вл. Казимерский, вельштерьер Арчи-Юг Голд Шадоу, III, II д. (169 б) вл. Радович, бордертерьер Бест, I, II д. (185 б) вл. Синушин, ж/ш такса Йорк III, I д. (173 б) вл. Сычева.

Необыкновенно много в этом году было подарков от организаторов состязаний. Впервые свои призы предоставил и Русский Охотничий Клуб.

Радостно и весело прошли награждения.

В силу обстоятельств я уезжала раньше других, и долго еще мне вслед из открытых окон гостиницы неслись слова песни: «...мы вновь обязательно встретимся...» Конечно, встретимся, друзья, уж я-то приеду точно.

МОНГОЛЬСКИЕ ТОВАРЫ

Изделия из верблюжьей шерсти

Для охотников и рыболовов предлагаем изделия из верблюжьей шерсти: спальные мешки, куртки, жилеты, свитера, одеяла, пледы, подушки, шапки, шарфы, согревающие пояса на поясницу и спину, перчатки, носки, стельки

Изделия не обработаны химикатами и красителями, сохраняют полезные свойства и долговечны. Уникальное строение верблюжьего волоса (полый внутри) регулирует тепловой обмен, способствует поглощению влаги

Адреса: Москва, ВВЦ, пав. 71,
г. Жуковский Московской обл., ул. Чкалова, 2А
магазин "Монгольские товары"

Цены на товары и условия доставки по тел.:
8(926) 337-31-57, Бурыкина Наталья Юрьевна
E-MAIL: GUDKOVA2000@MAIL.RU

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчёт шкурки и хвосты беличьи, колонковые. Оплату поставленного Вами сырья, расходов по пересылке гарантируем в кратчайшие сроки.

610004 г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23
тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22
E-mail: chief@brush.kirov.ru

Полная разборка ружья

«Германика» - ружье охотников и спортсменов

Виктор ГУРОВ,
мастер спорта по стендовой
стрельбе

Наверно, нет такого охотника, который, зайдя в охотничий магазин, равнодушно взирал бы на ружья, уютно устроившиеся в витринах. Ассортимент настолько разнообразен, что глядя на это великолепие глаза невольно разбегаются. Наряду с отечественными «ижевками» и «тулками» соседствуют ружья таких известных фирм, как «Браунинг», «Беретта», «Бенелли», «Перацци» и других.

На исходе прошлого столетия захотелось в конце «охотничьей» тропы поохотиться с газоотводным самозарядным ружьем. Но купленное ТОЗ-87 меня разочаровало, и я, продав его, а вместе с ним и ИЖ-12, и ИЖ-27, остановил свой выбор на «Германике». «Германика» — детище совместной работы немецкой и итальянской фирм.

В 1999 г. я стал обладателем «Германики».

Своим внешним видом ружье ласкает взгляд, вызывая эстетическое наслаждение. Поклонники «классики», особенно ружей с горизонтально соединенными стволами да с английской ложей, прочитав мои слова,нисходительно улыбнутся. Но право же, мне так тогда казалось. Ложа и цевье изготовлены из высочайшего и отполированного ореха, на них выполнена красивая и аккуратная насечка. Шейка ложи полупистолетная, с удобной выемкой под большой палец правой руки. Деревянные части тщательно подогнаны к металлическим деталям.

Мне не терпелось проверить свое приобретение стрельбой, и я отправился на стенд. Ружье работало как часы, и на патронах с навеской дробы от 24 г (спортивные), и «магнум». При передергивании затвора не слышен железный скрежет, вызывающий зубную боль, а также «шуршание» металла по металлу. Ружье оказалось прикладистым, с хорошим балансом и посадистостью.

Основные технические характеристики ружья

Калибр	— 12
Длина ствола, мм	— 710
Длина патронника, мм	— 76
Диаметр канала ствола, номинальное значение, мм	— 18,4
Сменные дульные насадки, мм	— 0,0; 0,2—0,3; 0,4—0,6; 0,7—0,8; 0,9—1,1
Среднее значение рабочего давления газов, развиваемых патронами, кг/см ²	— 900

Максимальное давление газов, кг/см ² не более	— 1200
Емкость магазина	3+1 в стволе
Масса ружья (кг) не более	— 3,2

Примечание: Необходимо отметить, что для любителей пострелять на дальние дистанции выпускают «Германику» с длиной ствола 900 мм, с постоянным дульным сужением «чок» и массой не менее 3,6 кг, так называемую «гусятницу». «Германика» — газоотводное самозарядное охотничье ружье, состоит из следующих основных узлов и деталей:

- ствола с газовой камерой, на которой закреплен цилиндр с рядом круговых проточек (для пневматического уплотнения, не допускающего прорыва пороховых газов);

- подвижной системы ружья, в которую входят поршень, тяга в сборе, рукоятка перезарядки и затвор с клином;

- возвратной пружины;
- ударно-спускового механизма (УСМ);

- ложи и цевья.

Замена патрона в заряженном ружье

Ружье не оснащено отсекателем патронов, как, например, отечественное ружье «МЦ-21-12» или «Браунинг», и при необходимости заменить патрон в патроннике следует ружье поставить на предохранитель, извлечь патрон из магазина, на его место вложить необходимый патрон и резко передернуть затвор. Нужный патрон окажется допущенным в патронник. При этом надо

помнить, что патрон, находящийся в стволе, вылетит через окно затворной коробки. Поэтому при возможности старайтесь прикрыть окно ладонью левой руки, как было сказано выше.

Некоторые охотники не полностью заполняют магазин, оставляя в нем место для одного-двух патронов. В этом случае достаточно вложить в магазин патроны с необходимой дробью и передернуть затвор.

«Германика» на охоте и стенде

Я неоднократно проверял бой ружья отечественными и импортными патронами, а также патронами собствен-

но снаряжения на дистанции 35 м. Проведенные стрельбы показали, что отечественные патроны, как обычные, так и «полумагнумы» и «магнумы», а также собственного снаряжения с дробью № 5, № 4, № 3 и № 0000, дают вполне удовлетворительный бой. Резкость отличная, кучность с насадкой 0,7—0,8 мм не выше 51 %, а с насадкой 0,9—1,1 мм уже 54 %. Патроны «Спорт Актив» обычные и «магнум» с теми же номерами дробы обеспечивали также отличную резкость, но более высокую кучность — обычными патронами 61 %, а патронами «магнум» 66 %.

Собственноручно снаряжал патроны порохом «Сокол» 2,3 г, с навеской дробы № 3 36 г в пластмассовые гильзы длиной 70 и 76 мм. Стрельба этими патронами показала в обоих случаях (гильзы 70 и 76 мм) отличную резкость, кучность соответственно 54 и 61 %. С насадкой 0,0 мм были отстреляны патроны с пулей Полева-3 весом 29 г на дистанцию 50 м. Поперечник рассеивания пули не превышал 90 мм.

По результатам отстрелянных патронов можно сделать некоторые выводы:

- положение газоотводных отверстий на расстоянии 330 мм от казенного среза ствола (в ТОЗ-87; например, 210 мм), на мой взгляд, обеспечивает отличную резкость. А так ли это на самом деле, могут сказать только специалисты;

- патроны, снаряженные в гильзы длиной 76 мм, которые соответствуют длине патронника, обеспечивают лучшую резкость и кучность;

- дробовые патроны «Спорт Актив» по своим характеристикам превосходят отечественные патроны и патроны собственного снаряжения.

Согласно дневниковым записям, за 1999 и 2000 гг., было отстреляно 7 гусей, 78 уток, лысух и 2 тетерева. Птиц отстреливал на дистанциях: гусей — до 60 м, а уток и тетеревов — 15—45 м.

Птицу надежно поражал как первым, так и вторым и третьим выстрелами. Четвертым выстрелом влет стрелять не приходилось. В среднем на одну добы-

тую птицу расходовал не более трех патронов. Были подранки и досадные промахи. Из 78 сбитых уток не найдено 17, среди них были и подранки. Потери составили 20 % от отстрелянных, так как охотился без собаки. С 2000 г. охочусь с английским спрингер-спаниелем. За все это время были добыты 21 гусь, 140 уток (включая и лысух) и два тетерева. Не найдено 13 птиц. Потери составили всего 9,2 %.

На стенде я стреляю из «Германики»

на «кругу», «траншее» и «спортинге», благо насадки это позволяют. В 2000 г. на соревнованиях по «компактспортингу», посвященных 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., занял 2-е место, уступив одну тарелочку знаменитому стендовому стрелку — легенде отечественного спорта Олегу Лосеву. В соревнованиях на первенство среди коллективов военных охотников Московского военного округа и Московского

округа ПВО неоднократно занимал призовые места.

В заключение можно сказать, что газоотводное самозарядное ружье «Германика» из всех импортных ружей такого класса самое дешевое, но не уступающее по боевым характеристикам любому. Конечно, покупая ружье, как и другой товар, можно нарваться и на брак, чего греха таить. Не всегда и импортные ружья оказываются достойными своей цены.

Мое ружье: вопрос — ответ

Уважаемая редакция!

От отца, участника Великой Отечественной войны, мне досталась двустволка 16-го калибра «Зауэр три кольца», заводской № 0526.

Фотоснимки прилагаются. Меня интересует, какого года изготовления данное ружье и, если возможно узнать, то кому оно принадлежало в Германии до войны, так как изготовлено качественно и, возможно, штучное по заказу. Ружье привезено после завершения службы в 1946 году и до настоящего времени находилось на консервации, следы консервации видны на фото в виде красноватых пятен.

Также хотелось бы узнать стоимость ружья и музейную ценность, если оно таковую представляет. Заранее большое спасибо.

Охотник-любитель с 1982 года Коробков Алексей Михайлович, Алтайский край.

Уважаемый Алексей Михайлович!

Ваше ружье однозначно не «зауэрр». Ни по конструктивным особенностям, ни по стилю, ни по серийному номеру двустволка не является изделием фабрики J. P. Sauer & Sohn Suhl, хотя стволы и изготовлены из знаменитой крупновольной стали, несущей марку «три кольца». Сами по себе «три кольца» — всего лишь опознавательный знак патентованной продукции металлургической и машиностроительной корпорации «Фридрих Крупп», больше ничего. Эту марку ствольной стали использовали более половины германских оружейников, ее можно встретить на ружьях австро-венгерских, бельгийских и даже английских производителей.

Ружье не могло никому принадлежать до войны по той причине, что сделано сразу же после нее, скорее всего, между июлем и декабрем 1945 г.

Собрана двустволка в домашней мастерской одного из зульских оружейников, который пожелал остаться неизвестным и не оставил на изделии ни имени, ни даже инициалов (если, конечно, Вы хорошо осмотрели ружье). Нужно признать, для этого у него были достаточно веские основания.

Оружейники — живучая порода. Они не гибнут на полях сражений, за редким исключением — их даже не призывают в армию. Ими дорожат. И как никто другой они остро чувствуют изменения конъюнктуры рынка.

В годы Второй мировой многие предприятия Зуля были задействованы вермахтом для выполнения военных заказов. И только весной сорок пятого, когда исход сражения за Берлин не вызывал сомнений, оружейные мастера начали возвращаться к привычному ремеслу — сборке охотничьих ружей. После капитуляции Германии

большинство фабрик, выпускавших военное оружие, было ликвидировано. Лишь немногие специалисты покинули родной город и переехали вслед за владельцами в Западную Германию. Крупные предприятия к этому времени были взорваны либо закрыты и оружейники встали за домашние верстаки, снимая заусенцы с деталей, предсудостительно присасенных на черный день. Впрочем, мелкие фирмы, выпускавшие оружие по полному циклу, продолжали собирать его из полуфабрикатов, оставшихся на складах, и даже снабжать заготовками надомников. Вполне возможно, что мастер, собравший ваше ружье, приобрел детали именно в такой небольшой фирме, не исключено, что в ней же он и работал. В любом случае добросовестный оружейник не мог поставить на изделие свое имя просто потому, что оно не прошло государственных испытаний на прочность. Обратите внимание, на стволах и коробке нет испытательных клейм. Это свидетельствует о том, что ружье собрано в 1945 г. Таким образом, в первый послевоенный год мастера-штучники несли личную ответственность за надежность изделий и безопасность стрельбы из них, и многие, дорожа репутацией, воздерживались клеймить свое имя, тем более что отбоя от заказчиков не было. И янки. первыми вошедшие в Зуль в апреле сорок пятого, и советские военные, оккупировавшие город с июля месяца, в большом количестве приобретали знаменитые зульские ружья.

Кстати, испытательная станция в Зуле вновь начала клеймить оружие с весны 1946 г. По причине отсутствия бездымного пороха в 1946—1947 гг. на стволах охотничьих ружей клеймо Nitro не ставили, а проба на прочность производилась только черным порохом.

Несмотря на богатое украшение, музейной ценности ружье не представляет. Это довольно распространенная система «Энсон и Дили», прикрытая снаружи фальшдосками. Такие ружья в XX веке десятками тысяч делали германские и бельгийские фирмы. К такому же типу принадлежат отечественные двустволки ИЖ-54, ИЖ-57, ИЖ-58, ИЖ-43. Что касается современной цены ружья, то изделия, не прошедшие испытания на прочность и не имеющие ни государственных клейм, ни имени производителя, конечно же, не могут стоить дорого. Приблизительная стоимость двустволки — \$ 500—700.

Юрий МАСЛОВ

к карабинам СКС, «Сайга» и пр. Восьмиграммовая пуля этого патрона имеет более отлогую траекторию полета, чем полуоболочечная 9,7 г, и даже она при стрельбе на 150 метров из карабина, пристрелянного на 100 метров, падает на 7 см. Если же карабин пристрелян на 150 метров, то через 50 метров, т. е. на двухсотметровой дистанции, пуля снизится на 13 см, а еще через 100 метров (на 300 м) упадет уже на 55 см. Поэтому к определению расстояния до цели надо относиться очень ответственно, иначе промах или попадание не «по месту» не заставят себя ждать. И, конечно, для реальных охотничьих

Практика и тренировка в пулевой стрельбе

А. БЛЮМ

Умение метко стрелять начинается с обучения простейшим приемам, которые позволят научиться попадать сначала в неподвижные достаточно крупные цели, а затем, усложняя тренировки, добиться уверенного владения своим оружием в самых различных охотничьих ситуациях и получать хорошие результаты.

Начинается сезон зверовых охот, я имею в виду охоту на крупных животных, и каждая из них накладывает на участников определенные обязательства и ответственность. Чтобы охота была в радость, а процесс добора подранка (если такое случится) не оказался безнадежно долгим, надо научиться стрелять — стрелять на охоте. В этой статье я хочу дать несколько советов по тем упражнениям и навыкам, которые, как мне кажется, помогут быстрее прийти к хорошим результатам.

Первое, что хотелось бы сказать, — не забывайте свое ружье от сезона до сезона, по возможности чаще берите его в руки, скидывайте к плечу, прицеливайтесь, в конце концов просто держите. Ведь основа мастерства высококлассных специалистов, работающих с конкретным инструментом, это его абсолютная привычность к рукам мастера. К этому же должен стремиться и охотник во владении своим инструментом — ружьем.

С самого начала нужно приучать себя к правильному прицеливанию: постоянно контролировать положение мушки в прорези целика, не допускать «сваливания» ружья вправо или влево. Через некоторое время это войдет в привычку и необходимость в контроле отпадет сама собой. Для большинства охотников очень трудно бывает сделать точный выстрел из винтовки стоя без упора не только на дальнюю дистанцию, но даже на среднюю — 100—120 метров. Виной тому дрожание оружия в руках стрелка. И ничем его не устранить, кроме как тренировкой. Упражнение очень простое и не требует много времени. Надо выбрать у себя

за окном какую-нибудь точку, которая будет служить целью, прицелиться в нее и держать так ружье, не смещая с точки прицеливания, в течение возможно большего времени. Сначала руки с ружьем будут «падать» уже через минуту, но через месяц это время подойдет уже к четырем-пяти минутам, и первые 10—15 секунд оно будет в руках почти совершенно неподвижным, как на упоре, а это хороший шанс на точный выстрел.

Не забудьте уделить внимание процессу нажатия на спусковой крючок, его влияние на точность выстрела трудно переоценить. Пока силы стрелка только удерживают ружье, направленное в цель, оно не сбивается на определенном отрезке времени, но когда появляется усилие на спуске, равновесие нарушается и чем большую силу необходимо употребить для производства выстрела, тем тяжелее не сместить винтовку с точки прицеливания. Поэтому нажатие на спуск должно быть плавным, без рывков. Не зря на многих образцах оружия устанавливают специальные ускорители спуска — шнеллерные механизмы, которые производят выстрел при минимальном усилии.

Как и любое другое дело, в котором человек хочет достичь успехов, стрельба требует тренировок, и не только с оружием в руках. В основе точного выстрела на охоте лежит и умение правильно определить расстояние до цели. Упражняться в этом можно во время любых прогулок. Конечно, если карабин пристрелян на 100 метров, то на всем этом расстоянии изменением траектории пули можно пренебречь — слишком невелика дистанция, но дальше точка попадания пули уже будет заметно смещаться вниз. Насколько важна правильность в определении расстояния до цели? Некоторые могут сказать: «Подумаешь, 50 метров туда или сюда, это же винтовка». Посмотрим один пример, для которого возьмем известный теперь большинству охотников патрон 7,62x39

дистанций желательно хорошо знать траектории полета пули своего патрона, чтобы вовремя взять ту или иную поправку.

Во время охоты и мысленно до нее нужно приучать себя видеть не просто зверя в целом, а выделять те убойные зоны, попадания в которые принесут желаемый результат. И прицеливаться не по «туше», а точно в нужное место.

Стрельба по стоящему зверю, несмотря на некоторые трудности, все же не идет в сравнение по сложности со стрельбой по движущемуся животному. Мало определить расстояние, надо еще посчитать и необходимое упреждение. Чтобы не брать его совсем уж наугад, хорошо бы иметь представление о двух величинах: примерной средней скорости полета пули на конкретной дистанции и скорости того или иного животного в зависимости от характера передвижения (шаг, рысь, галоп). Скорости бега рысью основных наших объектов охоты — лося, оленя, кабана — примерно одинаковы, около 5 м/сек; изо всех сил — до 15 м/сек. Определение средней скорости пули связано с баллистическими характеристиками конкретного патрона. Определим ее для отечественных патронов на дистанции 100 метров и представим интересующие нас сведения в таблице. См. табл.

Разумеется, ни сотые доли секунды, ни 10—20 см уловить на расстоянии 100 м невозможно, но из приведенной таблицы можно определить, что для любого нашего патрона при движении зверя рысью упреждение примерно метр от основного убойного места (заднего края лопатки) позволяет рассчитывать на попадание; при беге галопом оно увеличивается вдвое.

Если упреждение превышает длину корпуса животного, то возникает еще одна причина, способствующая промаху: трудно выдержать линию движения зверя, т. е. не обвисить или не обнизить, особенно часто вероятность этого возникает при стрельбе далее 150

метров. Значит, вынося упреждение на корпус и более, следует обязательно контролировать точку прицеливания по высоте пули.

Очень важно точно выдерживать величину упреждения независимо от угла, под которым бежит зверь относительно охотника. Зрительно оно может сокращаться, а фактически остается прежним.

Самые большие трудности возникают при стрельбе в зарослях. «Заросли» — это, конечно, общее название, они могут быть представлены и тростником, и высоким травостоем, и кустарником, и лесом, когда и зверя как будто хорошо видно, и выстрелить нельзя, потому что он все время находится вроде бы за чем-то. Надо принять себе за правило и неукоснительно выполнять его: «Никакой стрельбы через какие бы то ни было помехи», т. е. через ветки, траву (это относится и к овсу), листья и пр., если нет того прогалка, куда с уверенностью можно послать пулю минуя их. По себе знаю, удержаться трудно, но необходимо. Особенно следует быть внимательным при стрельбе из засидки. Стремление замаскировать ее естественно и поэтому охотник не старается уж очень оголяться, убирая все ветки, мешающие обзору. И тут надо помнить, что при стрельбе с оптическим прицелом

Тип патрона и вес пули	Дистанция, м	Уср., м/сек.	Время полета, сек.	Путь, который пройдет животное за время полета пули, м		Упреждение с учетом времени на реакцию и выстрел, м	
				рысь	галоп	рысь	галоп
7,62x39—8	100	669	0,15	0,75	1,5	1,2	2,0
7,62x39—9,7	—	609	0,16	0,8	1,6	1,3	2,6
7,62x51—9,7	—	847	0,12	0,6	1,2	1,1	2,2
7,62x54R—13	—	732	0,14	0,7	1,4	1,2	2,4
9x54R—15	—	618	0,16	0,8	1,6	1,3	2,6

бывает так, что поле зрения для оптики открыто, а дорогу пуле что-нибудь да преграждает.

Как стрелять, если зверь бежит среди деревьев и его корпус никогда не бывает открыт полностью? Я обычно делаю так: выбираю какой-то промежуток между деревьями по движению зверя и прицеливаюсь в это место, заранее определив, сколько не надо дать добежать ему до этой точки, чтобы выдержать необходимое упреждение.

И еще одно. Уже многие годы, сейчас перед открытием зверового сезона, а раньше — прибыв к месту промысла или полевых работ, я провожу пристрелку своей винтовки. Конечно, почти за сорок пять лет владения ею я узнал ее хорошо, и тем не менее ежегодно перед охотой делаю 15—20 выстрелов на разные дистанции. Прежде все-

го проверяю оптику, затем восстанавливаю свои контакты с ней. Пристрелка оружия перед каждым сезоном (я имею в виду пулевую стрельбу), на мой взгляд, очень важна. Во-первых, восстанавливаются несколько потерявшиеся более чем за полгода навыки, во-вторых, проверяются прицельные приспособления и точность боя, в-третьих, определяются те поправки, которые следует вносить в прицеливание, когда нет возможности заранее установить прицел на нужную дистанцию стрельбы. Проверить себя в пристрелке, увереннее почувствуешь себя и на охоте.

Может быть, кто-то решит, что упреждения, тренировки, пристрелка — все это не стоящие того дополнительные сложности и затраты времени к нашему и так напряженному бытию, но, право, успех на охоте стоит того.

Продолжаем отвечать на письма наших читателей, касающиеся техники безопасности при стрельбе из охотничьего оружия на охоте.

— Какова дальность полета пуль при стрельбе на открытом месте на дистанции 50—300 м?

Этот вопрос звучит слишком общо, т. к. дальность полета пули зависит от угла прицеливания и угла вылета, а они, в свою очередь, зависят от размера цели и от места точки прицеливания относительно поверхности земли. Если стрелять стоя, а точка прицеливания будет находиться в трехстах метрах от стрелка и в полутора метрах над поверхностью земли и пуля, пройдя через эту точку, не изменила траекторию и не уменьшила скорость, то до касания с землей она может пролететь еще не более 100 метров. Если же цель возвышается над поверхностью земли всего на полметра, то пуля пролетит за нее менее 50 метров. Стрельба на дистанции менее 300 м еще больше сократит эти расстояния.

— Какова дальность полета рикошетирующих пуль и насколько они опасны для окружающих? Какие типы пуль менее склонны к рикошетам?

Принято считать, что рикошеты возникают, когда угол встречи снаряда с твердым или жидким препятствием меньше какого-то предела. Но этот предел не имеет постоянной величи-

ны, он зависит от многих составляющих, и в том числе от материала и формы снаряда, плотности и характера поверхности препятствия, скорости полета и пр. Действительно, большинство рикошетов возникает при малых углах касания пули с препятствием, но известны случаи, и они совсем не редки, когда пуля ударяла в твердый предмет под прямым углом (90°) и отбрасывалась назад под таким же углом и почти с такой же скоростью, как и до удара.

Рикошет — сложное явление, но тем не менее на основе многочисленных опытов выведены определенные если не закономерности, то наиболее часто встречающиеся варианты. В «Настольной книге охотника» (1955) приведены 10 основных вариантов поведения пуль при рикошетах. Вот основные из них.

Пули, выпущенные из нарезного оружия, отклоняются после рикошета от основного направления в сторону своего вращения (при левых нарезах — влево, при правых — вправо.) Чем меньше это отклонение, тем дальше летит рикошетившая пуля. Наибольшее отклонение — 250 м, среднее — 90 м.

При стрельбе на ровной местности и твердом грунте на дистанциях до 200 метров рикошетируют все пули, из них 60 % летят до 1000 м, а 15 % рикошетов достигают 2000 м.

При стрельбе на 600 м рикошетирует 90 % пуль, а 15 % рикошетов достигают 1900 м.

Если пуля падает на мерзлую землю или лед, то рикошетируют все пули, даже те, которые достигли предельной дальности полета, то есть выпущенные под углом 30°.

Длинные пули при рикошетах улетают дальше коротких.

Экспансивные пули рикошетируют на меньшее расстояние, чем оболочечные.

Пробивное действие пуль заметно ослабевает с увеличением отклонения от основного направления полета.

Пули, дробь и картечь, выпущенные из гладкоствольного ружья, тоже склонны к рикошету. Круглая форма дробин и картечин, а также округлые формы пуль провоцируют их к этому. Дальность полета мелкой дроби при рикошетах от твердого грунта или воды достигает 250 м. Дробь не рикошетирует, если угол падения больше 13°. Углы рикошета при ударе дроби о землю различны, но в среднем в два раза больше углов падения. Особенно опасны рикошеты дроби при стрельбе на воде с лодки по сидячим птицам, т. к. ствол ружья расположен близко к поверхности воды и дробь касается ее под маленьким углом. Дальность полета рикошетирующей дроби зависит от ее размера, скорости в момент касания с препятствием и угла касания. Крупная дробь может быть опасна до 400—500 метров, картечь — до 1000 м, а пули — до 1300—1400 м.

А. БЛЮМ

Перерегистрация оружия

Очередная статья почетного работника Прокуратуры Российской Федерации старшего советника юстиции Н. АСТАФЬЕВА об охотничьем огнестрельном оружии посвящена его перерегистрации в органах внутренних дел

В Федеральном законе «Об оружии», в ст. 13, говорится, что продление срока действия разрешения на право хранения и ношения оружия осуществляется в порядке, предусмотренном статьей 9 настоящего Федерального закона. В соответствии с этой статьей для перерегистрации охотничьего оружия надо в милицию подать заявление, которое должно быть рассмотрено в течение месяца. В заявлении указываются сведения о видах оружия, которые подлежат перерегистрации, меры, принятые для его сохранности. Следует представить документы, удостоверяющие личность, а также другие предусмотренные законом документы. В уже названной ст. 13 Закона содержится требование о предоставлении медицинского заключения об отсутствии противопоказаний к владению оружием, связанных с нарушением зрения, психическим заболеванием, алкоголизмом или наркоманией. В соответствии с Законом охотничье огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие и охотничье пневматическое оружие могут иметь граждане, у которых есть охотничьи билеты или членские охотничьи билеты. Следовательно, при продлении срока действия разрешения надо представить и этот документ.

Более подробно порядок перерегистрации оружия изложен в Инструкции по организации работы ОВД по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 12 апреля 1999 г., № 288, с последующими изменениями и дополнениями (далее Инструкция).

Вопросы перерегистрации изложены в главе VIII Инструкции. Инструкция требует, чтобы владелец охотничьего оружия, имеющий разрешение на право его хранения и ношения, за три месяца до истечения срока его действия подал в милицию по месту регистрации оружия заявление и те документы, которые требуются при получении разрешения в первый раз, кроме лицензии на приобретение оружия и патронов. Какие документы? Кроме уже ранее названных, две фотокарточки размером 3x4 см. В соответствии с Инструкцией продление срока действия разрешения производится после проверки условий хранения оружия по месту жительства его владельца и контрольного отстрела огнестрельного оружия с нарезным стволом.

Ранее полученное разрешение на право хранения и ношения оружия после получения нового сдается в милицию. На это владельцу оружия следует обратить особое внимание, так как иногда работники милиции изымают старое разрешение еще до выдачи нового разрешения с не истекшим сроком его действия. Разрешение выдается сроком на 5 лет.

По-прежнему много вопросов возникает по медицинскому освидетельствованию владельцев оружия. Критические публикации по этому вопросу в средствах массовой информации, обращения в различные инстанции остаются без внимания. В ФЗ «Об оружии» четко сказано, что при продлении срока действия разрешения на право хранения и ношения оружия представляется медицинское заключение. Удивительно, но факт, что с момента утверждения Инструкции (12 апреля 1999 г.) и до решения Верховного Суда РФ от 24 июля 2003 г. в Инструкции действовала норма, в соответствии с которой наряду с медицинским заключением владелец оружия обязан был представить еще и справки из наркологического и психоневрологического диспансеров по месту своего жительства о том, что он не алкоголик и не состоит на учете у психиатра. Несмотря на эти явно противоречащие закону нормы в Инструкции, она была зарегистрирована в Министерстве юстиции РФ 24 июня 1999 г.

24 июля 2003 г. Верховный Суд РФ своим решением признал, что требование Инструкции в этой части противоречит Федеральному закону «Об оружии» и в связи с этим является недействующим.

Однако МВД России и Министерству юстиции России такое решение Верховного Суда не понравилось, и они его обжаловали в кассационную коллегию Верховного Суда РФ, которая оставила решение в силе. Приказом МВД России от 24 декабря 2003 г. № 1017 из Инструкции исключены требования о представлении при получении лицензии или разрешения на право хранения и ношения оружия справок из наркологического и психоневрологического диспансеров. Казалось бы, закон восторжествовал. Но не тут-то было! Решение Верховного Суда РФ фактически не исполняется до сих пор. Охотник, владелец оружия как бегал в эти диспансеры за справками, так и продолжает бегать, уплачивая за них немалые деньги. Как это получилось?

Очень просто! До сих пор действует приказ Министерства здравоохранения РФ (в настоящее время — Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации) от 11 сентября 2000 г. № 344 «О медицинском освидетельствовании граждан для выдачи лицензии на право приобретения оружия», в котором записано, что медицинское освидетельствование осуществляется в лечебно-профилактических учреждениях, оказывающих медицинскую помощь гражданину на постоянной основе (по месту жительства либо работы или по договору обязательного медицинского страхования). В освидетельствовании должны принимать участие врач-терапевт участковый с привлечением имеющейся медицинской документации, а также специалисты — психиатр, нарколог, окулист. В случае отсутствия специалистов в данном медицинском учреждении привлечение их осуществляется на договорной основе.

Написано четко и ясно, однако приказ во многих регионах России не исполняется, контроль за его исполнением со стороны Министерства здравоохранения и социального развития России не осуществляется в должной мере. Владельцы оружия, как и до решения Верховного Суда РФ, бегают в диспансеры за справками, так как при освидетельствовании ни нарколог, ни психиатр не участвуют. Их место занимают получаемые за немалые деньги справки, при этом диспансеры никаких льгот, например, инвалидам и участникам войн, пенсионерам не предоставляют, хотя органы здравоохранения регионов такие льготы могли бы предоставить, тем более здравоохранение входит в одно министерство, определяющее и социальную политику.

В последнее время вопросам здравоохранения уделяется большое внимание, на его развитие из бюджета выделяются огромные деньги, а органы здравоохранения на местах по-прежнему за простое медицинское освидетельствование пенсионера на право приобретения им охотничьего оружия или продления срока его действия берут значительную часть и без того небольшой пенсии.

Таковы основные положения нормативно-правовых актов по вопросу продления срока действия разрешения на право хранения и ношения охотничьего огнестрельного оружия.

Юрий Федорович МАМАЕВ

После длительной и тяжелой болезни ушел из жизни замечательный человек, надежный товарищ и коллега, преданный своему делу биолог-охотовед Юрий Федорович Мамаев. Совсем мало осталось людей, хорошо знавших родную природу и верой и правдой служивших российской охоте, многострадальному охотничьему хозяйству России. И этот пробел останется незаполненным, ибо за последние годы зловеще поредели ряды заслуженных и незаменимых российских охотоведов.

Жизненный путь Юрия Федоровича — путь человека, который уже на школьной скамье нашел свое призвание и, не отклоняясь, все время шел по избранной им дороге. 1953 год — Московский пушномеховой институт, факультет охотоведения. Правда, из-за причуды невежд, руководивших в ту пору государством, институт расформируют, а факультет оказывается «ближе к производству» в далеком Иркутске, в Иркутском сельскохозяйственном институте, но Юра все равно оканчивает его с красным дипломом. По воспоминаниям однокурсников, он был очень замечен в институте: хорошо бегал на лыжах, метко стрелял, играл в футбол и волейбол, участвовал в самодеятельности, был художником в редколлегии факультетской газеты, словом, не стремясь как-то выделиться, считался своим, компанейским парнем. Его предприимчивая, деятельная натура не позволяла дремать ни себе, ни окружающим его людям. Это замечательное свойство отличало его всю жизнь.

Дальнейшие черты трудовой биогра-

фии Юрия Федоровича: 1958 год — егерь Московского общества охотников и рыболовов (прекрасное начало для специалиста), 1959 год — старший охотовед, заместитель директора известного в Подмоскovie Кривандинского охотничьего хозяйства, 1961 год — преподавание биологии в Сходненском заготовительном техникуме, далее — переход в институт «Агролеспроект» («Союзгипролесхоз»). Участие в проектировании «Беловежской пущи», Березинского заповедника, охотничьего хозяйства в Армении.

Друзья и коллеги вспоминают: удивительный человек, он умел находить общий язык с любыми людьми, независимо от их положения в обществе, занимаемой должности, становиться если не другом, то хорошим товарищем. Юра помнил всех, с кем когда-то встречался. Был внимателен к людям и готовым оказать любую посильную помощь человеку, попавшему в беду. Не пасовал перед трудностями и опасностями, с которыми не раз приходилось сталкиваться на полевых работах. Не гнушался никакой черновой работы.

В 1981 году Юрий Федорович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Экологические особенности зайца-беляка в Центральных районах СССР». Диссертация отличалась исключительным обилием и добросовестностью материала, полученного автором в поле и обобщенного при сотрудничестве во ВНИИТИ в качестве очень плодovitого внештатного референта.

Дальнейшие вехи служебного пути Ю. Ф. Мамаева: 1967 год — старший на-

учный сотрудник Центральной лаборатории охраны природы Минсельхоза СССР, 1972 год — лаборатория лесного охотоведения ВНИИ лесной механизации в г. Пушкино, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией. Здесь он продолжил творческий путь ведущих российских охотоведов Д. Н. Данилова, П. Б. Юргенсона, Я. С. Русанова. Завершен этот путь в Музее землеведения МГУ, но перед этим была одна интереснейшая должность — эксперт, консультант Госдумы РФ по природным ресурсам и природопользованию. Присутствие в Госдуме Ю. Ф. Мамаева открывало прекрасные возможности для грамотной, профессиональной работы этого высокого учреждения в сфере охраны природы и природопользования. Юрий Федорович был удостоен квалификационного разряда «Советник Российской Федерации I класса». В его кабинете на 3-м этаже начиналось обсуждение важнейших проектов, в том числе и по охотничьему хозяйству. Но... Кому-то все это оказалось не нужным. Природа и охота в Госдуме по-прежнему лишены помощи квалифицированных профессионалов, к числу которых несомненно относился и Юрий Федорович Мамаев.

Нас оставил обладатель широкой открытой улыбки, прекрасный специалист, прошедший путь от рядового егера до Советника Российской Федерации. Друг, всегда готовый помочь и словом и делом.

В. БИБИКОВА, О. ГУСЕВ, Б. ДЕДОВ,
В. ДЕЖКИН, А. САМСОНОВ, В. ФЕРТИКОВ

Сергей Петрович Кучеренко

К 80-летию со дня рождения

Охотовед, литератор, общественный деятель. Заслуженный работник культуры. С отличием окончил факультет охотоведения Иркутского сельхозинститута. Кандидат биологических наук. Почетный член Хабаровского крайохотрыболовобщества. Член Союза писателей России.

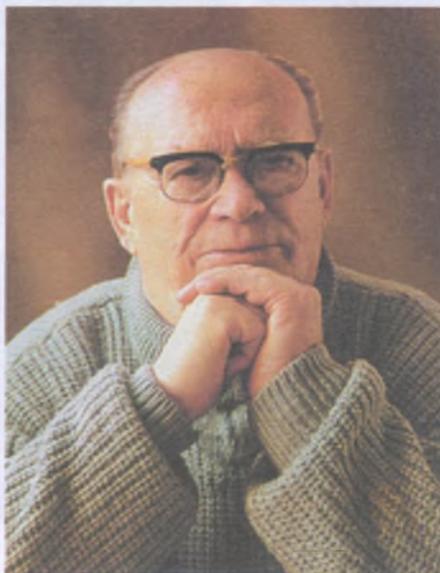
Специализация в охотоведении и научной работе — охрана и рациональное использование возобновимых природных ресурсов, охотничьи угодья и их антропогенная деформация, охотустройство, хищные и копытные звери, экология и охрана тигра.

Много лет проводил изыскания и составлял проекты внутрихозяйственного охотустройства промысловых хозяйств в уссурийской тайге. С 1971 по 1987 годы — старший научный сотрудник и заведующий Дальневосточным отделением ВНИИОЗ.

Активный популяризатор рационального использования и охраны животных Амуро-Уссурийского региона. Автор свыше 250 научных и научно-популярных работ, а также около сотни рассказов и очерков. Издал 25 книг, через рассказы и очерки которых красной линией проходит вечная философская проблема — отношения природы и человека.

С. П. Кучеренко уже давно стал постоянным автором нашего журнала. Первые статьи появились на его страницах в 1968 году — сугубо охотоведческие. Но через несколько лет в его работах становилось все больше зоологических и природоохранных сведений и идей, потом пошли статьи об удивительных животных уссурийской тайги. И, наконец, настал черед художественным рассказам и книгам. За 40 последних лет Сергей Петрович опубликовал в нашем журнале около ста двадцати статей, рассказов и очерков. И теперь он остается преданным журналу автором широкого профиля... Десять лет назад мне довелось поведать нашему читателю о необычной судьбе Сергея Петровича Кучеренко: по сути в его жизни уместилось три Судите сами.

Сергей Кучеренко родился 12 октября 1927 года. Деревенское детство и школьные годы мальчишки прошли в приамурском селе Николаевке. Он унаследовал от отца и дедов могучие гены охотника и рыбовода. Ему посчастливилось застать кишащей рыбой Амур и полные дичью леса и луга. С малых лет он познал баснословно удачные рыбалки и охоты, научился плавать в одиночку на оморочке, бродить по лесам и болотам «с одной, но пламенной страстью». Казалось, природа и промысел вошли в него на всю жизнь. Его душа была проста и непосредственна, в общении с природой он

Сергей Петрович Кучеренко

был по-сыновьи послушным и верным, стремился понять ее, хотел сам докопаться до всех ее проявлений и самому себе ответить на бесчисленные «почему?», «где?», «зачем?» и «когда?» В походах он удивлялся всему: грозе и радуге, жуку и бабочке, воробью и зимородку, зелени листа, красоте цветка и вкусу дикой ягоды... Но лишь спустя много лет он осознал, какое это счастье — удивиться увиденному, окунуться в таинство природы, а потом с ребячьей непосредственностью хвастаться: сам до всего докопался... У каждого есть своя немеркнущая память детства: дом, улица, речка, лес. Первая учительница и первая любовь. Детство же Сергея — это в первую очередь рыбы, птицы и звери, зеленые просторы и вода, зори и росы, дождь, снег и ветер, удочки и ружье. И вернувшийся с охоты на уток и фазанов улыбающийся отец.

Однако после окончания десятилетки военкомат направил его в Высшее военно-морское училище. Все школьные годы мечтал стать зоологом, ученым, путешественником, стал же курсантом ВМУ, а вскоре и морским офицером. Он был отличным военным моряком. Корабли, которыми командовал С. П. Кучеренко, носили на рубках золотые звезды образцовых и вымпелы победителей первенства военно-морских сил по торпедным атакам и стрельбам. Его портрет красовался на почетном стенде лучших моряков в Доме офицеров флота. Очередные воинские звания он получал досрочно. Самые ответственные задания командование поручало С. П. Кучеренко.

Его военная карьера — в добром понимании этого слова — была прекрасной, ему прочли адмиральские погоны и высокие посты. И потому весте о том, что этот молодой блестящий моряк по собственному желанию увольняется в запас, прозвучала громом при ясном небе.

Он мог бы и дальше служить флоту, но одолели два веских обстоятельства: во-первых, из-за потери остроты зрения ему предстояло уйти «на берег», против чего он вставал пропитавшейся солеными ветрами морской душой; во-вторых, его неодолимо потянуло к природе, красоты и тайны которой постигал с детства. Она вошла в него на всю жизнь и все время ревниво звала к себе. Дозвалась в 33 года.

В Хабаровске ему предлагали «денежные» должности в Амурском речном пароходстве, он же предпочел работать за гроши в охотобобществе, в охотуправлении и даже лаборантом в заповеднике. Наконец надолго «запрягся» в Проектно-изыскательскую охотустроительную экспедицию, обследовавшую дебри уссурийской тайги. За долгие годы работы в ней пройдены тысячи трудных километров, он забирался в такую глухомань, где не довелось побывать и В. К. Арсеньеву. Были десятки встреч с крупным зверем, было много ночевок у костра летом и зимой. Замерзал, голодал, тоннул, сваливался в болезнях. Но... цель второй жизни не терял. Более того, заочно защитил красный диплом охотоведа-биолога. А всего через три года после окончания института без аспирантуры и соискательства с полагающимися при этом серьезными льготами, даже без научного руководства он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Хищные млекопитающие Сихотэ-Алиня».

В 1971 году Сергей Петрович перешел на научную работу в Дальневосточное отделение ВНИИОЗ, а через пятнадцать лет он уже имел около ста научных работ и около двухсот научно-популярных. Он стал ведущим охотоведом Дальнего Востока, известным в стране и за рубежом. Никто, пожалуй, активнее его не разрабатывал основополагающие рекомендации для охотничьего хозяйства региона по использованию промысловой фауны. И, наконец, никто на Дальнем Востоке не был таким активным популяризатором научных знаний о братьях наших меньших.

Его как-то упрекнули: не слишком ли отвлекаетесь от научной работы? Ответ был таков: «Каждый ученый обязан в доступной форме рассказывать широкому читателю о результатах своего труда. К тому же ученый, если он только ученый, плохой ученый».

Многого достиг С. П. Кучеренко как охотовед и ученый во второй своей жизни. Все чаще пишет он не только научные, научно-популярные, но и научно-художественные книги. А в 1983 году его принимают в Союз писателей страны, когда членом этой престижной тогда организации стать было нелегко.

С того времени он начал активнее совмещать работу в качестве ученого и писателя, но с годами роль художника все более преобладала. За 18 лет (1973—1988) вышли в свет десять его книг. У читателей они были нарасхват и быстро становились библиографической редкостью.

В 1988 году С. П. Кучеренко начал сугубо писательскую жизнь. Но вот что удивляет: книголюбы и почитатели природы Дальнего Востока давно знают и читают книги Серега Петровича, его статьи, рассказы и очерки, регулярно публикующиеся в периодической печати, а вот автор всего этого им практически не знаком. И все потому, что С. Кучеренко избегает презентаций своих новых работ, отказывается выступать по радио и телевидению, отвергает всякие славословия в свой адрес.

И вот еще что интересно: в его творениях нет фальши и надуманностей. Писать правду и только правду — пра-

вило писателя Сергея Кучеренко. Язык его рассказов и очерков прост и упруг, фабула сказата, изложение стремительно и кратко.

Да, наш юбиляр с «лица не общим выраженьем». Не хотелось бы, не ко времени говорить о его месте среди коллег, однако надо, у него много завистников, недоброжелателей и даже врагов. И тут уместно вспомнить мудрые строки, по-моему, Р. Гамзатова: «У труса разве есть враги? Враги бывают у героев». Скромнен он, но и принципиален. Не любит лодырей и пустобрехов. Не уважает писак, виртуозно умеющих себя показать. И не смолчит, если обсуждается слабенькая рукопись диссертации или книги. Не стерпит хамства и подлости, когда другие их как бы не замечают... Прямота характера и принципиальность суждений раздражают персон мелких и самолюбивых. И как избежать завистников, кои, будучи не в состоянии подняться до «уровня» Кучеренко, стремятся принизить его до своего или сделать в некотором роде изгоем. И все же почитателей и поклонников у нашего юбиляра гораздо больше.

Прочитал написанное после недельной отлежки в столе и задумался: не захвалил ли? И снова поместил туда же. А недавно прочитал в послесловии

к чудесной книге С. Кучеренко «Талант любви» (2002) профессора и писателя Юрия Салина и успокоился: правду написал я. А Ю. Салин подметил вот что: «Семнадцать книг вышло из-под пера писателя-натуралиста, классика нашей литературы о природе С. П. Кучеренко. Его произведения относятся к искусству в понимании Льва Толстого, они передают чувства от сердца к сердцу, причем чувства возвышающие, пробуждающие все самое лучшее в человеческой природе».

80 лет — возраст почтенный, однако наш юбиляр пребывает в расцвете творчества. Только за пять последних лет он написал 12 книг, из которых 9 издал. И среди них полиграфически прекрасно исполненные «Единственный шанс волчицы», «Встречи с амурским тигром», «Амурские рыбы», «Звери уссурийской тайги», каждая объемом от 15 до 20 авторских листов. Еще три полностью подготовленные книги ждут материальной возможности быть опубликованными. И это при том, что кроме книг С. П. Кучеренко активно публикует в журналах рассказы и очерки. Но и это не все. На его рабочем столе «в деле» лежат еще две большие рукописи. Сразу две!

В. К. МЕЛЬНИКОВ

Кожаная сумка выживания

Сергей КУЧЕРЕНКО

Мне теперь восемнадцать лет. А история, о которой хочу рассказать, случилась три года назад. В июле. И потому решил поведать о ней своим сверстникам и тем еще, кто помоложе, что лучше всего набирать опыта на чужих ошибках... Впрочем, и всем читателям, хотя бы изредка бывающим в тайге, не лишним будет узнать эту историю, едва не ставшую для меня завершающей совсем недолгую жизнь.

Зовут меня Мишей. Отец мой — охотовед по профессии и призванию. Охотник, как говорится, от Бога. Без оружия и тайги он скучает и чуть ли не болеет. Таким же был и его отец, он же мой дедушка. И совсем не случайно в двенадцать лет мне было подарено настоящее двустольное ружье аж двенадцатого калибра, а через два года я из этой «фузеи» лихо сбивал с полета тетерева и утку, даже вертялого бекаса. А еще к четырнадцати годам освоил я таежный капканный промысел, самостоятельно охотился на белку и рябчика, и даже на глухаря, с отцом же ходил и на крупного зверя. Друзьям своим мой батя не без гордости говаривал: «В Мишку я заложил могучие охотничьи гены».

Мы гордились друг другом, а моя мать — нами обоими.

В пятнадцать я в душе считал себя

вполне бывалым и знающим таежником, отцовская опека порою меня и сердила. Он это заметил и ненавязчиво наставлял: «Умные люди таежному делу учатся всю жизнь, а соответствующего опыта у них никогда не бывает чересчур много. Как не бывает слишком много здоровья, правды и чести. Даже к концу жизни».

Отец часто ездил в богатое зверем лесохозяйство чуть ли не в центре уссурийской тайги, которым руководил. И всякий раз, когда я был свободен от школы, брал меня с собой. Мама радовалась этому: все меньше будет ее сын якшаться с великовозрастным дворовым хулиганом, заставлявшим сквернословить, курить, наркоманить, воровать... Развратничать с малолетью, жить за чужой счет долго и пьяно.

А на летние каникулы родители возили меня в давно и хорошо знакомую очень добропорядочную семью из всеми забытой «неперспективной» таежной деревеньки, и там мне было совсем хорошо: вокруг тайга с грибами, ягодами и орехами, рядом горная рыбная река, и с утра до вечера — неприятная, но бывалая деревенская братва, гордая на всякие робинзоны. А меня они почитали вожаком, потому что каждую неделю в деревню

приезжал на «Ниве» мой отец, которого здесь все уважительно звали Сергеичем.

Так вот. Собрались мы с хозяйским сыном Валеркой, которому было на два года больше, за жимолостью на ближние сопки. День был тихий и солнечный, взяли мы по семилитровому ведерку и двинулись в чем были с утра — в кедах, легких штанах и рубашках да матерчатых шапочках. Собирались ведь возвратиться через три-четыре часа, еще задолго до вечера.

Ягода в тот год уродила бедновато, в поисках ее мы много и беспорядочно ходили — с сопки на сопку, вдоль одного ключа и другого. И как-то невзначай разошлись. Покричал я, пошвыстал, Валерка не отзывался. Подумалось, что он повернул к деревне и меня позвал за собой, да не услышал я. И решил: «Вон тот склон обследую и тоже пойду домой».

А жимолостью тот склон оказался как бы специально для меня усыпанным, и я ее с увлечением собирал и собирал, утрясая и уплотняя в ведерке, уверенно надеясь за час наполнить его «с бугром». И не заметил, как небо затянуло серой хмарой, от солнца не осталось ни пятна, ни даже посветления в облачности. И вдруг из-за соседнего хребта донеслись громовые рас-

каты... Я, конечно, заторопился на выход из тайги, не задумываясь даже, в правильном ли направлении рванул. Лишь мельком подумал: «Куда же еще? Там ведь деревья, оттуда и пришли».

Но гроза догнала меня быстро. Я примостился переждать ее под склонившейся дуплистой старушкой-липой, надеясь, что грозы проходят так же быстро, как и надвигаются. И в самом деле, и дождь хлестал, и гром гремел, и молнии сверкали не более часа. Но громы и молнии исчезли, а вот грозовой ливень переродился в мелкий ровный дождь. И еще час просидел я в просторном дупле так ласково и заботливо меня приютившей липы, что не упало на меня с неба ни единой капелюшечки. Даже на сон тянуло на пухлом пахучем ворохе сухой листвы и хвои.

Но потом забеспокоился: «Что если этот дождь зарядил надолго? До деревни километров шесть, бежать по бездорожью не меньше часа. И к вечеру дело...» А тут еще полосонуло понутри: ни спичек, ни даже ножичка-складушка... Тоже мне таежник. Сколько раз отец говорил: «Без спичек в тайгу ни шагу, даже если в чистом небе полыхает и уходишь всего на часок по тропинке».

И я побежал под дождем, оберегая ягоду от просыпания. Вымок, конечно, в первые же минуты, но это меня не пугало, потому что дождь шпарил теплый, а от быстрого хода то в гору, то вниз, то вдоль ключа тело распалилось.

И так вот то бежал я скакуном, то рысил уставшей лошастью, то просто быстро шел, и сопки, по моим расчетам, уж должны были расступиться, а они... сгрудились в незнакомую мне чернолесную толпу... И опять резануло меня по сердцу: «А правильно ли иду? Не заблудился ли? Вот будет стыдобушка!»

Решил торопливо и беспокойно: «Надо забраться на вершину вот этой сопки и осмотреться». Забрался. Вскрабкаялся на сухой высоченный кедр и обмер, потому что на километре видимости со всех сторон хмурилась мне вовсе не знакомая тайга, а дальше все было серо и расплывчато. И еще раз ругнул я себя: «Тоже мне таежник! Ведь говорил же отец: «В незнакомой тайге, когда не видно солнца и нет далеких приметных ориентиров, заблудиться проще простого... Когда не имеешь карты и компаса, конечно. Поэтому крепко запоминай, куда и сколько идешь, а страны света определяй по деревьям и каменным глыбам: их северные склоны всегда замшле».

Ах, если бы сейчас взглянуть на схематическую карту этой местности, которую собственноручно вычертил мой все умеющий батя! По речной системе можно было бы легко сориентироваться. Во всяком случае не перевалить на водосбор соседней речки, утекающей в глубь тайги! Мой мудрый отец и по этому поводу говаривал: «Пойдешь в тайгу —хвати карту. Она в плотной пленке и сложена по размеру рубашеч-

ного кармана. И надень на руку компас. Никогда не помешает, но вполне может уберечь от гибели... Таежника не Бог бережет, а собственная предусмотрительность во всем. Даже в кажущихся мелочах». А однажды он задумчиво и тихо сказал, рассматривая свои прожитые дали: «О, как жестока бывает тайга, а с легкомысленными и просто неорганизованными и погибельной становится... Она красива лишь в несерьезных книгах да в кино... Она страшнее сельвы и джунглей».

Я знал, что из деревни шли мы на восток, потом же я не обращал на ориентирование ни малейшего внимания. Но хуже всего и совсем непростительно было то, что из-под липы я побежал, оказывается, в никуда, потому что и теперь не знал, на запад ли двинул, что было бы всего надежнее, или наоборот — на восток. А может, на север? Или юг?

Вспомнил и другие отцовские советы: «Коли заблудился — не мечись в разные стороны, лучше присядь, успокойся и крепко обдумай свое положение, припомни, куда и как долго шел и где мог оказаться. Да подумай о ночевке загодя, до темноты».

А дождь уже не шел, он сыпал затяжной мелкой моросью.

И стало быстро холодать...

И стало стремительно смеркаться...

И стало мне страшно...

А тут где-то рядом заревели, вероятно в драке за самку, медведи — как раз было время разгара медвежьего гона. Да ревели, треща кустами, все ближе и ближе... И я полез, подвесив ведерко на сучок, на развесистый дуб, там уселся в развилке могучего ствола. И горько пожалел себя: что делать-то на ночь глядя в этой медвежьей глухомани? Начал замерзать, трястись и клацать зубами, посинелые пальцы немели. И оказывалось на все сто процентов очевидным, что здесь мне и ночевать, а может быть, и погибать — огня ведь без спичек, да еще в такую мокроту, не разведешь, стало быть, не обсушишься и не согреешься.

И опять я будто бы увидел отца совсем рядом, и он спокойно говорил мне, словно намеренно успокаивая: «В критической ситуации никогда не паникуй, а лучше ищи тот спасительный шанс, нередко и единственный, который всегда в трудную минуту обозначается». Но где же он, тот шанс, теперь? Я стал торопливо и уже нервозно осматриваться вокруг и... прикипел жадными глазами к большой, неохватно толстой тополиной сухостоине, устало склонившейся и как бы зацепившейся полубломанной вершиной за могучую крону цветущего силой соседнего кедра, самоотверженно подставившего плечо погибшему спутнику по тайге давно, но притом до последних его дней стояния. И чернела на сухой стороне того тополя невысоко над землей черная дыра в дупло. Именно в таких дуплистых сухостоинах, давно знал я, любят устраивать берлоги уссурийские белогрудые медведи.

«Ах, была не была! — залихватски решил я, не обращая внимания на драчливое медвежье соседство. — Трус в карты не играет!» Проворно спустился с дуба и, не забыв о ведерке, ринулся к отжившему свой долгий век тополю. Прислонил к нему валежину и взобрался по ней, заглянул, пригляделся, одолевая темень... И о радость в беде! То была прекрасная медвежья берлога! Дождям недоступная! По внутренности ствола вся в мягких сухоньких гнилушках. Стало быть, за многие лета на дно их напало толстым слоем! Да, медведи-древотазы любят зимовать с комфортом и в безопасности. Чтоб дупло было сухим и теплым, без щелей и сквозняка. Чтоб ни тигр в него не забрался, ни бурый медведь.

...Через несколько минут в этом надежно прогретом за жаркое лето медвежьем убежище я разделся догола, выжал одежду и подвесил ее на просушку у лаза в него, трухую осушил и растер озбившее тело докрасна, потом зарылся в теплые гнилушки и окончательно согрелся... И с жадностью набросился на жимолость, которой оказалось в ведерке на четверть меньше собранного.

Радуюсь спасению, я все же сожалел о том, что из-за меня эту ночь многие проведут бессонно. Отцу наверняка позвонили в город, и он уже мчится в деревню на своей «Ниве», и мать скорее всего с ним. А черная темень вперемежку с дождем в свете фар обжигает их самыми мрачными предположениями: ночь, непогода, тигры и медведи... А вдруг сын опасно повредил ногу? Или иным образом серьезно поранился?.. Ведь наверняка оказался посреди неприветливой, даже враждебной ночи, без огня, хотя сколько раз говорилось ему и вновь повторялось: перед выходом в тайгу надень ремень с «сумкой выживания».

Отец так называл легкую кожаную сумку наподобие патронташа, в которой были карта-схема и компас, герметически укуренные термитные спички и таблетки сухого спирта, перевязочный пакет с йодом и марганцовкой, складной нож с надежным все же лезвием, моток капронового шнура и невесомый тент из сверхпрочной пленки... И были еще в той сумке мясные кубики, пакетики чая, плитка шоколада... И жилка с крючками для удочки...

Эту сумку выживания компоновал мой многоопытный отец сам, и регулярно он в ней что-то заменял, при случае поясняя мне, что там лежит до экстренного востребования и с каким предназначением.

Но теперь эта сумка невозмутимо покоилась в деревенском доме на спинке моей уютной кровати.

Всю ночь ровно шуршал дождь, шумели переполнившиеся водою ключи и кричали медведи. Всю ночь я ворочался в очень непривычной, мягко говоря, постели из гнилушек. И всю ночь давал зарок не считать себя впредь лю-

бимым сыном тайги, которого она не обижает, и обладателем таежного опыта, достаточного для спокойного в ней пребывания всегда и везде. И еще вспоминал отцовские наставления по части таежных охот и походов, да не только их. И лишь в эту ночь я сполна постигал мудрость отца, всю ночь звучали в моем воспаленном сознании неоднократно говоренные мне слова: «Только дурак и хвастун идет в тайгу, как в городской парк или в лесочек по грибы и ягоды».

Утром я не спешил покидать спасшую меня берлогу, потому что вся тайга была пропитана водою, а дождь все сыпал и сыпал, хотя облачность поднялась высоко. И был уже день, как невдалеке проревел вертолет, а вскоре вернулся и пролетел прямо надо мною. Увидел я его смутной тенью, но не трудно было догадаться, что меня уже ищут, надеясь на окончательное посветление в небе или на случай заметить дым костра. Потом где-то далеко сигнально выстрелили три раза, что означало выход в тайгу пеших спасателей. И я вылез на свет Божий, пристыдив себя: «Его уже и ищут, и наверняка с рассвета, а он ждет, чтоб прийти к нему с носилками».

Поел ягоды, повесил ведро на видное место и заспешил по направлению выстрелов. Наткнулся на хорошо натопленную зверовую тропу в полсклона вдоль ключа и помчался по ней, иногда останавливаясь и аукая во всю силу голосовых связок.

И так вот бежал и кричал уже часа

ревях, что они желто светились даже в мокре, но не станешь ведь есть их сырыми. Набрел на рыбачий шалаш у глубокого омута под скальным прижимом, обшарил его и ничего не нашел, кроме пузырька с солью, пустого спичечного коробка и шести увесистых картошин. Но полежал все же на сухой коре под навесом, мечтая: была бы та сумка выживания на поясе, наловил бы рыбы, развел огонь и сварил уху в консервной банке... И накопил бы шашлыков из хариусов. И ждал бы здесь своих спасателей.

Но та сумка была далеко-далеко...

А вполне могла бы быть на поясе...

С нею я еще вчера был бы в деревне...

Нашел сравнительно чистый лист оберточной бумаги и нацарапал на ней углем: «Был днем. Ушел вниз по ключу этой тропой. Мишка». Потом положил в карманы картошку, коробок и соль и решительно встал. А пошел от шалаша той тропой, заламывая склонившиеся над нею ветки и старательно печатая следы на раскисшей земле, чтоб скорее наткнулись на эти свежайшие знаки те, кто искал меня, и уверенно догнали.

А тропа тянулась то по одному «борту» клочотавшего бешеной водой ключа, то по другому, переходить его приходилось с шестом, чтоб не повалило и не унесло. Низкие «забоки» были затоплены, и я шлепал по ним в воде выше колен, а выбираясь на «сухое», подол-гу искал продолжение тропы. Психовал, злился, проклинал стихию и

тайгу. А более всего себя самого, так позорно опростоволосившегося, что заблудился чуть ли не в трех соснах. Такое случилось со мною впервые.

Весь день было пасмурно. Весь день летал вертолет. Весь день стреляли в далах то в одной стороне, то в другой, а может быть, мне так казалось. Спасение ко мне заколдованно не пришло, хотя я кричал во все горло. К вечеру я вконец изнервничался, устал и проголодался, как еще никогда за пятнадцать прожитых лет. Согреться в мокрой одежде мог только энергичной ходьбой.

И я бежал, бежал... Неожиданно тайга расступилась, ключ стал шире и спокойнее. И в густеющих сумерках увидел я старое охотничье зимовье на берегу уже не ключа, а настоящей речки. От времени черное и кряжистое, но такое красивое и приветливое.

Как, впрочем, все таежные строения.

Я тут же заликовал, решив, что пришло наконец ко мне спасение, потому что должны же быть в этой избушке и спички, и сухие дрова, и продукты. Даже кое-какая постель! Как было, по рассказам отца и деда, встарь. В голове радостно летали веселые мысли: здесь и окопаюсь, разведу огромный дымный костер и стану ждать спасателей по тропе или с неба. Завтра, судя по посветлению и усиливающемуся ветру, разяснится, с вертолета дым заметят и за сто километров и присядут вон на той площадке, специально для этих винтокрылов расчищенной промысловым людом.

Но первое, что бросилось в мое возбужденное сознание при вступлении на порог зимовья, — это вонь, беспорядок во всем и умышленное разорение. Судя по рыбьим костям в грязных посудинах, здесь после выхода охотника — хозяина зимовья — весною и летом часто бывали рыбаки браконьер широкого размаха. Об этом недвусмысленно свидетельствовали поплавки и грузила с сеток, деревянная бочка для посолоа рыбы, коптильня в косягогор, множество набитых на южной стене хаты гвоздей, на которых подвешивали для провяливания усоленную рыбу. А в жиле был трам-тарарам: все разбросано, мусора по колена, разбитое окно, изрубленные на растопку печки подоконники и настенные полки.

Я отмечал это краем сознания, потому что в совсем навалившейся вечерней темени лихорадочно искал спички и что-нибудь съедобное. Но ни того ни другого здесь не оказывалось. Опустился на колени и обшарил каждый квадратный сантиметр, надеясь, что, может, завалится ненароком спасительный для меня коробок. Запускал ладони за печку и за уцелевшие обломки полка, долго ощущывал пол под столом и нарами. Было полно окурков и обгорелых спичек, и пустые коробки тут и там валялись, а зажечь огонек возможности не оказывалось. Крупной соли было полно, да сахару ни крошечки. И ни крупы, ни сухарей, ни заплесневелой краяхи хлеба.

два, как снова пророкотал вертолет, да столь низко надо мною, что заметил я его промелькнувшее в небе брюхо... Присел под елкой и обронил несколько слезинок, отчаянно жалеючи себя и моих поисковиков. А в те минуты глухо прогремели три выстрела примерно в том месте, где я ночевал и где повесил ведро.

Что мне оставалось делать? А ничего определенного в голове не возникло. Сильно хотелось есть, ягоды не попадались. Было так много грибов ильмаков на отживших свой срок де-

Присел я на нары и горестно подумал: куда же ушла та русская таежная старина со своими строгими законами, когда святым долгом каждого таежника было оставить в избе, уходя, спички и сухие дрова, долго не портящиеся продукты и посуду для забредшего по какому-нибудь опасному стечению обстоятельств бедолаги... Когда за порчу зимовья и воровство следовало суровое наказание.

В те горестные минуты я впервые в жизни заскрежетал зубами, и именно от нервного напряжения и злости.

Но надо было ради выживания ночевать, утро вечера в моем положении должно было быть особенно мудренее. И я стал готовиться ко сну. Сгреб на нары всё тряпье, оказались в нем полуистлевшие ватные штаны и еще более древняя охотничья куртка из солдатского сукна. Я облачился в них, выжал и развесил свою одежду на просушку, закрыл окно чем попало, прихлопнул дверь, зарылся в ворох затхлого тряпья и не заснул, а провалился в небытие.

А открыл глаза на рассвете. Тоненькие лучики солнечного света пробивались сквозь щели, и были они такие яркие и нежные, что хотелось их потрогать. В первом порыве я загорелся было желанием сейчас же возобновить поиски спичек. Именно спичек! И найти хотя бы одну!

Но попытка встать отозвалась болью во всем теле. Я настороженно прислушался к себе... Засек учащенное дыхание и высокой пульс... И жар в груди, испарину на теле... И понял, что заболел.

Ах, если б в той кожаной сумке выживания был бы еще и тетрациклин с парацетамолом! И всякий раз она оказывалась бы на поясе, как только вступал под своды тайги! И как же действительно все мы богаты задним умом! Знать бы, где упасть, чтоб соломки подложить. А голова на плечах или чего? Неужели много ума нужно для того, чтобы, подобно хорошему шахматисту, просчитать как можно больше ходов вперед в сражении с Его Величеством Случаем? Или с Судьбой?

Но что же заниматься самообихиванием, если занимался черед бороться за жизнь по совсем серьезному счету! Не сказать бы, что я снова испугался, нет. Но превозмогая боль, я решительно встал, распахнул двери во всю ширь, раскупорил окно и принялся ползать по высвеченному солнцем полу в поисках спичек, особенно старательно обследуя щели в нем. И я их нашел! Под столом! Да сразу две! С не сожженной «серой»! Та-ак... Добро...

Теперь их надо было зачехлить наверняка. Ну, это было проще: надрал тоненьких полосок березовой коры, уложил их в картонную коробку, а сверху накапал из лампы керосина. Выбрал коробок поцелее, потом наложил в печку сухих дров... И осторожно, затаив дыхание, чиркнул раз, и тут же посмелее. И вот уже занялась огнем моя коробочка, и я сунул ее под дро-

ва. И от радости, собрав воедино всю силу, заорал во дворе так истошно-радостно, что откликнулся на мой крик испуганным взлаем изобр в одной стороне, а козел в другой.

На этой радости я забыл о болезни и совсем не считал себя для мира потерянным. Я загорелся делами! Перво-наперво до блеска вычистил кастрюлю попримичнее и поставил ее с чистой водой на огонь, соображая, что бы сварить. Бережно осмотрел те шесть картошин, три из них помыл и опустил в котелок. Но тут же вспомнил, что нужно срочно развести сигнальный костер подычнее, стал собирать для него смолистые сучья и прочий дровяной хлам, приволок несколько лишь начавших гнить валежин. А через полчаса костер уже дымил, набирая силу. Я же словно бы перевоплотился в дикаря, и снова прыгал вокруг огня, и натужно орал, поглядывая в небо и прислушиваясь к надсолпочным далям.

Расшищая вертолетную площадку, я нашел прислоненную к дереву острогу с мощным трезубцем и хорошо заточенную пешню. А поскольку вокруг зимовья и вдоль речки было много медвежьих следов разной давности, в том числе и свежайших, я принес свою находку к избе, решив, что на безоружье и это оружие.

Но надежды на скорое спасение оказались преждевременными. Пока я собирал дрова для печки и костра, неожиданно нагрянула новая гроза, и грел гром со всех сторон столь яростно, так зловеще кувыркался он в небе, и таким густым «вырос» березовый лес молний, что стало мне ясно: вертолетам утром подаваться в небо на поиски затерявшегося парня диспетчерская служба не разрешит.

А отец мой и мать, знал я, вторые сутки сходили с ума от горя.

Да, во мне была простудная температура и слабость, но я твердо решил не сдаваться. Огонь есть — не пропаду. Питаться чем? Но ведь рыба рядом в речке и соли в полном достатке. Крючки и леска? А вон сколько брошено на берегу и у избы запутанных закидушек. И грибов можно насобирать, ягод поискать. А тем временем погода установится и меня обязательно найдут.

О-бя-за-тель-но!!

Но съел сварившуюся картошку и, потеряв силы, усталю прилег. Вспомнил отцовское: «При простуде жарь у печки ступни ног, грудь и спину сколь можешь терпеть». И я грел их, грел, пока не сделалось мне дурно. Дополз до нар и мертвецки уснул, равнодушно внима неистовому грохоту разбушевавшейся стихии прямо над крышей приютившего меня зимовья.

Может, стихия что-то хотела мне этим сказать?

И снилось мне, что я охотился с отцом сначала на кабанов, потом на медведей, и мы подолгу беседовали на самые разные темы то у костра, то лежа на нарах таежных зимовий и баз, как не раз бывало. Я больше слушал и

удивлялся его опыту и знаниям, и мне хотелось, повзрослев, стать именно таким, как он, и никаким другим.

Сколько спал — не знаю, ведь счет времени без солнца терялся. Гроза прошла. Проснулся с некоторой силой и кое-какой бодростью, вообразил себя Робинзоном и решил заняться спасительными делами. Подновил огонь в печке и костре, ежeminутно сожалея об отсутствии топора и пилы, даже захудалого ножика. Но некоторое подобие ножу я все-таки сотворил из полосы обрубного железа, и даже остро его наточил на гальке, а место рукоятки плотно обмотал куском полуистлевшего брезента.

Рыбаком я был зайдлым и умелым еще с пацаньячего возраста, сделать несколько закидушек, насобирать жирных личинок и накопать дождевых червей мне ничего не стоило. И уже через два часа я ел настоящую уху, потом шашлыки из ленков и хариусов, сожалея всего лишь об отсутствии хлеба, чая и сахара.

Я все время прислушивался к звукам с неба. Огромные лайнеры базили там и рокотали, рев истребителей врвался в уши и исчезал, но характерного вертолетного воя не было.

А еще я постоянно внимательно осматривал кусты вдоль берега ежeminутно ожидая появления медведя. Конечно же, наведывались они сюда постоянно, привлеченные головокружительным для них запахом рыбьих потрохов и обьедков. Быть может, не только рыбьих — вон сколько еще не заржавевших консервных банок неряшливо разбросано повсюду, в том числе из-под тушенки и сгущенки. Да и еще совсем белые медвежьи кости и тут виднелись и там.

И все же я оплошал. Увлёкся хорошо клевавшей рыбой, радовался доброму улову, готовил посуду под посол рыбы, на завтра планировал раскопечгарить копильню. Старательно выправил смятую определенно медведем алюминиевую сковородку и вычистил до белого блеска, готовясь заполнить ее рыбным ливером и аккуратно собранным с брешков жиром.

И вдруг ударил мне в нос странный и тяжкий дух. Пружиной развернувшись, я увидел огромного мокрого медведя в нескольких от себя шагах. Он меня внимательно и бесцеремонно разглядывал, однако больше всего принохивался к рыбе.

Удовлетворившись тем, что парализовал меня испугом, медведь принялся спокойно пожирать мой улов. Во мне же страх стал быстро замещаться злостью. И опять вспомнилась отцовская «информация для размышления» — как любил он именовать передачу своего опыта. Он как-то сказал: «Всякий зверь отлично и безошибочно чувствует и страх в человеке, и безбоязненность. Особенно башковитые медведи. Испугавшегося всерьез не принимают, действуют нагло, хотя сами в сущности трусливы и способны так пугаться, что вылетает из-под хво-

ста зловонная струя, как вода из пожарного брандсбойта. Сам видел...»

В те критические минуты я сорвался впервые в жизни. Потом я долго буду вспоминать, как все было, и вспомню, наконец, все, но до сих пор не пойму, почему сорвался. Иногда мне кажется, что кто-то мною решительно управлял короткими и четкими командами. Скорее всего я оказался во власти своего подкоркового сознания или инстинкта самосохранения. Не знаю. Но со временем должен узнать определенно.

А было так.

Видя нагло лопающего мою жизненно-спасительную, почищенную и промытую рыбу, я, точнее сказать, не сорвался, а взорвался. Взорвался вдруг, но решительно. Да так сильно взорвался, что исчезли страх и благоразумие, а вместо них до неба польхнула безграничная ярость и жажда наказания наглеца. С озверелым криком и ревом я схватил острогу и со всей силой всадил ее трезубец в грудь закоренелого таежного гангстера, да всадил под левую лопатку, стремясь ударить вражину в самое сердце. А тот от неожиданности, страха и боли взревел посильнее меня, цапая пастью болтающееся древко моего негоданно убойного оружия, стараясь выдернуть из тела глубоко засевшее там и зазубринами зацепившееся железо.

Рана причиняла ему, конечно же, сильную боль, и он закатался по земле таким ревушим огромным бурым клубом, на миг забыв обо мне. Но знал я повадки медведей: забыл обидчика всего лишь на миг. И в то же мгновение схватил тяжелую пешню и ударил острием ее длинного увесистого штыка в основание шеи...

А отец откуда-то из близи решительно и твердо вещал мне: «Рукопашная схватка с уссурийским «буряком» заканчивается по принципу кто кого!»

Медведь после второго моего удара вдруг обессиленно стих... Вытянулся на спине... И как бы стал засыпать, недоуменно, но пристально глядя на меня злыми глазами и немо взревая: повезло же, мол, тебе, двуногая шмакозьявка!..

А через несколько минут, когда я пришел в себя и осмыслил случившееся, мне стало дурно. Меня затрясло и заколотило... Навалилась неодолимая слабость... И затолкала она меня в избу. Потом мое нутро стала выворачивать рвота... А когда оттуда все было выполощено, обронил я себя на нары и заплакал в голос, и плакал с такой обидой и отчаянием, да так долго, как не бывало и в детстве, хотя с малолетства знакомы мне несправедливость и глубокие обиды, от которых не всегда могли уберечь родители.

Но сил для столь отчаянного плача надолго не хватило, и я впал в странное забытие. Я лежал безжизненным пластом, все видел и понимал, однако не мог пошевелиться. А в сознании поразительно четко вырисовывался отец. С хозяином деревенской избы, где я считался своим много лет, он

быстро шел от вчера найденного мною шалаша, не теряя из виду мои следы на тропе и заломленные верхинки с одной стороны и с другой, и говорил своему другу: «Он не может пройти то зимовье не замеченным и никуда не уйдет из него... там будет ждать... Господи, за что же такие испытания!»

Я уже прикидывал, что часа через три-четыре быстрой ходьбы они будут здесь. А совсем уверовав, что так оно и будет, что не может случиться иное, я на предпоследнем дыхании дополз до почти погасшей печки и затолкал в нее два полусухих чурбака, а с трудом взобравшись на нары, провалился в черное ничто.

Сознание вернулось ко мне через сутки — в больнице районного центра. Зареванная мать сидела рядом и почерневший от горя отец, врач, медсестра и еще кто-то. Я им слабо улыбнулся и пролепетал едва слышно: «Мишка, Мишка... Вот моя улыбка... Только без задора... Без огня...» И все взрослые, услышав это, заплакали. Даже отец, много раз видевший гибель свою в упор.

Воспаление легких врачи изгнали из меня за неделю, а вот с последствиями нервного потрясения повозиться пришлось подольше. Однако через месяц я был совершенно здоров. А повзрослев за двое суток долгих тяжелых блужданий и последующий месяц выздоровления, набрался опыта, вполне достаточного для того, чтоб не только сам я, но и отец, и друзья признали меня бывалым таежником.

А в душе я тайком уже обдумываю содержание собственноручно напи-

санной книги, которую назову так: «Наука выживания в тайге». Но честно признаться, чем больше я размышляю об этой книге, тем сильнее проявляется нехватка материала и чаще вспоминаются отцовские слова о том, что таежного опыта никогда не бывает чересчур много. Как не бывает слишком много здоровья, правды и чести.

А без кожаной сумки на поясе или в рюкзаке в тайгу перья я не хожу. Вместе с отцом мы ее утяжелили граммов на двести за счет самых необходимых и эффективных лекарств, и теперь нам в тайге даже заболеть или пораниться не страшно.

Спасибо за терпеливое чтение. Только не подумайте, что все это мною написано... Впрочем суть рассказа во всех его подробностях изложил я сам, но сделал его пригодным для печати старинный друг моего отца. Он тоже охотовед, но охотовед писучий. Я все чаще ловлю себя на затаенной мысли стать таким же. Чтоб задуманную книгу не только «положить на бумагу», но и сделать ее пригодной для печати самому. Чтоб оставить после себя свет, след и память.

Чтоб жизнь прожить не зря. И не только для себя. Как и мой отец, неустанно рассаживающий молодые кедровки на вырубленных и выжженных современными варварами сопках Сихотэ-Алиня, во времена моего деда покрытых знаменитой уссурийской тайгой. Богатой и красивой, хотя суровой и в определенных обстоятельствах беспощадной.

Рисунки Б. Игнатова

Желто-красно-голубым сентябрьским днем мы высадились в лагуне с коряжским названием Малова-ям, где, благодаря моим долгим препирательствам с природоохранными бюрократами, был создан заказник по охране самого вкусного из мелких гусей — черной казарки. Попутно вспомнил о причине неприязни ко мне местных охотников, которых этот заказник лишил возможности колотить многочисленные стаи канадского гуся, останавливающегося здесь на пролете. По своей насыщенности обитателями, временными и постоянными, это место было не сравнимо ни с чем видимым мной до этого. Гигантская лагуна, заполненная морской водой, при ее отливе превращалась в поля водорослей и ила с узким фарватером речки, на всем обозримом пространстве заполненным кормящимися обитателями, пернатыми всех видов и размеров, медведями, выковыривающими моллюсков из ила, и дикими северными оленями, копытающими выбросы водорослей. Большой дом с настоящей печкой венчал этот поистине райский уголок.

Как и положено свыше, уголок был окружен плотным кольцом чертей, куда входили мои коллеги охотники-промысловики, близлежащий военный гарнизон, летние бригады рыбаков и сенокосчиков. Сторож заброшенной метеостанции по замашкам и объему творимого вполне мог возглавить это адское сборище. Мы же с Тимом (ирландским сеттером) в преддверии длинной зимы засыпали бочки брусничкой и клюквой, засахаривали гигантский шиповник, солили рыбу и ставили рябиновое вино. Тим деловито сидел на крыльце, иногда с лаем срываясь к кустам шиповника, плотно опоясывавшим берег, который со стороны тундры обирали совершенно добродушные местные медведи. В октябре с ненастьем пошли бесконечные эшелоны пролетных гусей, поднимая в душе непонятное беспокойство: почему так хочется сорваться, улететь, не сродни ли наша тяга к передвижению простой птичьей необходимостью? Зима пришла двухнедельной пургой, после которой мы вышли из дома в новый мир, где только на горизонте чернела полоса незамерзшего моря. Время идти на пушной промысел, который выглядел многокилометровой лыжней, уставленной разной величины капканами. Сложность была с дружкой, у которого было только два пути: или сидеть дома, или ходить со мною по лыжне, но при полном равнодушии к приманке на капканах, в чем я очень сомневался. Риск был большой: двухпрудный капкан на россомаху и выдру мог спокойно перерубить псу лапу, тем более что приманка из нерпы, зайца и куропатки совпала с его основной едой. Спокойное увещание: «Нельзя,

Сеттер Тим

Дружок

нельзя» с поставленным невдалеке от дома капканом было сделано, но нужна была наглядночувственная агитация, хотя болевой опыт уже был, когда еще осенью мы были на метеостанции и Тим прямо у дома влетел в поставленный капкан. Уклончивый ответ о замучивших крысах меня не убедил, позже я понял, что отлов всего живого ведется круглогодично.

Времени для свободной беготни у пса почти не осталось, следующая пурга делает снег для него непроходимым, уже сейчас, поскакав вокруг, он возвращался на лыжню и лихорадочно выгрызал снег, налипший на длинный жесткий волос между когтей.

Все живое вокруг находилось в пике активности в ожидании снега и холодов, беспорядочно без троп носились зайцы, глухари успевали наглотаться мелких камней под корнями вывороченных деревьев, белые куропатки ощипывали ерник в поймах ручьев. С полной луной пришли морозы. В большом доме я выгородил только кухню для сохранения тепла, и теперь вся жизнь вращалась вокруг печки. На крыше у трубы соорудил маленькое сиденье и, прижавшись спиной к теп-

лу, несколько светлых ночей наблюдал подлунную жизнь. Первой показывалась красная лисица, по-местному огневка. Она того стоила, с чуть бордовым седлом, черными передками лап до колен и белым кончиком хвоста. Позже, когда несколько десятков шкур висело в холодной комнате, одна заезжая офицерская жена, неожиданно открыв дверь, при виде их явно ослабела в коленках и прислонилась к дверному косяку. Ранняя зимняя лисица была особенно ярка цветом, постепенно теряя его по мере выростания меха. Мой сеттер, также называвшийся красным, таковым отнюдь не был — скорее ярко-коричневым. Лисица деловито семеняла по беговой кромке, замирала, почуяв мышь, комично подпрыгивала на четырех прямых лапах и неуклонно приближалась к капкану на мысу, хотя я точно знал, что кроме прерывательной метки ничего не получу, но видимость процесса уже была наградой, поскольку с объектами лова мы общались умозрительно, распутывая ходы друг друга по следам и запахам. Лунная ночь приводила в какое-то проникновенное состояние, растворяла в тишине, умирала тревоги и невзгоды,

фальшь человеческих отношений уже не трогала, позволяя им быть просто частью окружающего. Я все тянул время, не спеша в керосиновое от горячей лампы нутро нашей берлоги, пошел на мыс и получил достойное завершение ночного чуда — и без того закурживевшаяся от мороза на удивление прямая каменная безега была увешана белыми шарами спящих куропаток с караульным на вершине. Я замер, пытаюсь внутренне расслабиться и не посылаю им сигнала тревоги. Наверное, никогда больше я не был так близок к человеческому прасостоянию и все гадал, как понимать этот звонок отсюда.

Зима и морозы сгладили окружающий пейзаж, сделав его неузнаваемым. Черная глыба дома стала маяком в море белизны, но доступным всем ветрам. Все пресные ручейки вокруг исчезли, и мне приходилось таскать глыбы льда с другой стороны лагуны, снежная вода не утоляла жажды. Поредевшее вокруг звериное сообщество стало умнее, и мы решили перебраться поближе в лес в построенную неизвестным умельцем шестигранную избушку. Весь припас пришлось тащить на себе под вой начавшейся после обеда пурги. Вдалеке от приморского изобилия Тиму предстояло сесть на куропаточную диету, самый доступный вокруг продукт, добываемый очень просто: на речке на высоте вытянутой руки растягивалась сеть от берега до берега, а утром выплывались замерзшие птицы. Пока же, вывесив все рыбно-мясное на гвоздь снаружи, я выкуривал и выметал колонию толстенных рыжих полевков, поселившихся в доме. Уют в любом пристанище достигается просто: свет и свист кипящего чайника. Несмотря на пургу, дружок постоянно выскакивал наружу — понятно, новое место, свои интересы. Ночь прошла под завывания стихии и мышиную возню. Позднее пробуждение было вознаграждено послепурговым душевным подъемом и чудной погодой, и венчать все должен отличный завтрак. Выйдя наружу, я долго оценивал местность и повернулся ко входу... мешка с продуктами не было.

Еще в молодости, начитавшись Фенимора Купера, я пытался подражать невозмутимости его персонажей. Однажды мне это удалось, подарив надежду на изменение шибутного характера. Когда я сидел в московском ресторане с другом («расплата» за бесплатный проезд в Москву — он был stewardом на ТУ), у официанта грохнулся поднос, и я был в числе немногих иностранцев, не выпучивших глаза и не раскрывших рот на происшествие. Здесь воспоминания и бродячий опыт сработали мгновенно. Гвоздь обломан, скорей всего, под тяжестью мешка и ветра — что упало, то... пес не заморен, всего не сожрет, значит, часть спрятал, нужно очень тонко хитрить, он достаточно добродушен, как все благородные. Вошел, но пес не

вылез из-под нар, где я ему устроил логово из драных оленьих шкур, — плохой знак. Как ни в чем не бывало пью пустой чай. Через некоторое время он вылез, сделал две свои классические растяжки — взад и вперед — походил и попросился наружу. Я не прикрыл дверь, для лучшего обзора. Так он долго стоял, лихо задрал ногу, и достаточно наивно затрусил к ближайшему захоронению. Когда выгребание снега подходило к концу, я, стараясь не обидеть пса, зайдя сзади, спокойно, но твердо выудил у него из-под носа палку оленьей колбасы. Он проводил меня до дверей, вода носом вслед морозно-колбасному аромату. На сей раз я оставил совсем небольшую щель в двери, хорошо маскируемую волосом оленьей шкуры, которой она была обита. Пес скрылся из виду, показушно проверяя свежие заячьи набег, но я точно знал, что заначки далеко от дома не закапываются. Скрип снега, пес вернулся и опять сел, резко, со взмахом ушей оборачивая голову к дому. Мы всеплохо знали друга друга, но хитрили всегда на предсказуемом уровне. У меня ныла душа от потери такого яркого дня, но необходимость выжидать была так же очевидна, как и принципиальна. Следующим на свет Божий выплыл пакет с маслом, вкусно зажелтев на снегу. Последними среди потерь числились nejнейшая чавычевая теша, вызвавшая приток слюны и слабозлобный отзвук в душе, и еще одна палка колбасы, которую я был готов простить барбосу, не сомневаясь в его выборе. Рыба стоила мне более часа ожидания, имитирования ухода и возвращения, наблюдения в бинокль за рванушим вперед псом и по большому кругу опять завернувшим к избе, — я держал палец на курке, видя, как он снова начал рыть, надеясь выстрелом отвлечь соратника от завершения нашего поединка в его пользу. При выстреле он боком отскочил от ямы и пустился наутек, видимо, допуская высшую меру справедливости в решении нашего спора. Что ж, 3:1, удовлетворение от хорошо сыгранной партии, полдня в запасе; я двинулся к лесистой пойме речки, давая возможность дружку доест, если он не сделал этого раньше, или перепрятать колбасу и позже присоединиться ко мне.

Конец декабря злился пургами, то сравнивая все снегом, то опять сдувая его, обнажая на образовавшемся уже насте старые лыжные и звериные следы. Пора было возвращаться в обжитой дом, а отсюда и посетит людей на новогодние праздники. Знакомый тридцатикилометровый путь был рассчитан на то, чтобы к сумеркам показался черный маячок дома в конце лагуны, предвещающая долгожданное тепло и отдых. Редкие снежинки и ветер с гор, по привычке отмечаю — в левую щеку, если вдруг морозным туманом закроет обзор. Иду налегке, только толстый верблюжий свитер да белая

полотняная камлейка-маскхалат, от испарений ставшая как панцирь и прекрасно защищающая от ветра. Спину греет рюкзак с пушиной и легкий припас. Тим привычно бежит сзади по лыжне, ненадолго отвлекаясь на свежие следы и выгрызание снега на лапах. На выходе из поймы на тундру ветер и снег усилились и видимость сократилась до ближайших сопков. Старый лыжный след сравняло, и отголовок тревоги заставил быстрее двигать лыжами, но опыт подсказывал — мы вляпались в пургу. Тревога как бы делит надвое: часть видит опасность и перекрывает клапаны страха, остальное зудит — ну зачем, не надо, и так живешь, как пружина, дальше некуда сжиматься, — но капюшон на голову, и напряженный мозг улавливает ключья черноты сквозь белую стену, и левую щеку по-прежнему холодит вьюга. Заметно потеплело, снег стал гуще, и лыжи ощутили тяжесть его влаги. Я уже чувствовал, что иду наобум, ветер мог привести или к горам, или к океану. Компас, бесполезно провалявшийся в рюкзаке ползими, сейчас в доме на полке с насмешкой указывал направление к туалету. Сознание четко реагировало на каждое усилие лыж вверх — я боялся уйти по тягучим распадам в горы, в чахлах каменных березняках не разведешь даже костра. Иногда я забывал, что не один, и, оглянувшись, видел плетущегося с залепленной мокрой снегом подпую пса с выступившей худобой на мокром теле и поджатый хвостом. В сказки о собаках-выручалках я давно не верил, оставив их на совести классиков. Попытался раз толкнуть Тима вперед, кликушествуя: «Домой, ищи», чем привел его в испуг и недоумение. Сохранившиеся еще силы допускали вопрос: что бы он делал, если бы я слег? Вспоминались прошлые пурги, когда в отчаянии пытался зарываться в снег и даже в две бочки, сознавая, что готовлю себе гроб, и только след от моего выстрела на одной из этих бочек неделей раньше указал недолгий путь к укрытию.

Сумерки не принесли яности, где мы, но и не принесли отчаяния, хотя впереди была чертова дюжина часов до серого света. Остановившись было нельзя, мокрый свитер мгновенно холодил, и казалось, что только толстый брезент рюкзака отделяет меня от непоправимого. О еде не думалось, влаги с сосулек на бороде хватало. Мысль о том, что нужно снимать мокрые рукавицы, рюкзак, искать зажигалку, сухое дерево на ощупь, была невыносима, и мы брели. Иногда, опираясь на палку, я отдыхал, сразу боком к ногам притулялся мокрый Тим со своей знакомой волнообразной дрожью, я любил его еще больше и не сомневаюсь, что это помогло мне в ту страшную ночь. Слепая ходьба то опрокидывала, слава Богу, в замерзший ручей, то передвигала на ощупь вдоль стены ольхового стланика, сковывая голову кольцом ужаса перед чем-то неясно блес-

нущим. К рассвету я, как казалось, отупел, усталость тела победила тревогу разума, который вскользь отметил, что прошли сутки ходьбы. Пурга не утихла, и сквозь разрывы пелены показался незнакомый крупный березняк, заманивавший быстрогорящей корой, но я знал, что от костра не встану, и сразу очередным капканом подкрался голод, нет сил снять рюкзак — больше был страх надевать его остывшим и обледеневшим. Холодеющая выюга отнимала последние силы, но, может быть, это ветер с океана, и точно — скоро лыжи забрякали по начинающимся ледяным торосам. По берегу может быть только два пути — к дому и от него, но не было солнца и не было уже деревьев, по которым даже на ощупь можно определить шершавую северную сторону; и почему мое немеющее сознание не сделало этого раньше? Ходьба по берегу была сущим адом, глыбы торосов глубоко уходили на берег, и наконец я понял, что мы вышли на открытую океанскую сторону, — но как далеко от лагуны, только солнце помогло бы определиться. Беспомощно оглядываюсь, и, Боже, где Тим? Полуторасуточная тревога запаниковала. По видимой еще лыжне рванул назад, рассчитывая найти оборванную цепочку следов. Он провалился в береговое пустолестье, запорошенное снегом, совсем рядом с лыжней. Лежа я не доставал до его царапавших лед лап с полметра, веревок, кроме ремня с карабина, не было, да и тот только елозил по его шерсти, начисто отвергая басни о собачьей сообразительности, — нет чтобы поиграть, как в детстве, в перетяжку, схватив конец зубами. Зло, досада, липкий страх — что делать? Решил таскать обломки льдин, сбрасывать с края, чтобы создать хоть какой-то уступ снизу, затем опустил лыжу с уклоном, оперся на положенную поперек трещины вторую лыжу и через несколько попыток, разговаривая с псом, уловив момент, когда он вытянул лапы по склону лыжи, выволок его наружу. Эти манипуляции, забрав последние силы, на время отвлекли от настоящей беды — где мы, куда идти? Пурги всегда начинались с востока, и мы побрели навстречу ветру с единственной надеждой — понять, где мы. О предстоящей ночи я не думал — день мог перейти в вечность. Каждая точка на танцующем от пурги горизонте отвлекала от монотонности ходьбы, затем воплощалась в реальный камень или корягу, отняв надежду, и снова глаз искал что-нибудь на унылом береговом склоне. Еще одна неприятность была не за горами, вернее, перед ними: берег на океанской части не мог долго тянуться полого и скальный не пропуск заставил бы ползти по снежному склону вверх, но — какое там! — уже вздрагивали и подкашивались колени, колом стояла поясница, на коленях расплзлись обожженные сушкой ритеузы, и мокрое сукно брюк разди-

рало кожу при каждом шаге. Может, кончить все к черту, пристрелить собаку и себя, ведь если сейчас сладко уснуть и замерзнуть, пес не выживет, но ведь надо садиться и разуваться, чтобы достать пальцем до курка, а необходимость высовывать мокрую ногу на мороз была еще невыносимее, — надо ползти хотя бы до темноты. Растущая точка на горизонте начала приоткрываться к худшему — скала; обречённо смотрю только под ноги, теребля память на что-нибудь отвлекающее — смеющееся луковое личико младшей дочки всегда действовало безотказно, — и почти упираюсь в старый деревянный кунгас с торчащим вверх символом жизни — железной трубой, спасибо, родная (и трубе тоже). Отслуживший свое деревянный бот был приспособлен рыбаками для временного летнего жилья. И я узнал это место: мы ползли к неприступным кекурам мыса Озерного, и чтобы добраться домой, нужно забираться вверх и обходить одноименный полуостров,

Лондону, и безволосые шпичи таскали нарты на Аляске. Но это литература — жизнь всегда проще и суровее одновременно. Приблизился Новый год, время, когда все лесные заморочки отступают и хочется к людям, болтовне и белой скатерти и чего-нибудь мелко нарезанного в чистой, красивой посуде. Двухдневный лыжный переход меня не прельщал, и я ждал соседа, обещавшего заехать на снегоходе. Но ни 30-го, ни 31-го он не заехал, и мы начали готовиться праздновать сами, что выразилось в нагревании на печке батареек от сдохшего приемника, — чтобы узнать точное время, — чистке лампы и приговору жаркого из зайца, хотя видение заправленного сметаной салата «оливье» вызвало мелкое раздражение. Моя необычная суета зацепила и Тима, и он принял в ней участие мотанием из дома наружу, за что получил несколько пинков. Приемник, прохрипев что-то, сдох окончательно. И в явно не самое лучшее время, почему-то с криком

Сеттер Тим и автор. Долина р. Камчатки, вулкан Вилученский

но это уже неважно, — за дверью тепло и отдых. От этого меня отделяла плотная стена прессованного снега, набившегося через разошедшиеся борты. Вырезаю ножом куски снега, выгребая лыжей по направлению к трубе, остервенело разбиваю какой-то самодельный стул, строгаю лучину, одеревенелыми пальцами чиркаю зажигалкой в еще толком не откопанной печке, подкатываю какую-то чурку и уже в полусне прижимаюсь к теплющему железу печки. Дрожащий, волглый Тим также гнездится между моей мокрой штаниной и печкой...

Та пурга нас сблизила еще больше, хотя часто мелькала мысль, что я затщил элегантного аристократа в малоподходящие условия, поставив его в зависимость от меня, хотя, по Джеку

«ура», схватив карабин, я ринулся к двери, чтобы бухнуть в сияющие морозные галактики. Но ломанувшийся в дверь одновременно со мной Тим, принявший весь этот гам на свой счет, поджав хвост, скрылся во тьме, и я долго в тускло мерцающую мглу посылал ему уверения в своей любви и преданности и в том, что ближе его у меня на этом свете никого нет, что так и было.

Сосед все же заехал, но налегке, и я решил не насиловать пса дальней гонкой за «Бураном», а оставить дома, рассчитывая вернуться как можно скорее. Мороженная нерпятина и таз со снегом должны были скрасить ему недолгое одиночество. Но, как обычно, сосед запил, переход на лыжах с неподъемным рюкзаком был не по силам,

и видение одинокого пса в запертой избе совершенно испортило мне долгожданное общение с себе подобными. Лишь на седьмой день, взгромодив пьяного соседа сзади на снегоход, сокращая все петли дороги, я ринулся обратно. Выпавший снег, сгладивший следы нашего пребывания в доме, сделал его каким-то грустно одиноким, особенно с подпертой колом дверью. С какими-то бессмысленными причитаниями я лягул кол от дверей, отворил их — и мимо меня пронесся рыжий вихрь. Мясо было съедено, снег вылизан, но в доме ни одной кашки, я даже заглянул в Тимкино логово под кровать — браво, сеттер, ты заставляешь меня задуматься, кто из нас более высоко организован.

Ближе к весне по установившемуся насту потянулись гости. Один высокопоставленный военный из ближайшего гарнизона, видимо прослышав о необычном охотнике и его собаке, попросил поохотиться с Тимкой, и я с удовольствием отправил пса поразмяться, заранее радуясь предстоящему спектаклю. Охотник вернулся достаточно быстро, деликатно отвел меня от гуляющих сотоварищей и слегка испуганно поведал, как пес классически сделал стойку на куропатку, а после выстрела с удовольствием съел ее вместе с перьями. Успокоился он только после объяснений, что это обычная Тимкина еда, тем более парная, а не мерзлая, которой он постоянно с удовольствием хрустит под нарами. После дара в виде мешка мерзлых куропаток гость стал нашим лучшим другом. Но снежный асфальт и в собачью жизнь принес неожиданное разнообразие. Зайцы в преддверии брачных игр заактивничали и превратили легавого пса в гончего. Вначале пес делал стойку на чаще всего невидимого мне зайца, сохранявшего неподвижность до последнего момента и которого можно было начать различать только с черного кончика носа. Затем заяц срывался наутек с не отстающим от него сеттером. Застоявшийся во время вынужденного безделья Тим вязко тянул за зайцем, повторяя все его хитрые петли, иногда заяц резко замирал, изображая, что спрятался, резко замирал и пес, бока ходуном ходили у обоих, и вновь гонка продолжалась по известному сценарию. Иное дело, когда пес поднимал сладко спавшего где-то лиса — как правило, это был почти равный ему по величине красавец самец, из снобизма решивший погонять неведомой масти преследователя. Я медленно спешил на ближайший бугор, к которому по длинной кривой сеттер и подводил лиса, и точнейший карабин «Барс» завершал наш вновь изобретенный дуэт. Кульминацией Тимкиной охоты стал соболь, их обоих я вычислил по следам, и моему взору предстал карабкавшийся на березу с каким-то лихорадочным повизгиванием сеттер и взирающий на него сверху соболь, ошарашенный безмолвным

преследователем, привыкшим на добычу только элегантно поднимать лапу. Лайке — лайково, а что я мог в благодарности дать сеттеру, следовавшему по пятам за моими прихотями. Всего у него было вдоволь, на чистой, разнообразной пище он превратился в рослого, яркого красавца с великолепной шерстью, в движении я его уже не ограничивал, но ближайшая подруга его масти была от нас не менее чем в двух тысячах километров.

Лето грозило нам комарами, рыбаками, сенокосчиками, суетой и вонью солярки, да и в городе под вулканами скопилось много дел. Появившись там, для начала я решил побывать на диких горячих источниках, и мы поставили палатку невдалеке от них. Свободное время убивали прогулками, и как-то перед нами на тропинке в кажущемся далеке от жилья нарисовался белый домашний гусь, которому бравый охотник Тима до моих криков и пинков почти успел свернуть шею. Недобитый гусь пополз в одну сторону, мы поспешно — в другую, но буквально через несколько минут с визгом дорожку преградила «Нива» и из нее вывалился мордастый мужик с переломленной вертикалкой, лихорадочно суя в нее патроны. Находчивый Тим тут же нырнул машине под днище, чем заставил противника повернуться ко мне задом и начать шарить стволом под машиной. В серьезности его намерений я не сомневался, жизнь без Тимки не представлял и твердо сказал заду, что если он тронет собаку, я пристрелю его из его же ружья. За считанные мгновения я решил это для себя без колебаний, будь что будет — судьба. Вида развороченного выстрелом друга я бы не вынес. Видимо, мое решение перешло в тембр голоса, и мужик уже танцевал между мной и машиной, а его агрессия приобретала скандальный характер. Не давая ему вновь завестись, я сообщил, что денег за гуся у нас также нет, что у нормального хозяина гуся по лесам не бродят, твердо взяв Тима на поводок и ретировался в ближайшие кусты. Однако к вечеру пес пропал. Я извелся за ночь в дурных предчувствиях и утром побрел к дому предполагаемого злодея. С повинной головой попросил мужика, вышедшего из-за стола с большой компанией, хотя бы указать место, где Тим, чтобы его похоронить. Хмуро, но без издевки он отрезал, что пса не трогал и видеть нас больше не хочет. Весь день я бродил по дорогам, не убирая палатки, надеясь на возвращение Тима, пока на окраине ближайшей деревни не увидел этого балбеса в обществе плюгавой сучонки. Теперь уже у меня возникло желание пристукнуть предателя, хотя при позднем рассуждении понял, что французское «шерше ля фам» приемлемо и для собак.

Фото автора

Славный юбилей

О.С. Русакову

исполнилось 75 лет

Он родился в Ленинграде. Прошел через горнило трудного детства, испытал все ужасы военной блокады. Его мать умерла от дистрофии, на фронте погибли старший брат и отец. Отто остался на попечении двух тетушек, о которых потом заботился с сыновним вниманием. Окончил с отличием Ленинградский сельхозинститут, получил диплом агронома. Но влечение к охоте и дикой природе берет свое, и он поступает в 1957 году лаборантом в Западное отделение ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства им. проф. Б.М.Житкова. Быстро накапливает необходимые знания и материалы и в 1965 г. становится кандидатом биологических наук.

Много и азартно работает по разным направлениям охотоведения, особенно значительны его исследования по кроту, боровой дичи и копытным. Им опубликовано более 150 работ, среди которых есть и книги. Особенно известны написанные в соавторстве монографии: «Хищные звери Северо-Запада СССР» (1979) и «Кабан: экология, ресурсы, хозяйственное значение на Северо-Западе СССР» (1982).

С 1975 года более четверти века заведовал Западным отделением (ныне филиалом) ВНИИОЗ. Отто Сергеевич — лидер по натуре. Он был главным человеком коллектива не только формально, но и по существу. Его энергия и ответственность обеспечивали высокий уровень работы и благополучие отделения, что выражалось в добротности и обилии публикаций, тесной связи с практикой охотничьего дела, большом количестве хозяйственных работ. Отделение было на хорошем счету в Институте и у властей города. Одна из главных причин этого значительного результата — умение Отто Сергеевича общаться с людьми, его личное обаяние и доброжелательность.

Отто Сергеевич — знаток охот по боровой и водоплавающей дичи, постоянный организатор облав, страстный собиратель охотничьих значков и жетонов, умелый фотограф-анималист: среди его работ немало выразительных, красивых портретов животных и пейзажей. Русаков — заядлый «собачник». Его Бэби-Гид до сих пор прослеживается во всех линиях лучших производителей дратхааров.

Несмотря на годы, О.С. Русаков успешно трудится ведущим сотрудником отделения. Им накоплены значительные научные материалы, и можно надеяться, что он еще порадует охотничий мир новыми интересными и полезными публикациями. От души пожелаем Отто Сергеевичу здоровья, творческих успехов, душевного благополучия и радостей.

С. КОРЫТИН,
доктор биологических наук,
профессор-консультант ВНИИ
охотничьего хозяйства
и звероводства им. Б.М.Житкова

Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Меня зовут Шубин Александр Иванович. Мне 16 лет. Ваш журнал выписываю всего год. Очень люблю природу и охоту, люблю бродить по лесу с собаками, но речь не обо мне.

Я хочу рассказать о своем многоуважаемом товарище — Моисееве Павле Григорьевиче, которому в 2007 году исполнилось 76 лет. Он родился в поселке Гремучий Ключ Бугурусланского района Оренбургской области и после прохождения воинской службы всю свою трудовую деятельность посвятил лесному хозяйству, проработав в этой отрасли 40 лет.

Я очень рад, что мой старший друг не жалеет ни об одном прожитом дне. Несмотря на возраст, Павел Григорьевич до сих пор не расстается с ружьем. Зимой он без всяких трудностей ходит на лыжах, участвует в коллективных охотах на кабанов и лосей, а летом занимается пчеловодством.

Годы идут, но охотничий азарт не собирается покидать этого прекрасного человека. Он обладает хорошим здоровьем и неуемной энергией. А еще он счастливый человек оттого, что продолжает идти по жизни вместе с любимой женой Клавдией Прохоровной, с которой вырастил двух дочерей и сына. Его сын также посвятил свою жизнь лесу и не представляет себя без охоты.

Хочу пожелать Павлу Григорьевичу крепкого здоровья, счастья, удачи в охоте и верных друзей.

А. ШУБИН
Оренбургская обл.

Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Пишет вам Прокопьев Александр Иванович. Проживаю я в с. Черная речка Хабаровского района Хабаровского края. Ваш журнал выписываю с 1970 года. Все подшивки храню, много раз их перечитывал. Все читатели журнал очень любят, а я его люблю в сто раз больше. Для меня в нем дорого все. Конечно, было бы не-

плохо, если б объем был страниц 100, но, наверно, тогда и этого бы показалось мало.

Мне 49 лет, из них 40 считаю себя охотником. Читать я научился в четыре года, а в шесть лет читал уже все подряд. Вот тогда сосед и подарил мне книгу. Уже не помню ее названия, но была она об охоте, охотничьих птицах и зверях. Я спал с ней.

Охота — это моя жизнь! Ради нее я пожертвовал многим. Жадным до добычи никогда не был, всегда считал и считаю, что количество дичи — не главное. Главное — общение с природой. Все мне мило и приятно, особенно в родных местах, ведь сотни раз все исхожено, все знакомо, и все равно туда тянет. С возрастом стало тяжелее, болят ноги, да и много чего болит. А в молодости ходил на охоту по два раза в день — утром и к вечеру. И если бы это время можно было бы вернуть, ходил бы еще чаще.

А сейчас я расскажу, как читаю ваш журнал. Сначала я его обнюхаю, стараясь унять внутреннюю дрожь и как-то успокоиться. Потом открываю первую страницу, прочитываю и осмысливаю. На сегодня все! Прочтешь журнал за один день — это кошунство! А что же завтра? Как говорит моя жена, есть и на завтра сладкое!

Но пишу я вот по какому поводу. Получил как-то мар-

товский номер за 2005 год. Читаю статью «В день весеннего равенствия», автора пока не вижу, но чувствую очень знакомый стиль. Поднимаю глаза, автор в черной рамочке — Бикмуллин. Журнал выпал из рук. Я был буквально в шоке, сердце чуть не остановилось. Не мог поверить тому, что увидел, надеясь, что это какая-то ошибка. Этого просто не могло быть, такие авторы не должны умирать, да еще в таком возрасте! Не поверите, но я до сих пор не могу вспоминать это время без слез.

Я собираю охотничью литературу, выписываю «Охотничьи просторы» и «Охотничью библиотечку». С глубоким уважением и любовью отношусь ко всем авторам, кто пишет на охотничью тему, но Бикмуллина я любил и люблю больше всех! Может, еще и потому, что судьбы наши схожи. Я также начинал охотиться и собирать охотничью литературу, остался в родных местах ради охоты. Ко всему прочему, Анвар бывал в наших краях во время службы. Речка Сита от нас в 10 км. И я сейчас иногда езжу туда на рыбалку, как раз напротив гарнизона, где он был на учениях. Сейчас сожалею, что не написал ему письмо, все собирался, и вот ушел, можно сказать, родной человек. И еще я сожалею о том, что нет у меня его книг.

Поздно я, конечно, напи-

сал, но, понимаете, не мог собраться, очень тяжело было. Вот и сейчас пишу, а на сердце такая боль и горечь...

А. ПРОКОПЬЕВ
Хабаровский кр.

Живя в центральной части России, а именно на Тамбовщине, даешься диву просторам наших полей. Этот простор завораживает охотника-борзятника, который ждет открытия сезона охоты больше, чем какой другой праздник.

В местах нашего проживания лесов нет, поэтому главные для нас объекты охоты — это заяц-русак и рыжая лиса. Сезон охоты открывается в первую субботу ноября и заканчивается в последний день января. Весь сезон охотник в любую свободную минуту берет собак в поле.

Состав охотников у нас постоянный, и результат охоты чаще всего бывает положительный. Борзых собак мы держим всегда — как псовых, так и хортых. Наши дети и племянники тоже начинают интересоваться нашим делом, что очень приятно.

Что касается самих борзых, то мнения у нас о них только самые лучшие. Благодаря их резвости и выносливости у нас почти стопроцентный подбор подранков среди зайцев. Что касается лисы, то тут несколько сложнее. Она может уйти в нору или лесополосой, камышом.

В. МОЧАЛОВ
Тамбовская обл.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Здравствуй! Пишу вам в надежде, что вы мне что-нибудь посоветуете.

В тот год наш знакомый Шурик просмотрел свою Песню, и она повязалась с кобелем лайки. Не то чтобы просмотрел, а когда поехал с ней в деревню к отцу, закрыл ее в хлеву, где жила кобыла. Оконце там было хоть и маленькое, но без стекла, вот кобель и залез...

Когда я узнал об этом, сразу сказал, от Песни брать щенка не буду, хотя нужда у меня была, нашему выжлецу пошел уже 10-й год.

Но вышло все не так. Както в начале сентября иду к сыну (мы живем на разных улицах) и слышу, что у него дома орет щенок. Спрашиваю, откуда? Оказалось, что это один из тех самых щенков от Песни и зовут его Гай. Что делать? Сын работает, времени у него нет, взял малыша к себе. Вырастил.

Когда Гаю исполнился год, поехал в сентябре на открытие сезона с ним в лес. После нескольких часов ходьбы он очень азартно залаял, забегал. Я стал подбадривать, но след он выправить не смог и дальше не погнался. И так в течение дня четыре раза. Я это отнес к тому, что было довольно жарко. В следующий раз он опять бегает вокруг куста, очень азартно лает... и тут понял, что он гоняет рябчиков. Вот они где сказались — гены лайки!

Зайцев он гонял совсем неплохо. Както поднял зайца, на первом сколе мы ему помогли, а потом он держал его полтора часа. Так вот этими рябчиками Гай сам себя испортил. Както по снегу нашли заячью «столовую». Гай стал носиться вокруг этой упавшей осины и лаять. Ему бы надо искать выходной след, а он этого не делает. Так научился на рябчиковых следах.

Очень бы хотелось отучить его «гонять» рябчиков. Я рассказал об этом охотникам, все дают советы, но сомнительные. Одни говорят: «Убей рябчика и налупи его им, враз отвыкнет». Другой говорит: «Привяжи ему рябчика на хвост, пусть таскает

весь день пока он ему не надоест». Так вот мой вопрос: возможно ли отучить моего Гаю от рябчиков? Может, у кого-нибудь был уже подобный опыт?

В. КОРОБЕЙНИКОВ
Кировская обл.

От редакции

Уважаемый Виктор Степанович! Где-то Вы упустили гончую сами при нагонке в теплое время в лесу. Гены лайки здесь совершенно ни при чем.

Дело в том, что, желая поставить на след своего гончака, Вы ходили по следам рябчиков, которые причужал выжлец. Наверное, порскали, вызывая его лай. Теперь надо все исправлять по снегу. Думаю, Вы этим уже занимались: найдя след зайца, ставили на него собаку.

Никаких рябчиков привязывать к хвосту нельзя. Ни в коем случае нельзя при гончаке стрелять в них. В летнее время при нагонке не надо посещать «рябчинные» места, а наганивать в сосняках, чистых березняках, там, где не встречаются ели, которые любят рябчик. Только так Вы отучите гончую отдавать голос на следах рябчиков. Одно скажу — с гончей работать надо.

Л. ГИБЕТ

Здравствуй, уважаемая редакция нашего журнала! Хочу выразить искреннюю благодарность и пожелать всего самого доброго инспектору по разрешительной системе Тербунского РОВД капитану милиции Семендяеву Евгению Васильевичу. Не раз приходилось обращаться к нему по различным вопросам. Он всегда аккуратен, корректен, доброжелателен, но требует строго по закону. У него не бывает таких слов, как «приходите завтра», «мне некогда» и т.д. Если срок назначен, можно быть спокойным, все будет в порядке.

Передайте ему со страниц журнала благодарность от имени охотников нашего района, желаем ему здоровья и всего самого наилучшего.

Н. БЕРНОВ
Липецкая обл.

Журнал «Охота и охотничье хозяйство» появился в нашем доме очень давно. А еще раньше в нашей семье родилась любовь к охоте. Солнечным днем 7 сентября 1957 года в семье Антоновых родился мальчик Вова. С детства он научился ценить дары природы. Охота стала главным увлечением двенадцатилетнего мальчишки. Он вырос, набирался опыта, и вот уже азарт, присущий всякому охотнику, стал сопровождаться уважением к природе, охотничьим традициям, которые чтит и соблюдал старшие товарищи. Затем наступил вынужденный перерыв — армия, институт, годы становления молодой семьи. Но первые лучи солнца, шелест деревьев, живая тишина леса не переставали манить к себе.

1990 год: уже состоявшийся охотник Владимир обучает семилетнего сына тонкостям охотничьего дела. Их сопровождает верный помощник — русско-европейская лайка по кличке Чип. Время шло. Любовь к охоте собрала сплоченный коллектив охотников-единомышленников из разных городов нашей Родины. Расширилась география охоты. Сейчас Владимир Владимирович Антонов возглавляет цеховую охотничью ячейку, явля-

ется значимой фигурой в сообществе охотников Вологодчины, известен как человек, способный сохранить и передать следующим поколениям культуру, философию и традиции охоты.

Мы рады поздравить нашего охотника с юбилеем!

*Что значит для тебя охота?
Веселый смех друзей, общение
с природой.
Птиц пробужденье, тихий
снежный лес,
Вечерний разговор и красота
небес.*

*Охота — это блеск раскосых
глаз,
Горящих, преданных, готовых
хоть сейчас
Бежать стремглав по первому
приказу
За белкой, лосем или за всеми
сразу!*

*Охота — испытание
на прочность,
На меткость глаза, слова
точность,
Обычаев, традиций бязь
И поколений неразорванная
связь.*

*Охота — это единение
с природой,
От повседневной суеты
свобода,
И долгих сборов, теплых встреч
пора,
И пожелание «ни пуха ни пера».*

Желаем здоровья!

Любящая семья **АНТОНОВЫХ**
г. Москва

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Нос к носу или «пойду и убью медведя»

По долгу службы мне много пришлось путешествовать и охотиться на необъятных просторах нашего Забайкалья. И всякое бывало.

В том памятном году наш отряд проводил геологическую съемку в районе Икатского хребта и его диких глухих отрогов на севере Бурятии. Работали в сложных метеорологических условиях — лето выдалось дождливое и нудное. То нависнут черные, низкие тучи и прольет холодными струями неожиданный дождь, то обложит всю тайгу свинцово-серой пеленой и моросит мелким бисером и тонкой сырой пылью, и нет от этой сырости никакого спасения. Лошади стоят понуро, опустив свои большие головы, по их темным бокам бесчисленными струями стекает дождевая вода... И так по несколько суток кряду.

Вследствие такой неустойчивой погоды началось большое наводнение. Маленькие ручейки и речки вздулись и прямо на глазах превратились в большие потоки бурого цвета. Широкие долины залило от одного борта гор и до другого. Лагерь пришлось срочно выносить в более безопасное место. Поток со страшным ревом и шумом крушил и ломал в щепы большие деревья, их черные корни зловеще показывались из мутной пенистой воды и вновь исчезали в этом бешеном хаосе.

Наш легкий вездеход на гусеничном ходу оказался бессильным перед силой буйствующей природы. Оборвалась тоненькая нить, связывающая наш небольшой отряд с цивилизованным миром. А беда не приходит одна — пошли на убыль продукты.

Оставив львиную долю скудного запаса пропитания горнорабочим, наш небольшой караван геологосъемщиков двинулся в гольцовую часть Икатского хребта.

После такой летней распутицы, несмотря на то что наступила осень, путь наш был тяжелым и сложным. Болотистые долины с высокими кочками и частая перевьючка лошадей вконец измучили и животных и людей...

В тяжелой работе прошел конец лета. Уже использованы лицензии на копытного зверя, и в лагерь пришел голод. В наличии осталось немного муки, сода и соль. Строжайший учет вели последним крохам, а впереди не закрытые геологической съемкой квадраты.

Уже в который раз пришли кони с основной базы, и все пустые, не считая технического оборудования в сумках, правда, на этот раз по рации было получено устное разрешение на отстрел зверя. Дополнительные лицензии не было возможности доставить в отряд...

На этот раз наши кони пришли, чтобы в последний раз перебраться наш отряд под самый голец, тускло сияющий на ближнем горизонте. Подошла моя очередь встать во главе каравана и точно в указанных координатах установить наш лагерь. Вооружившись топорами, мы медленно продвигались вперед, сваливая мелкие листьяшки и осинки на обе стороны узкой звериной тропы.

Пошел мелкий кедровый стланник, и кони веселее зазвякали подковами по прибрежному щебню. Появились большие поляны белесого ягеля с кустарником ерника. Впереди виднелся большой кар — конец нашего пути.

Развывчив уставших лошадей, мы наскоро сварили таежный чай и, немного передохнув у костра, занялись устройством лагеря. Конох спешно засобирався в обратную дорогу, так как подножных кормов для животных здесь не было — одни мхи да лишайники. Расставив палатки, прибрав походный скарб, я стал собираться на вечернюю охоту за зверем. В процессе сборов в разговоре с ребятами я в шутку сказал, что пойду и убью медведя. А сборов-то всего было — закинуть на плечо вин-

товку, повесить на шею бинокль, взять сошки для стрельбы с упора, рюкзак. Вот и все.

Погода выдалась ясная, относительно теплая, даже появилась крупная черная мошка. На удивление еще не было снега, а уже девятое октября. Обычно в этих местах в сентябре лежит довольно глубокий снег. Осторожно, скрадом поднялся на верх каменистого склона. Пересохший ягель предательски хрустел под ногами. Об-

Рисунок автора

зор был хороший. Впереди гряды базальтовых останцов, черными истуканами торчащие по склону. Ягель выше шиколотки весь истоптан северными оленями. В надежде на удачу просматривая в бинокль окрестности, поднялся на край кара, своеобразной котловины. На дне ее небольшое озеро — исток горной речки. Далее вниз — наш лагерь. Большой дым от лагеря говорит о том, что геологи уже вернулись из маршрутов. День закончился, и в гольцах наступили серая тишина и спокойствие. Опустившись в одну из ложбин, я оказался в непролазном кедровом стланнике выше человеческого роста. Ветви переплелись — ни поднырнуть, ни перешагнуть. Всякими

способами все-таки продвигался вперед. Пока выпутывался из переплетенных ветвей, даже немного вспотел. Оружие и сошки постоянно цеплялись за ветви. Неожиданно выбрался на свободное пространство между стланиками. Ноги провалились в глубокий сырой мох. Проступившая вода постепенно набиралась в углубление, где я стоялся. Переступив поудобнее с ноги на ногу, стал приводить себя в порядок: поправил сползшую на глаза вязаную шапку, вытер рукавом с лица пот, в левую руку перекинул сошки, взял наперевес винтовку и вот было тронулся... Внезапно из-за соседнего куста жимолости появилась большая медвежья голова. «Ну и рожа!» — мелькнула мысль. Потом медведь привстал, вырисовалась широкая грудина. Надо это видеть! Голова вся в земле. Нос возбужденно двигается — ловит мой запах. Сопит. Глаза с недоумением «сверлят» меня. Наступило мгновение, когда мы встретились в упор взглядом. В эти секунды — «мандража» никакого! Осторожно опустил из руки сошки, как мне показалось, медленно снял затвор с предохранителя, та же медленно поднял оружие к плечу, навел на черную грудь. Мысль лихорадочно, но четко работает. Прищурил глаз. Мушка и прорезь на черном фоне груди слились, плохо вижу. А шестое чувство подсказывает — «только в голову». Попади я хоть и в сердце или по другим жизненно важным органам, все равно он сборомошит меня — уж очень близко! Не скажу, что я завязатый медвежатник, но прецедент в прошлых встречах уже был. И я хорошо знал крепость медведя на рану, и его молниеносную быстроту в движениях в критические секунды... В голове: «траектория пули у армейского карабина высокая — целить только в нос, — попадет в лоб». Перевел прицел на чистое серое небо — это, к счастью рядом, с головой. Благо между ветками оказался просвет. Совместил прорезь с мушкой и плавно перевел медведю на нос. Грянул оглушительный выстрел, толчок в плечо. Машинально передернул затвор. Медведь ошарашенно заморгал и тихо опустился за куст... Стою наготове. Куст почти полностью закрывает зверя. Осторожно переступаю на какую-то кочку, чуть повыше. Вижу заднюю часть медведя. Крупные конвульсии сотрясают лохматую спину. Головы не вижу, чтобы сделать контрольный выстрел. Чувствую сильное напряжение во всем теле. Зверь не встает, конвульсий все меньше. До сознания дошло, что зверь мертв. Тут же опустился и присел на какую-то кочку. В процессе охоты мне и в голову не приходило, что вот так неожиданно наткнулся на медведя.

В напряженном ожидании прошло какое-то время... Рядом заметил, что на соседней ущербной рябинке, на самом верху, сидит, скорчившись в комочек, бурундук. Тогда мне стало все понятно. Попытался встать — ноги как ватные и какое-то блаженное чувство. Как будто это кто-то другой участвует в событии, а я сторонний наблюдатель... Понял — результат психического напряжения. В этом оцепенении я был недолго. Справившись с собой, осторожно дошел до этого куста. Картина восстановилась сразу же. Огромный медведь лежал ничком в глубокой яме. Вокруг было выворочено множество больших и маленьких камней вместе с землей. Оказалось, он доставал зимний запас бурундука. Меня сразу услышать не мог, так как находился головой в яме. Так же, как и я не мог его сразу увидеть, пока он не поднялся.

С особой осторожностью подошел сбоку, оружие наготове. Приподнялся на вывороченные медведем камни. Заглянул вниз на голову. Уши не прижаты, а расслаблен-

но растопырены в стороны — первый признак, что зверь убит. Патрона не понадобилось.

С большим трудом мне удалось вывалить его из этой траншеи. Хорошо, что за этим кустом был крутой уступ вниз, иначе бы я его не вытащил.

Свежевать уже поздно. Осмотрел его, перевалил на бок. Точно, во лбу над правым глазом пулевое отверстие. Достав из кармана складной охотничий нож, отпустил кровь. Вскрыл брюшную полость: от сала все белое. Кишок мало, не то что у копытных, желудок набит орехами, пережеванными вместе с шелухой. Видно, не один запас бурундуков разрушил он в этот день.

Отделив солидный кусок жирного мяса и уложив его в рюкзак (пожалел, что не было топора), подался вниз до нашего табора. Наступила полная темнота. До табора чуть больше двух километров. Спускался по крупноглыбевому курумнику, ориентируясь по глухому рокоту ручья под камнями. Тяжелый рюкзак гирей тянул плечи. Ноги неоднократно попадали в глубокие щели между камнями. Внизу иногда мелькали отблески нашего костра. Сколько времени я шаршился по этому курумнику с тяжелой ношей? Казалось, бесконечно. У костра залаяла собака — значит, я уже дома! После лая костер запылал ярче.

Выйдя на свет, увидел обращенные вопросительные лица своих товарищей. Посыпались вопросы: «Ну как? В кого стрелял?» «Ребята, выполнил я свое обещание — добыл медведя!» — сказала я. Кто-то иронично заметил: «Какой медведь, когда был всего один выстрел!» Пришлось с помощью шутников снять тяжелый рюкзак и вывалить содержимое на брезент да показать испачканные руки.

Недоверие и ехидные шутки прекратились — зауважали. Лагерь ожил! Через некоторое время уже зашкворчали шашлыки на палках над тлеющими углями костра.

На следующий день было решено транспортировать добытое мясо. Утром поели медвежатины с содовыми лепешками, запивая крепким плиточным чаем. Взяли рюкзаки, ножи и топор, отправились за добычей.

В светлое время, утром, было куда легче подниматься по курумнику, по этой «каменной реке». Тихо подойдя к месту события, мы немало удивились — маленький бурундучок восседал на медвежьей туше и поедал его сало... словно мстил грабителю. Обследовали место моего неожиданного столкновения с медведем. Сошли лежали где лежали, рядом во мху углубление, уже наполнившееся водой, откуда я стрелял. Сзади сплошная стена непролазного стланика. Для интереса замерили расстояние до выкопанной медведем ямы. Оказалось чуть более семи метров! В яме я опустился на колени и нашупал вход в кладовую бурундука. В руках у меня оказались орехи, полностью очищенные от шелухи и желтой тонкой оболочки. Обратили внимание, что орех был не стланиковый. А первые отдельные кедрны находились метров на двести ниже. Оставалось загадкой, почему бурундук не воспользовался стланиковыми шишками, которых здесь было множество? В зимнем запасе было более пяти килограммов.

Может быть, кто и встречался с такими фактами, но я увидел это впервые. Для нас, свидетелей, все-таки осталось загадкой: поедание медвежьего сала бурундуком, очистка ореха до такой степени и длинная дорога для бурундука за крупными орехами, когда стланиковые рядом, рукой подать.

В. ЕГОРОВ
г. Улан-Удэ

Вниманию наших авторов!

Налоговая инспекция требует от редакции сведений об авторах: фамилия, имя, отчество; день, месяц и год рождения; ксерокопии паспорта и страхового пенсионного свидетельства; домашний адрес с почтовым индексом; ИНН. Просим присылать перечисленные сведения вместе с материалами, предлагаемыми для публикации. Присланные рукописи не рецензируются и обратно по почте не возвращаются.

ПЕТРЕНКО В. Возродить дух промысловой охоты	1
КОЛПАЦИКОВ Л., МУХАЧЕВ А. Биолог-охотовед Сибири	3
СОКОЛОВ Г. Соколы: пути рационального использования	4
СЕВАСТЬЯНОВ А. Бобры в Москве	6
ДАВЫДОВ М., ДИГИЛЕВИЧ А. «Охота — мощнейший фактор моей психологической и физической реабилитации» (интервью)	8
МАЛОВИЧКО Л. Зимородок — птица года 2007	10
КАЛИНИН М. Уссурийский край	12
ДИГИЛЕВИЧ А. Расселение зайцев-беляков	16
ЛИТВЕНКО В. Охота на уток с чучелами	18
КУЗЬЯЕВ А. Охота с гончими на зайцев	20
ТИШКЕВИЧ С. Бухарский уриал	24
ГОРБУНОВА Е. Мы снова во Фрязево встретились	26
ГУРОВ В. «Германика» — ружье охотников и спортсменов	28
МАСЛОВ Ю. Мое ружье: вопрос — ответ	29
БЛЮМ А. Практика и тренировка в пулевой стрельбе	30
АСТАФЬЕВ Н. Перерегистрация оружия	32
БИБИКОВА В., ГУСЕВ О и др. Юрий Федорович Мамаев	33
МЕЛЬНИКОВ В. К. Сергей Петрович Кучеренко (к 80-летию со дня рождения)	34
КУЧЕРЕНКО С. Кожаная сумка выживания	35
СЕРЕБРЕННИКОВ Е. Дружок	40
КОРЫТИН С. Славный юбилей. О. С. Русакову — 75 лет	43
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	15, 27
ШИШКИН В. Воробьиные	48

На первой странице обложки:

Камчатский соколь

Фото С. Тишкевича

Фотоконкурс «Охота и природа, 2006»

На второй странице обложки:

К фотоочерку С. Тишкевича «Бухарский уриал»

На четвертой странице обложки:

К фотоочерку А. Дигилевича «Расселение зайцев-беляков»

Внимание читателей! В № 8 — 2007 г. на стр. 44 в письме М. Хохлова читайте вместо Краснодарского края — Красноярского края.

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Б. Чернышев, В. С. Шишкин

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Л. Н. Иконникова

Фотокорреспонденты:

А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко, А. А. Севастьянов

Сдано в набор 01.08.07 г. Подписано к печати 07.09.07 г.

Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 27 720 экз. Заказ 236. Цена 40 руб.

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78,

Садовая-Спасская ул., 18

Тел.: 207-24-05, 207-20-91

Отпечатано в ОАО «ЧПК»

Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru

факс 8(49672) 6-25-36, факс 8(499) 270-73-00

отдел продаж услуг многоканальный: 8(499) 270-73-59

В случае обнаружения полиграфического брака

обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати

12.10.90 № 452

Птица, давшая название самому крупному отряду пернатых, специализированному семейству — воробьиные (ранее включалось в семейство ткачиковых), издавна известна человечеству. Вор-воробей не только похищал часть урожая, но и становился героем фольклора, пословиц, поговорок — «Старого воробья на мякине не проведешь», «Слово не воробей: вылетит, не поймаешь», «Из пушки по воробьям...» и т.д. Переезжая (в Америку, Австралию, Юж. Африку), европейцы брали беспокойного соседа с собой. Ущерб, наносимый воробьями культурным растениям, может быть местами значительным, но китайский «эксперимент» по уничтожению воробьев урожая не увеличил. Воробьи все-таки истребляли большую часть вредных насекомых, выкармливая птенцов.

Наиболее известен **домовый воробей** (вес около 30 г, размах крыльев около 25 см). У самца верх головы серый, окаймленный сзади коричневым полукольцом, узкая маска и горло черные, на крыле белая полоска, на спине пестрины. Самка буровато-серая. Селится вместе с человеком, продвигаясь у нас на восток (Камчатка, Чукотка, Сахалин). **Индийский воробей** (иногда считающийся более светло и ярко окрашенным подвидом домового), обитающий в Казахстане и Ср. Азии, в отличие от домового часто гнездится открыто, в естественных биотопах. Он более колониален и склонен к миграциям. Окраины городов, сельские ландшафты предпочитает **полевой воробей**. В горах Приморья, где нет домового, занимает его нишу. Уступающая размерами домовому, хорошо отличается светло-коричневой шапочкой, черной скобкой на белой щеке, узким белым кольцом вокруг шеи. Окраска обоих полов схожа. На Кавказе, в Ср. Азии местами обычен и даже многочислен **черногрудый воробей** с каштановой шапочкой, большим развитием у самца черного цвета на зобе, боках и спине. Для фауны Ср. Азии характерны еще **саксаульный** (у самца над глазом охристая полоса, окаймленная сверху черным) и гнездящийся открыто, в шарообразных гнездах, **пустынный воробей**. У последних в оперении самцов преобладает серовато-белый цвет, контрастирующий с черными масочкой и горловым пятном. На юге Сахалина, на Юж. Курилах гнездится в лесах мелкий **рыжий воробей**, занесенный в Красную книгу Сахалинской обл. На спине самца преобладает красно-коричневое оперение. В горах Кавказа и Ср. Азии встречается **снежный выюрок** (ранее к выюрмам и относившийся), крупнее домового воробья, в полете заметны черные концы белых крыльев, черная продольная срединная полоса на белом хвосте. Более низкие участки гор (от Кавказа до Забайкалья) населяет **каменный воробей**, буровато-серый, с желтым пятном на горле, белыми концами рулевых. Еще ниже на Кавказе и в Ср. Азии встречается однотонно-бурый, с белыми пятнами на конце хвоста, **короткопалый воробей**, уступающий размерами родственному каменному. В долинах гор, на остепенных участках в Алтае и Забайкалье гнездится мелкий, буроватый **монгольский земляной воробей**. Изредка залетающий в Ср. Азию **афганский земляной воробей** окрашен более контрастно (темные пестрины на спине), но черный цвет на голове самца (маска, горловое пятно) развит слабее. Монгольский земляной воробей занесен в Красную книгу Бурятии.

Близкое к овсянкам (а они завершают описание отряда Воробьиных) американское семейство трупялов, или кассиков, недавно получило представительство и в российской фауне — на Чукотке обнаружен **западный луговой трупял**. Самец этого вида (с крупного дрозда) легко отличим по лимонно-желтой брюшной стороне с черным V-образным пятном на груди, тонкому пинцетообразному клюву, темным пятнам и полосам по сероватой спинной стороне и бокам. Самка заметно мельче, окрашена тусклее. Повадками напоминают жаворонков. Еще раньше, на Чукотке же отмечался залет **ржавчатого трупяла**. Самец (размером с певчего дрозда) в брачный период надевает чисто черный наряд. Радужина светлая. Самка окрашена в буроватые тона. На Чукотку могут проникать и другие виды американских птиц, часто они довольно ярко окрашены и могут привлекать внимание. Регистрация таких залетов (фотографии, точное описание, видеоматериалы, сами добытые птицы) представляют большой научный интерес.

В. ШИШКИН

Снежный вьюрок,
самец

Домовый
воробей,
самец, самка

Каменный
воробей

Короткопалый воробей

Индийский
воробей,
самец

Полевой воробей,
самец, самка

Ржавчатый
трупиял,
самец

Западный
луговой трупиял,
самец, самка

Пустынный воробей,
самец

Саксаульный
воробей,
самец

Черногрудый
(испанский)
воробей,
самец

Рыжий
воробей,
самец

Афганский земляной воробей, самец

Монгольский земляной воробей, самец

домовый
воробей

рыжий
воробей

Индексы 70673 — на полгола, 72376 — на год. Цена 40 рублей

USSN 0131—2596. Охота и охотничье хозяйство, 2007. № 10. 1—48